К3321

А. А. Шахматовъ.

КЪ ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Р133 3/21

А. А. Шахматовъ.

1461

КЪ ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ГОСУД. РОССК. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
№ 8603
31-III-1931
БИБЛІОТЕКА

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII (1903 г.), кн. 1, стран. 280—318, кн. 2, стр. 303—382, т. VIII (1903 г.), кн. 1, стр. 297—356, кн. 2, стр. 312—346.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка.

Полногласіе.

I. Второе полногласіе.

Вопросъ о происхожденіи звукового состава такихъ словъ какъ русск. верхъ (древнее вьрхъ), польск. wierzch, старослав. **врьхъ** и **връхъ**, или русск. волкъ (древнее вълкъ), польск. wilk, старослав. **влькъ** и **клъкъ**, сербск. вук, или русск. горло, польск. gardło, старослав. **грьло**, словенск. grlo — былъ предметомъ изслѣдованія многихъ славянскихъ, въ частности русскихъ, а также нѣмецкихъ ученыхъ. Усилія ихъ были направлены къ возстановленію общеславянской формы этихъ и подобныхъ имъ словъ, содержащихъ сочетанія согласная + *р* или *л* (сопровождаемыя или не сопровождаемыя гласною) + согласная. Одни изъ нихъ приходили къ возстановленію общеславянскихъ tert, tort, telt, tolt[1]), другіе къ предположенію для общеславянской эпохи tьrьt, tъrъt, tъlъt; третьи допускали общеславянскія tьrt, tъrt, tьlt, tъlt, наконецъ, нѣкоторые думали объ общеславянскихъ tṛt, tl̥t какъ съ твердыми, такъ и съ палатализованными r̥, l̥. Изложеніе взглядовъ, высказанныхъ различными учеными по этому вопросу, можно найти у Миклошича, въ его трудѣ «Ueber den Ursprung der Worte von der Form aslov. trъt», у Ягича, въ его статьѣ

1) Формулы, предложенныя Миклошичемъ, для избѣжанія повторенія болѣе сложныхъ опредѣленій.

«Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus» (1876 г., Archiv I, 337), у Колосова въ его «Обзорѣ звуковых и формальных особенностей нар. русск. языка» (1878) и, наконецъ, въ прекрасно изложенной главѣ IV изслѣдованія Б. М. Ляпунова о языкѣ Синодальнаго списка 1-й Новгородской лѣтописи (1899).

Изъ дальнѣйшаго моего изслѣдованія выяснится, почему я думаю, что ближе другихъ подходили къ истинѣ тѣ ученые, которые принимали для общеславянскаго языка tьrt, tъrt, tьlt, tъlt, т. е. Колосовъ (уже въ 1872 году въ Очеркѣ), Потебня, Ягичъ, Облакъ, Соболевскій и др. Но болѣе точное, какъ мнѣ кажется, опредѣленіе взаимнаго отношенія ъ, ь и r, l въ указанныхъ общеславянскихъ группахъ дано Фортунатовымъ, печатно впервые въ 1889 году (см. его статью «Phonetische Bemerkungen veranlasst durch» и т. д. въ Archiv f. sl. Ph. XI, 569—571): r и l были въ этихъ сочетаніяхъ слоговыми[1]). Въ Лекціяхъ, печатавшихся въ 1888 году, Фортунатовъ опредѣлилъ предшествующіе слоговымъ r и l звуки ъ и ь какъ неслоговые[2]): такимъ образомъ получена формула tь̯rt, tъ̯rt, tь̯lt, tъ̯lt, (ь̯, ъ̯ обозначаютъ неслоговыя ъ и ь, r̥ и l̥—слоговыя плавныя). Я думаю, что эти гипотетическія формы объясняютъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ звуковыя измѣненія, испытанныя интересующими насъ сочетаніями въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, но процессъ, приведшій общеславянскій языкъ къ этимъ формамъ, представляется мнѣ не вполнѣ выясненнымъ.

Фортунатовъ въ названныхъ трудахъ предполагалъ, что общеслав. tь̯rt, tь̯lt и т. д. восходятъ къ литовскославянскимъ tь̯rt, tь̯lt (отсюда въ литовскомъ tirt, tilt), а эти къ индоевропейскимъ tα̯rt tα̯lt (гдѣ α̯ обозначаетъ неслоговую ирраціональную

---

1) «Das heutige гордый, первый ist allerdings geläufig, aber es ist aus gъr̥dъ, pьrъvъ hervorgegangen—das hat Fortunatov zuerst richtig erklärt»—замѣчаетъ Ягичъ въ Archiv XX (1898), стр. 49.

2) То же высказано и въ прим. на стр. 570 упомянутой статьи въ XI т. Archiv.

гласную, явившуюся въ результатѣ сокращенія слоговой гласной *o* или *e*). Индоевропейское неслоговое ирраціональное $\breve{\alpha}$, т. е. гласная, имѣвшая количество меньшее, сравнительно съ количествомъ другихъ краткихъ гласныхъ, измѣнилось въ литовско-славянскомъ языкѣ въ неслоговое ирраціональное *i* (т. е. ь), а при извѣстныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, въ неслоговое ирраціональное *u* (т. е. ъ). Существовавшее въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ индоевропейское $\underset{\cdot}{r}\breve{\alpha}$ (результатъ сокращенія *re* или *ro*) измѣнялось въ литовско-славянскомъ въ $\underset{\cdot}{r}$ь, откуда литовское *ri*: ср. литовское bridau, bristi и старослав. **непрѣбрьдомъ**, словацк. brdnuti. Что же касается индоевропейскихъ сочетаній $\breve{\alpha}$r, $\breve{\alpha}$l ($\breve{\alpha}$n, $\breve{\alpha}$m) передъ гласными, то они въ литовско-славянскомъ языкѣ переходили въ слоговыя, хотя и ирраціональныя, *i*, *u* (т. е. ь, ъ) + *r*, *l* (*n*, *m*): ср. старослав. **мьрѫ**, литовск. miriau. То же въ существенныхъ чертахъ высказано Фортунатовымъ въ статьѣ «Индоевропейскія плавныя согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ», помѣщенной въ сборникѣ Χαριστηρια (М. 1896), но здѣсь онъ вноситъ въ прежнее свое мнѣніе ту поправку, что допускаетъ слоговыя плавныя для индоевропейской эпохи и передъ гласными, при чемъ передъ ними ирраціональное $\breve{\alpha}$ было неслоговымъ, а за ними развивались плавныя и носовыя согласныя неполнаго образованія: g$\breve{\alpha}\underset{\cdot}{r}$ráti. Кромѣ того, Фортунатовъ предполагаетъ существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ слогового ирраціональнаго $\breve{\alpha}$ въ сочетаніи съ несонорными согласными (т. е. не съ плавными и носовыми), напр. въ такихъ случаяхъ, какъ k$\breve{\alpha}$tur-, $\breve{\alpha}$zdhi (греч. πίσυρες, ἕσθι). «Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ, слѣдовательно, надо думать, еще въ балтійско-славянскую эпоху, — замѣчаетъ Фортунатовъ, — индоевроп. $\breve{\alpha}$ слоговое и $\breve{\alpha}$ совпали вообще по качеству звука, т. е. въ балтійскихъ языкахъ изъ $\breve{\alpha}$ слогового, какъ и изъ $\breve{\alpha}$, мы находимъ *i* и *u*, а въ славянскихъ общеславянскія ь и ъ съ ихъ фонетическими измѣненіями...»[1]).

1) Χαριστηρια, стр. 487.

Мнѣ кажется, что подобное совпаденіе слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что $\underset{\frown}{\alpha}$ (=*i*) стало слоговымъ еще въ балтійско-славянскую эпоху, при чемъ такое измѣненіе его звука зависѣло отъ перехода слѣдовавшихъ за нимъ слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ въ неслоговыя. Подтвержденіе этому я вижу не только въ литовскихъ дифтонгическихъ сочетаніяхъ *ir*, *il*, *in*, *im*, вторая часть которыхъ неслоговая, но и въ общеславянскомъ измѣненіи тѣхъ сочетаній, которыя восходятъ къ индоевропейскимъ $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{n}}$, $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{m}}$: а именно, по крайней мѣрѣ подъ удареніемъ, мы находимъ на мѣстѣ ихъ носовое *е* (ср. десатъ, мати); врядъ ли можно было бы ожидать подобнаго измѣненія этихъ сочетаній, если бы въ нихъ не произошло предварительно потери слогового свойства носовыхъ. Отмѣчу кромѣ того, что допускаемый Фортунатовымъ переходъ $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{n}}$, $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{m}}$ передъ гласными въ *in*, *im*, даетъ полное основаніе предположить такой же переходъ передъ согласными еще въ балтійско-славянскую эпоху. Упомяну наконецъ и о томъ, что дружныя показанія славянскихъ языковъ сводятся къ тому, что въ случаяхъ какъ рыцн, *брынжти въ общеславянскомъ *r* было неслоговымъ, между тѣмъ какъ въ индоевропейскую эпоху оно было здѣсь слоговымъ. И такъ, во-первыхъ, совпаденіе $\underset{\frown}{\alpha}$ и α, возводимое Фортунатовымъ къ балтійско-славянской эпохѣ, во-вторыхъ, переходъ первоначальныхъ $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{n}}$, $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{m}}$ въ носовыя гласныя въ общеславянскую эпоху, въ третьихъ, показанія литовскаго языка — убѣждаютъ меня въ томъ, что еще въ балтійско-славянскую эпоху индоевропейскія $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{r}}$, $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{l}}$ передъ согласными измѣнились въ *ir* (*ur*), *il* (*ul*). Въ этихъ сочетаніяхъ *r*, *l* были получены балтійско-славянскимъ языкомъ долгими тамъ, гдѣ $\underset{\cdot}{\text{r}}$, $\underset{\cdot}{\text{l}}$ были долги въ индоевропейскомъ языкѣ; но и краткія *r*, *l* (изъ индоевропейскихъ краткихъ $\underset{\cdot}{\text{r}}$, $\underset{\cdot}{\text{l}}$) удлинились въ балтійско-славянскую эпоху по тому общему закону, указанному Фортунатовымъ, по которому удлинились передъ согласными *r*, *l*, *n*, *m* всякаго происхожденія (см. ниже): лит.-слав. tir̄t, tur̄t, til̄t, tul̄t; при этомъ дифтонгическое сочетаніе *ir* изъ индоевроп. $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\bar{\text{r}}}$ имѣло другую долготу, чѣмъ *ir* изъ индоевроп. $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\cdot}{\text{r}}$. Если высказанное

здѣсь предположеніе объ измѣненіи индоевроп. o̯r̥, o̯l̥ въ балтійско-славянскія *ir*, *il* правильно, то какъ же объяснить себѣ появленіе дифтонгическихъ сочетаній ь̯r̥, ь̯l̥ въ общеславянскомъ языкѣ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣчу что отдѣльные славянскіе языки предполагаютъ именно tь̯r̥t, tь̯l̥t, а не tьrt, tьlt: въ русскомъ языкѣ *tьrt, *tьlt съ долгими *r*, *l* (ср. выше) перешли бы въ tьrьt, tьlьt, какъ tert, tort, tolt (съ долгими *r*, *l*) перешли здѣсь въ teret, torot, tołot; въ западнославянскихъ языкахъ *ьr*, *ьl* имѣютъ другую судьбу, чѣмъ *rъ*, *lъ*,— и это можно объяснить только тѣмъ, что въ сочетаніяхъ *ьr*, *ьl* *r* и *l* были слоговыми (ср. древнечешск. slza—одинъ слогъ, при plno — два слога); указаніе же на то, что *ь*, *ъ* передъ r̥, l̥ были въ общеславянскомъ языкѣ неслоговыми, дается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ славянскіе языки доказываютъ односложность, а не двусложность сочетаній ь̯r̥, ь̯l̥, ъ̯r̥.

Переходъ балтійско-славянскихъ *ir*, *il*, *ur*, *ul* въ общеслав. ь̯r̥, ь̯l̥, ъ̯r̥, ъ̯l̥ стоитъ, какъ мнѣ кажется, въ прямой связи съ тѣми измѣненіями, которымъ подверглись въ общеславянскомъ языкѣ звуки ĭ и ŭ. Въ общеславянскомъ языкѣ эти звуки были болѣе закрыты въ положеніи передъ слѣдующимъ неслоговымъ *i* (i̯), менѣе закрыты во всякомъ другомъ положеніи; болѣе закрытыя ĭ и ŭ восходили какъ къ краткимъ *i*, *u*, такъ и къ долгимъ, очевидно сокращавшимся передъ i̯; кромѣ того *i* закрытое являлось въ результатѣ измѣненія ě передъ i̯ (ср. праслав. bi̯o̯, mu̯o̯, tri̯e, po̯ti̯e съ закрытыми *i* и *y*); болѣе открытыя общеславянскія ĭ и ŭ восходили къ балтійско-славянскимъ ĭ и ŭ. Въ извѣстную эпоху жизни общеславянскаго языка произошелъ переходъ болѣе открытыхъ ĭ и ŭ въ звуки, передававшіеся въ кирилловскомъ алфавитѣ буквами ь и ъ, а также переходъ болѣе закрытыхъ ĭ и ŭ въ звуки, передававшіеся въ старославянской письменности большею частью буквами и, ы (рѣже ь и ъ), но отличавшіеся отъ *ь* и *ъ* изъ ĭ и ŭ (болѣе открытыхъ), повидимому, закрытостью звука. Переходъ ĭ и ŭ въ *ь* и *ъ* долженъ быть признанъ редукціей этихъ звуковъ, т. е. измѣненіемъ въ звуки не-

полнаго образованія (ср. у Sievers, Phonetik⁴, §§ 263, 264 и 473). Онъ былъ вызванъ, какъ кажется, стремленіемъ общеславянскаго языка произносить всѣ краткія гласныя открыто. Подобное стремленіе было свойственно не одному этому языку: такъ въ прароманскую эпоху всѣ долгія гласныя стали произноситься закрыто, а всѣ краткія гласныя открыто (Meyer-Lübke, Einführung in das Studium der roman. Sprachwissenschaft, § 84). Въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ наблюдалось впослѣдствіе подобное же стремленіе: такъ въ словенскомъ языкѣ, въ большей части его говоровъ, безъ измѣненія остаются только краткія открытыя гласныя *a*, *o*, *e*, между тѣмъ какъ закрытыя — *i*, *u*, *e* и *o* закрытыя (замѣнявшія открытыя *e*, *o* при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ), *e* закрытое изъ *ѧ* подверглись, какъ и въ общеславянскомъ, редукціи. Стремленіе произносить краткія гласныя открыто имѣло въ общеславянскомъ и словенскомъ языкахъ слѣдствіемъ вытѣсненіе въ краткихъ слогахъ звуковъ *i*, *u* полнаго образованія, замѣну ихъ гласными неполнаго образованія, т. е. редукцію этихъ звуковъ. Въ другомъ мѣстѣ я предполагаю подробнѣе остановиться на относящихся сюда явленіяхъ словенскаго языка; здѣсь же ограничусь указаніемъ на тожество ихъ съ явленіями общеславянскими. Въ результатѣ редукціи *i*, *u*, *e*, *o* закрытыхъ, слова stre¹líti, gre¹šíti, se¹nð, rudétise, kóžuh звучатъ въ словенскомъ strъlitъ, grъšitъ, sъno, rъdetъse, kožъh (такъ передаетъ ихъ напр. Метелко); posúli, ljúbica, jispovédala, Iěžuš и т. д. звучатъ posulъ, ljubъca, jъspovedova, Iěžъš (такъ передаетъ ихъ Валявецъ въ своихъ запискахъ изъ горенскихъ говоровъ). Равнымъ образомъ, въ результатѣ редукціи ĭ, ŭ, слова dĭnĭ, sŭnŭ, tĭmą, vedetĭ, mŭnogŭ стали звучать въ общеславянскомъ языкѣ dьnь, sъnъ, tьma, vedetь, mъnogъ и т. п. Тогда какъ болѣе открытыя ĭ, ŭ, редуцируясь, переходили въ общеславянскомъ языкѣ въ ъ, ъ, менѣе открытыя ĭ, ŭ переходили въ ь¹, ъ¹, т. е. въ болѣе закрытые оттѣнки тѣхъ же звуковъ (отсюда при извѣстныхъ условіяхъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ *i* и *y*): mŭję, bĭję, kolĭje перешли въ mъ¹ję, bь¹ję, kolь¹je, ср.

сербск. ми̏јēм, би̏јēм, ко̑ље, великорусск. мо́ю, бью, ко́лья, малор. ми́ю, би́ю, кі́лля. Редуцированныя гласныя ъ, ь открытыя и закрытыя въ количественномъ отношеніи были или кратки, или короче краткихъ; эти послѣдніе звуки я буду называть полукраткими (ср. терминъ Halbkürze у Сиверса, Phonetik[4] § 644b; Фортунатовъ называетъ ихъ ирраціональными); я обозначу ихъ въ этой статьѣ буквами ъ̆, ь̆, ъ̆¹, ь̆¹. Краткими редуцированныя гласныя были въ общеславянскомъ языкѣ: а) подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ слова: dъ́skǫ вин. ед. (до́ску), tь́šča (тёща), mъ́¹jǫ (мо́ю), šь¹ja (ше́я); б) передъ слогомъ съ полукраткою редуцированною гласною: krásьnъ̆ (кра́сен), brátьcь̆ (бра́тец), sýnъmь̆ (сыном) и т. п.; в) передъ слѣдующимъ i̯ (замѣнявшимъ j въ положеніи передъ ударяемою гласною): pь¹i̯ǫ, kolь¹i̯à. Полукраткими редуцированныя гласныя были во всякомъ иномъ положеніи: bratъ̆, sъnъ̆, póbь̆¹jetь̆ (сербск. по̏бијē, древнерусск. по́бьеть), vъzь̆mǫtь̆ (древнерусское во́зьмуть) и т. п.

Но въ положеніи передъ *r*, *l* съ послѣдующею согласною ĭ, ŭ, редуцируясь и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивая отчасти свою сонорность, переходили въ очень краткія ь, ъ, вслѣдствіе того, что слѣдующія за ними плавныя становились сонантами, переходили въ слоговыя *r*, *l*; эти очень краткія ь, ъ теряли даже свой слоговой характеръ, становились неслоговыми звуками (ь̯, ъ̯). Такъ измѣнились virba, virxъ, vilkъ, dilgъ, murgati, gurlo въ vь̯r̥ba, vь̯r̥xъ̆, vь̯l̥kъ̆, dь̯l̥gъ̆, mъ̯r̥gati, gъ̯r̥lo. Аналогію съ указаннымъ измѣненіемъ находимъ въ словенскомъ: здѣсь редукція ĭ, ŭ, ĕ закрытаго (изъ *ѣ*) имѣла слѣдствіемъ переходъ rĭ, rŭ, lĭ, lŭ, rĕ, lĕ (а также nĭ, nŭ и т. д.) въ r̥, l̥ (n̥), откуда діалектически *ъr*, *ъl*; ср. напр. въ записяхъ Валявца изъ горенскаго говора Преддворскаго прихода: dékъlca вм. deklica, ъnkolъ вм. ni̯koli, ъlpo вм. lepô, prjezdъ и pъrjêzdu вм. prijezdi и prijezdil, pršù вм. prišel, pъršva вм. prišla, nъč вм. nič, rmênъmo вм. rumenimu и т. д. (ср. Slovenske narodne pesmi, uredil Štrekelj). Различіе общеславянскаго явленія отъ словенскаго состоитъ въ томъ, что въ общеславянскомъ слоговая плавная возникала вслѣдствіе редукціи

предшествующей гласной, тогда какъ въ словенскомъ редукція вызывалась гласною, слѣдующею за плавною; другими словами, въ общеславянскомъ становились сонантами только тѣ плавныя, за которыми слѣдовали другія согласныя, т. е. *только долгія плавныя* (ср. выше), между тѣмъ какъ въ словенскомъ слоговой характеръ пріобрѣтался плавными и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Ср. переходъ *rъ*, *lъ* и т. д. въ r̥, l̥ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

И такъ слоговыя плавныя въ общеславянскомъ языкѣ оказываются новыми по происхожденію: между ними и индоевропейскими слоговыми плавными нѣтъ прямой генетической связи; ихъ отдѣляетъ та посредствующая ступень съ плавными неслоговыми, которая возникла въ балтійско-славянскую эпоху.

Слоговыя плавныя подъ удареніемъ различались такъ же, какъ тѣ дифтонгическія сочетанія, которыя они замѣнили: они могли имѣть или восходящее удареніе (когда это удареніе имѣло дифтонгическое сочетаніе, ими замѣненное, при чемъ въ литовскославскую эпоху здѣсь была длительная, по терминологіи Фортунатова, долгота),—или нисходящее удареніе (когда замѣненное ими дифтонгическое сочетаніе имѣло въ литовскославянскую эпоху прерывистую долготу): dl̥̂gъ (longus), zr̥̂no съ восходящимъ удареніемъ, dl̥̃gъ (debitum), vl̥̃kъ, vr̥̃xъ съ нисходящимъ удареніемъ, ср. сербск. дȕг, зр̏но (малор. зе́рно), но дȗг, вȗk, врȘх.

Изложивъ исторію возникновенія общеславянскихъ сочетаній tr̥t, tl̥t, tъ̀r̥t, tъ̀l̥t, переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ измѣненій, которымъ они подверглись въ южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ. Это облегчитъ намъ изслѣдованіе исторіи указанныхъ сочетаній въ русскомъ языкѣ.

Необходимо однако предварительно остановиться на вопросѣ, не претерпѣли ли какихъ нибудь измѣненій сочетанія tr̥t и т. д. уже въ общеславянскомъ языкѣ. Думаю, что на него можно отвѣтить отрицательно, такъ какъ врядъ ли допустимо измѣненіе группы l̥ послѣ твердыхъ зубныхъ въ ъ̀l̥ еще въ общеславян-

скую эпоху, какъ думалъ въ 1889 году Фортунатовъ (Archiv, XI, 571), основываясь на западнославянскомъ ł̥u, l̥u. Мы увидимъ ниже, что ł̥u должно признать результатомъ измѣненія ł̥, измѣненія являвшагося подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ въ общезападно-славянскомъ языкѣ.

Въ южнославянскихъ языкахъ t̥ŗ̥t, t̥l̥̥t и т. д. перешли, повидимому, сначала въ tŗt, tl̥t, вслѣдствіе потери плавными въ положеніи передъ согласными ихъ слогового свойства; отсюда trŗt, tlŗt, tlŗt, trŗt, въ силу того общаго закона, что сочетанія гласная + плавная передъ согласной подвергались въ общеюжнославянскую эпоху перестановкѣ (ср. tla, tra изъ tal, tar, člo изъ čöl). Но съ теченіемъ времени ъ, ь не только полукраткія, но и краткія (въ случаяхъ какъ krъvь) переходили въ южнослав. языкѣ въ неслоговые звуки, въ силу развивавшейся въ предшествующихъ плавныхъ сонантности: vlьkъ, dlьgъ, prьstъ, mlъva, grъlo, такъ же какъ slьza, glъtati, blъха, krъstъ, перешли въ v̥l̥̥kъ, d̥l̥̥gъ, pr̥stъ, m̥l̥̥va, gr̥lo, s̥l̥̥za, gl̥̥tati, bl̥̥ха, kr̥stъ. Старославянскія **влькъ**, **прьстъ**, **млъка**, **грълo**, **сльза**, **глътатн**, **блъха**, **крьстъ** изображаютъ повидимому эти самыя южнославянскія формы [1]). Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что r̥̥, l̥̥, по крайней мѣрѣ въ старославянскомъ языкѣ, могли измѣняться діалектически въ r̥ъ, l̥ъ; измѣненіе l̥̥ въ l̥̥ъ обусловливалось вліяніемъ предшествующихъ этой группѣ или слѣдующихъ за нею твердыхъ зубныхъ; въ нѣкоторыхъ говорахъ встрѣчался обратный переходъ r̥ъ, l̥̥ъ въ r̥̥, l̥̥ подъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ звуковъ: діалект. старослав. **нспльнь**, **влькъ** съ старымъ **ль**, при **длъгъ**, **плънъ** съ новымъ **лъ**. Неслоговыя ъ, ь исчезли въ отдѣльныхъ южныхъ славянскихъ языкахъ, такъ же какъ исчезли въ нихъ полукраткія ъ, ь, ь[1], измѣнившись предварительно, какъ кажется, въ неслоговые звуки: pr̥sta, kr̥stъ̆, v̥l̥̥kъ̆, перешли въ prsta, krst, vlk и т. д. Слоговое l̥̥ въ сербскомъ измѣнилось въ большей части говоровъ въ ŭl̥̥, откуда uo и далѣе u (ср. Ягичъ, Zur Frage über den Uebergang des silben-

1) Ср. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, с. 221.

bildenden *l* in *u*, Archiv IV, 386 и сл.); въ словенскомъ l̥ въ долгихъ слогахъ переходило діалектически въ *ol*, откуда ou̯, между тѣмъ какъ въ краткихъ прямо въ *u* (ср. Облакъ, Zum silbenbildenden *l* im Slavischen, Archiv XVI, 203). Ср. сербск. пр̏ст, вр̏х, др̀жати, кр̀стити, кр̀в, кр̏вāв, сȕнце, дȕг, вȕк, сȕза; словенск. kr̀t, kr̀st, dr̀n, držáti, móu̯ža, móu̯viti, dôu̯g, dou̯gâ (долгъ) и т. д.

Въ общезападнославянскую эпоху слоговыя *r*, *l*[1]) въ сочетаніяхъ ьr̥, ъl̥ и т. д. подверглись лабіализаціи или палатализаціи, подобно тому какъ подобнымъ же измѣненіямъ подвергались всѣ вообще согласныя. Палатализація и лабіализація согласныхъ несонантныхъ зависѣла отъ качества слѣдующей гласной: палатализація вызывалась гласными *i*, *ъ*, *ѣ*, *e*, *ę*, лабіализація гласными *o*, *ǫ*, *u*, *ѫ*, *y*. Сходныя измѣненія сонантовъ r̥, l̥ происходили подъ вліяніемъ какъ слѣдовавшихъ за ними согласныхъ, такъ и предшествующихъ неслоговыхъ звуковъ: ъr̥, ъl̥ получали лабіализованныя r̥, l̥ (откуда ŕ), независимо отъ качества слѣдующаго звука: mъ̏ŕva, tъ̏r̥gъ̆; ьr̥, ьl̥ получали вообще палатализованныя r̥, l̥: vь̏r̥ʲxъ̆, pь̏r̥ʲsʲtʲenь̆, vь̏l̥ʲkъ̆; но лабіализація ихъ въ сочетаніяхъ ьr̥, ьl̥ вызывалась лабіализованною (твердою) зубной слѣдующаго слога: zь̏r̥no, pь̏ŕnъ̆; вѣроятно, ь передъ лабіализованными r̥, ŕ измѣнялось подъ вліяніемъ ихъ въ ъ: zъ̏r̥no, pъ̏ŕnъ̆. Еще въ общезападнославянскую эпоху полукраткія *ъ*, *ь* измѣнились въ неслоговыя *ъ*, *ь*: sъ̆na, tь̆ma, bratъ̆ перешли въ sъ̏na, tь̏ma, bratъ̏; затѣмъ въ ту же эпоху произошло отпаденіе и выпаденіе неслоговыхъ *ъ*, *ь*: sna, tʲma, brat. Одновременно и по той же причинѣ mъ̏ŕva, tъ̏r̥gъ̏, vь̏r̥ʲxъ̏, vь̏l̥ʲkъ̏, zъ̏r̥no, pъ̏ŕnъ̏ перешли въ mŕva, tr̥g, vr̥ʲx, vl̥ʲk, zr̥no, pŕn. Дальнѣйшее измѣненіе r̥, l̥ слоговыхъ принадлежало жизни отдѣльныхъ западнославянскихъ языковъ. Въ польскомъ r̥ лабіализованное измѣнялась въ *ar* (martwy, czarny, kark)[2]), r̥ палатализованное въ irʲ, откуда

1) Звукъ *l* въ этихъ сочетаніяхъ, какъ вообще передъ согласными и непалатальными гласными, еще въ общеслав. языкѣ отличался отъ звука *l* передъ палатальными гласными.

2) Вм. *ar* находимъ ʲar подъ вліяніемъ ʲerʲ: ziarno подъ вліяніемъ *ziernisty и т. п.

позже ˈer и ˈerz (wierzch, pierścień, pierwszy, czerw); ł послѣ лабіализованныхъ зубныхъ переходило въ łu, рѣже въ ło (długi, dłubać, tłusty, słońce), послѣ губныхъ, гортанныхъ и смягченныхъ зубныхъ—въ eł, oł (откуда ół: pełny, *pełk, wełna, zgiełk, żółty); ļ измѣнялось въ *il* (milczeć, wilk). Въ нижнелужицкомъ ŗ лабіализованное переходило въ *ar* (sarna, cart, twardy, chart, *g*, *k* передъ этимъ *a* смягчаются: gjardy, kjarcma)[1]; ŗ палатализованное въ *er* (serp, wjerch, pjerwy, cerw′, śerń); ł послѣ лабіализованныхъ зубныхъ переходило въ łu, ły (słup, tłuc, długi, tłusty, słyńco), послѣ губныхъ и смягченныхъ зубныхъ—въ oł (półny, cołn, żołty), ļ измѣнялось въ *el* (wjelk, pjelniś). Въ верхнелужицкомъ ŗ лабіализованное переходило въ or (morwy, sorna, čorny, horšć, khort); ŗ палатализованное—въ eŕ (откуда при извѣстныхъ условіяхъ er: wjeŕch, wjeŕba, ćeŕpjeć, pjeršćeń); ł *во всякомъ положеніи* измѣнялось въ oł (połk, hołk, čołm, tołsty, dołhi); ļ палатальное —въ *el* (wjelk, mjelčeć). Въ чешско-словацкомъ ŗ лабіализованное и палатализованное совпали въ ŗ твердомъ (vrch, vrtěti, drn, držeti), но послѣ ž и č является *er* (černý, žerď, žernov); ł и ļ сохранялись въ чешскословацкомъ безъ измѣненія. Но въ чешскомъ ł перешло въ *lu* (mluv, pluk, hluk, člun, slunce, dlouhý, tlustý), а ļ измѣнилось въ ļ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вытѣснило ł = *lu* (vlk, mlčeti; plný подъ вліяніемъ plně, plniti); въ словацкомъ ł послѣ губныхъ и гортанныхъ перешло въ łu (płuk, młuva, hłučný), ļ измѣнилось въ ł (vłk, płně).

Такимъ образомъ западнославянскіе языки указываютъ именно на тѣ звуки, которые возстановляетъ для общеславянской эпохи Бодуэнъ-де-Куртенэ[2]), т. е. твердые и палатализованныя слоговыя плавныя. Но я не рѣшился бы возводить эти звуки далѣе эпохи общезападнославянскаго единства: не говоря

1) Вм. *ar* находимъ *er* подъ вліяніемъ erˈ: zerno, dern, pjerd.

2) Напр. въ недавнее время онъ изложилъ свой взглядъ на разсматриваемыя звуковыя сочетанія въ Encykl. Powsz., въ статьяхъ Fonologja (fonetyka arjoeuropejska и Fonologja (fonetyka) słowiańska.

уже о томъ, что старославянскія ръ, рь, лъ, ль нельзя считать выраженіемъ однѣхъ слоговыхъ плавныхъ, которыя, разумѣется, могли бы писаться и ър, ьр, я думаю, что ни общеславянская, ни индоевропейская фонетика не допускали въ числѣ своихъ звуковъ палатальныхъ слоговыхъ. Въ общеславянскомъ языкѣ гортанныя g, k, x измѣнялись передъ палатальными гласными въ ž, č, š: западнослав. čerw^{i} Бодуэнъ-де-Куртенэ имѣетъ возможность возвести къ общеслав. čr̥^{i}vь изъ kr̥^{i}vь. Но какъ объяснить отъ западнославянское čl̥n? Если и въ общеславянскомъ было čl̥nъ съ твердымъ l̥, откуда č? Если же čl̥nъ въ общеславянскомъ языкѣ имѣло палатальное l̥, то почему оно отвердѣло въ западнославянскихъ языкахъ? Съ другой стороны, какъ понять съ точки зрѣнія почтеннаго слависта польское czoł̨g, czoł̨gać się (ползать)? Слоговое l̥ должно бы признать здѣсь для общеславянскаго языка мягкимъ какъ въ виду č, такъ и въ силу его положенія передъ гортаннымъ (ср. wilk, milczeć); между тѣмъ въ польскомъ находимъ ł. Гдѣ же критерій для различенія твердыхъ и палатальныхъ плавныхъ въ общеславянскомъ языкѣ? Думаю, что опредѣлить условія твердости или палатальности слоговыхъ плавныхъ въ индоевропейскомъ или общеславянскомъ языкѣ невозможно. Напротивъ, эти условія совершенно ясны въ западнославянскихъ языкахъ: ł, какъ мы видѣли, всегда замѣняетъ общеславянское сочетаніе ъl̥; оно является также на мѣстѣ ьl̥ въ положеніи послѣ смягченныхъ зубныхъ, измѣнявшихъ въ западнославянскихъ языкахъ *е* въ ö (откуда *о*), а слѣдовательно и ь въ ü; и такъ ł на мѣстѣ ъl̥ и ül̥ (съ слоговымъ ü); напротивъ, l^{i} замѣняетъ вообще ьl̥, вмѣсто него только передъ твердыми зубными находимъ ł. Вліяніе твердыхъ зубныхъ на измѣненіе l^{i} въ ł однородно съ вліяніемъ ихъ на измѣненіе предшествующихъ имъ *е* въ ö = *о*, ä изъ ѧ въ *а* въ польскомъ языкѣ и объясняется выше указаннымъ свойствомъ этихъ зубныхъ — ихъ лабіализованностью. Врядъ ли можно возводить лабіализованность западнославянскихъ зубныхъ къ общеславянской эпохѣ; если же сопоставимъ, съ одной стороны, польск.

wilk, piekarz, śnieg, съ другой, польск. weł̨na, ulubiony, siano, то увидимъ, что какъ чередованія piekarz — ulubiony, śnieg — siano, такъ и чередованіе wilk — weł̨na должны восходить къ одной общей эпохѣ, къ эпохѣ прапольскаго языка, и самое дальнее — къ эпохѣ общезападнославянской. Но этотъ выводъ прямо указываетъ на то, что различіе между польскими *peł̨k и wilk въ отношеніи звуковъ ł и l^{i} не старше времени западнославянскаго единства, а такъ какъ причину этого различія нельзя найти въ согласныхъ элементахъ приведенныхъ словъ, то ясно, что она коренится въ различіи предшествовавшихъ слоговому *l* гласныхъ элементовъ; ср. съ одной стороны старослав. **клькъ**, указывающее на vь̥lkъ, а съ другой **плъкъ**, возводящееся къ ръ̥lkъ.

Переходимъ къ главной нашей задачѣ — къ изслѣдованію судьбы общеславянскихъ сочетаній tь̥rt, tъ̥rt, tь̥lt, tъ̥lt въ русскомъ языкѣ.

Эти сочетанія прежде всего испытали въ русскомъ языкѣ то же измѣненіе, какъ въ южнославянскихъ языкахъ, а именно перешли въ *ъr*, *ər*, *ъl*, *ъl* вслѣдствіе потери плавными ихъ слогового характера. Но въ южнославянскихъ языкахъ они измѣнились далѣе въ *rъ*, *rъ*, *lъ*, *lъ* въ силу общаго закона о перестановкѣ въ сочетаніяхъ гласная + плавная (ср. южнослав. *ra*, *lъ*, *lo* изъ *ar*, *ъl*, *ŏl*); русскому языку перестановка была вообще чужда; поэтому *ъr*, *ər*, *ъl*, *ъl* сохранили въ немъ первоначальный порядокъ звуковъ. Предшествующія плавнымъ *ъ*, *ъ* были кратки, а не полукратки. Въ сочетаніяхъ *ъr*, *ъl*, *ъl*, *ъl* различались тѣ же два вида ударенія, что на общеслав. сочетаніяхъ ь̥r, ъ̥r и т. д., т. е. восходящее и нисходящее. Согласныя *r*, *l* подверглись измѣненіямъ, сходнымъ съ разсмотрѣнными выше западнославянскими, а именно *r* или лабіализировалось или палатализировалось, между тѣмъ *l* лабіализировалось во всякомъ положеніи.

Причина этихъ явленій лежала въ томъ обстоятельствѣ, что лабіализація согласныхъ передъ гласными *ы*, *у*, *о*, *ъ*, палатализація ихъ передъ *е*, *і*, *ь* вытѣснила совершенно простыя, не аффектированныя согласныя какъ передъ гласными[1]), такъ и передъ другими согласными. Въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ *ъr*, *ьr* передъ согласными звукъ *r* палатализовался или лабіализовался, въ зависимости отъ окружающихъ условій: *ьr* переходило въ ъr^{u} передъ лабіализованными согласными (гърдый, търгъ), въ ъr^{i} передъ палатализованными (пъртити, скърбь, откуда діалектическое скьрбь); *ъr* вообще было склонно, въ силу ассимилирующаго вліянія гласной на согласную, къ измѣненію въ *ър^{i}* (ср. то же явленіе въ западнославянскихъ языкахъ), но передъ лабіализованными зубными, т. е. звуками по мѣсту образованія сродными съ *r*, вмѣсто *ъr* являлось ьr^{u} (откуда повидимому дальше ür — ör—^{i}or); такъ явились вьр^{i}хъ, вьр^{i}ба, пьр^{i}стьнь, но дърнъ, чьрвь. Въ звуковыхъ сочетаніяхъ *ъl*, *ьl* l, какъ всякое вообще *ł*[2]), лабіализировалось, не подвергаясь вліянію предшествующаго *ъ*, въ противоположность западнославянскимъ языкамъ, гдѣ *ł* измѣнялось въ l^{i} при тѣхъ же условіяхъ, что *r* въ r^{i}; переходъ *ł* въ ł^{u} имѣлъ слѣдствіемъ измѣненіе предшествующаго *ъ* въ *ь*, что, кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что еще въ общеславянскомъ языкѣ ъ̯ł звучало какъ ӱł (такъ какъ иначе мы на мѣстѣ ьł^{u} ожидали бы не ъł^{u}, а только ӱł^{u}, т. е. не вълкъ — волк, а вӱлкъ — вёлк); такъ явились не только пълкъ, мълва, хълмъ, но и вълкъ, мълчати, объльченъ, стълбъ, дълбити и т. д.

Дальнѣйшее измѣненіе общерусскихъ дифтонгическихъ сочетаній зависѣло отъ той судьбы, которой подверглись звуки *ъ* и *ь* въ русскомъ языкѣ. Послѣ перехода tъ̯rt, tъ̯lt и т. д. въ tьrt, tъłt, русскій языкъ имѣлъ *ъ* и *ь* (открытыя и закрытыя) въ крат-

---

1) Впрочемъ, я теперь думаю, что простыя, не аффектированныя согласныя сохранялись въ русскомъ передъ гласною *а*.

2) Уже въ общеславянскомъ звукъ *l* отличался передъ твердыми гласными и согласными (*ł*) отъ *l* передъ палатальными гласными (обыкновенное европейское l).

комъ и полукраткомъ видѣ (см. выше). Но съ теченіемъ времени полукраткія ъ и ь перешли въ русскомъ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ неслоговые звуки: vozъ̆, mъ̆nogo, dъ̆va, otъ̆ca, vьsь̆, kolь̆je, umъ̆jetъ̆ перешли въ vozъ̯, mъ̯nogo, dъ̯va, otъ̯ca, vьsь̯ kólь̯je, umъ̯jetъ̯. Въ русскомъ, такъ же какъ во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ, этотъ переходъ ъ̆, ь̆ въ ъ̯, ь̯ имѣлъ слѣдствіемъ удлиненіе того слога, къ которому долженъ былъ примкнуть слогъ съ неслоговымъ ъ или ь. Краткія гласныя — а краткими въ такомъ положеніи были едва ли не только *o*, *e*, ŏ (изъ *e*), ъ, ь — удлинялись (кромѣ впрочемъ ъ, ь, которыя, какъ редуцированныя, не были способны къ растяженію): ĕ и ŏ переходили въ ē и ō. Подобное растяженіе имѣло мѣсто, напримѣръ, въ сербскомъ языкѣ, гдѣ ē и ō сохранились до сихъ поръ: ср. бо̄г, до̄м, ме̄д, ле̄д, го̑спо̄д, ја̑во̄р, ја̑се̄н, дје̑ве̄р, ка̑ме̄н и т. д.; его же мы находимъ въ польскомъ, но только передъ звучными согласными (кромѣ *n*, *m*, передъ которыми болѣе древняя долгота уступила мѣсто краткости): róg, ród, mіód, wóz, wór (мѣшокъ), sól, gotów; въ верхнелужицкомъ на мѣстѣ болѣе древняго ō является u͡o (пишется ó) въ ударяемомъ слогѣ передъ зубными согласными: hłós, płód, płódny, hórka; а на мѣстѣ болѣе древняго ē находимъ i͡e (пишется ě) въ ударяемомъ слогѣ передъ согласными непалатальными: šěsć, čěrc, měd, pěc, jědnaćě (одиннадцать)[1]).

Въ русскомъ языкѣ долгота *o*, *e*, какъ вообще всякая долгота, исчезла съ теченіемъ времени и при томъ, повидимому, еще въ общерусскую эпоху. Но въ южнорусскомъ нарѣчіи ē, ō, ō, еще до сокращенія своего, успѣли перейти въ дифтонгическія сочетанія ie, üö, uo (ср. только что отмѣченныя верхнелужицкія дифтонгическія сочетанія); отсюда далѣе, послѣ сложной исторіи, украинскія и галицкія *i*: сѣверномалор. куон', дуом, мюод, піеч (ср. **пѣчь** въ древнихъ памятникахъ малорусскихъ), укр. кін', дім, мід, піч. Указанное южнорусское явленіе даетъ намъ полное

1) Передъ губными и гортанными *o*, а передъ палатальными согласными *e* произносятся закрыто и не переходятъ поэтому въ *uo*, *ie*.

основаніе предполагать для общерусскаго языка растяженіе *e*, *o*, ŏ передъ слогомъ, содержавшимъ неслоговыя ъ, ь (открытыя и закрытыя). Совпаденіе русск. плуод, мюод, шіест' съ сербскимъ плōд (дубров.), мēд, шēст, польск. płód, mjód, верхнелуж. płód, mĕd, šĕsć приводило меня раньше къ мысли, что эти слова уже въ общеславянскомъ имѣли ō, ē, что слѣдовательно уже въ общеславянскую эпоху ъ, ь полукраткія становились неслоговыми звуками. Но теперь я вижу ошибочность прежняго моего мнѣнія. Во-первыхъ, *o* и *e* въ общеславянскомъ растягивались не въ ō и ē, а въ ā и ѣ (ie), какъ видно изъ растяженія начальнаго *o* въ сочетаніяхъ *or*, *ol* передъ согласными при особомъ качествѣ долготы *r*, *l* (общеслав. lakomъ, lanь, ralo, ratь изъ alkomъ, alnь, arlo, arlь, которыя восходятъ къ olkomъ, olnь и т. д.). Такое же растяженіе являлось и въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ: южнослав. varta, gardъ (откуда врата, градъ) изъ vorta, gordъ съ долгимъ *r* указываютъ на то, что въ эпоху перехода *or* въ *ar* языкъ не имѣлъ еще ō. Во-вторыхъ, южнорусское мюод свидѣтельствуетъ объ общерусскомъ m'ōdъ : ō можно объяснить только какъ русское явленіе, такъ какъ общеславянскій языкъ не зналъ звука ŏ въ такомъ положеніи; слѣдовательно mŏdъ перешло въ mōdъ не на общеславянской, а на русской почвѣ. Въ третьихъ, допустивъ общеславянскій переходъ *o*, *e* въ ō, ē передъ слогомъ съ ъ, ь, мы не поймемъ, почему южнорусскому скуот (скіт) въ польскомъ и сербскомъ соотвѣтствуетъ skoł, или южнорусскому буоб (біб) въ сербскомъ соотвѣтствуетъ bŏb, а въ польскомъ bób: то обстоятельство, что въ южнорусскомъ мы найдемъ *уо* передъ всякой согласной и при всякомъ удареніи слова, между тѣмъ какъ въ польскомъ ó только передъ звонкими согласными, а въ сербскомъ ō только подъ нисходящимъ ударе-ніемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что растяженіе *o*, *e*, а слѣдовательно замѣна ъ, ѣ черезъ ъ, ь произошли не въ общеславянскую эпоху, а позже, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Въ западнославянскихъ и южнославянскихъ языкахъ изъ краткихъ *сонантовъ*, способныхъ къ растяженію, въ слогѣ пе-

редъ слогомъ съ ъ̯, ь̯, были извѣстны, какъ указано, только *о*, *е*. Но въ русскомъ языкѣ въ такомъ положеніи находились еще краткія r, *l* въ сочетаніяхъ *ьr*, *гr*, *ъl*. Южные языки въ соотвѣтствіи съ такими сочетаніями имѣли r̥ь̯, r̥ъ̯, l̥ь̯, l̥ъ̯ западные — r̥, l̥, r̥^{i}, l̥^{i}, при чемъ какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ слоговыя плавныя были долгими [1]). Въ указанныхъ русскихъ сочетаніяхъ *r*, *l* должны были подвергнуться растяженію передъ слогомъ съ ъ̯, ь̯ въ силу того самаго закона, который вызвалъ ō, ō, ē въ такомъ положеніи. И такъ, рядомъ съ *ьr*, *гr*, *ъl* передъ согласной + гласная полнаго образованія, въ общерусскомъ языкѣ должны были явиться ьr̄, ъr̄, ъl̄ передъ согласной + ъ̯ или ь̯.

О существованіи ьr̄, ъr̄, ъl̄ рядомъ съ *ьr*, *гr*, *ъl* свидѣтельствуютъ современные говоры и памятники древняго языка, такъ какъ въ нихъ различно отразились общерусскія группы *ьr*, *гr*, *ъl* и общерусскія группы ьr̄, ъr̄, ъl̄: на мѣстѣ первыхъ мы по общему правилу находимъ *ер*, *ор*, *ол*, на мѣстѣ вторыхъ — *ере*, *оро*, *оло*, т. е. тѣ формы, которыя отражаютъ на себѣ явленіе, названное Потебней вторымъ полногласіемъ [2]).

Нахожу удобнымъ прервать въ этомъ мѣстѣ нить предыдущихъ разсужденій для того, чтобы обратиться къ фактическому матеріалу, относящемуся ко второму полногласію.

Второе полногласіе съ точки зрѣнія современнаго языка состоитъ въ томъ, что гласная *о*, *е*, полученная передъ группой *р* или *л* + согласная, повторяется за согласными *р* или *л*: ср. діалектическое произношеніе столо́б, верёх вм. столб, верх. Тотъ же терминъ употребленъ Потебней для обозначенія древнерусскаго явленія, состоящаго въ повтореніи *ъ* и *ь*, полученныхъ передъ *р* или *л* + согласная, за согласными *р* или *л*: ср. древне-русск.

1) Что же касается сочетаній *or*, *er*, *ol*, *el*, передъ согласными, то въ нихъ *r*, *l*, хотя и несложовыя, были долгими какъ въ общеславянскомъ, такъ и въ общерусскомъ, западно и южно-славянскихъ языкахъ.

2) Къ исторіи звуковъ русскаго языка (1876 г.), стр. 90.

дѣлъжьно, кьрьхъ. Какъ увидимъ ниже, мы находимъ основаніе предполагать, что написанія **ъръ, ьрь, ълъ** соотвѣтствуютъ въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ живому произношенію, которое въ научной транскрипціи мы передали бы черезъ *ъръ, ьрь, ълъ*. Это дѣлаетъ вполнѣ вѣроятнымъ предположеніе Потебни, что современныя діалектическія *оро, ере, оло* восходятъ къ древнимъ *ъръ, ьрь, ълъ*. Слѣдовательно, второе полногласіе состоитъ въ переходѣ *ър, ьр, ъл* въ *ъръ, ьрь, ълъ* (откуда *оро, ере, оло*), а не въ переходѣ *ор, ер, ол* въ *оро, ере, оло*. Остановимся теперь на тѣхъ звуковыхъ условіяхъ, при которыхъ имѣло мѣсто въ древнемъ языкѣ интересующее насъ явленіе. Въ виду того, что ясное пониманіе явленій, гдѣ замѣшаны буквы ъ, ь въ древнерусскихъ памятникахъ, значительно затрудняется сложной графикой, я разсмотрю сначала явленія современнаго живого языка и на основаніи ихъ попытаюсь разобраться въ явленіяхъ древняго языка, насколько они отразились на письмѣ.

Случаи, гдѣ въ современныхъ русскихъ говорахъ встрѣчается второе полногласіе, собраны были впервые Потебней (Къ исторіи звуковъ, I, стр. 92—95); нѣсколько дополненій сдѣлано Ягичемъ (Archiv I, 356), Огоновскимъ (Studien, 53), Соболевскимъ (Лекціи [2], 29), Шимановскимъ (Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ, 28), Ляпуновымъ (Изслѣдованіе о языкѣ 1-й Новгор. лѣтописи) и др. Не лишнимъ представляется мнѣ представить здѣсь полный списокъ всѣхъ случаевъ второго полногласія, извѣстныхъ мнѣ какъ изъ указанныхъ только что трудовъ, такъ и изъ другихъ источниковъ и между прочимъ изъ отвѣтовъ на программу для собиранія народныхъ говоровъ (Академіей напечатаны пока только первые сорокъ два отвѣта)[1]). Въ моемъ спискѣ я умышленно соединяю данныя изъ всѣхъ русскихъ нарѣчій, такъ какъ не считаю второе полногласіе особенностью одного какого-либо изъ нихъ, хотя и признаю, что случаи вто-

1) Привожу слова въ той формѣ, въ которой они сообщены наблюдателями. Нѣсколько случаевъ второго полногласія сообщено мнѣ В. И. Черныше вымъ.

рого полногласія особенно устойчиво держатся только въ нѣкоторыхъ сѣверноруссkихъ говорахъ. Всѣ извѣстные мнѣ случаи второго полногласія я размѣщу въ двухъ отдѣлахъ: въ первый войдутъ тѣ случаи, гдѣ за слогомъ съ *оро, оло, ере* (изъ ъръ, ълъ, ърь) стоялъ нѣкогда слогъ съ неслоговыми ъ или ь; во второй — случаи, гдѣ за этими слогами стояла согласная + гласная полнаго образованія. Мы увидимъ, что случаи первой категоріи гораздо многочисленнѣе случаевъ второй категоріи, и попытаемся объяснить второе полногласіе этихъ послѣднихъ случаевъ вліяніемъ случаевъ первой категоріи.

I. *Второе полногласіе въ закрытомъ слогѣ, т. е. передъ согласной конца слова или передъ группой согласныхъ:*

на́бередье (приборъ, въ который укрѣпляется бердо): Лодейн. (Кулик.).

болозни (мозоли, ср. словенск. bôłzen, bôłzni: трещина, щель). Ср. болозни, болузни: Ряз. (Диттель, Жив. Ст. II, 206), бо́лозень, бо́лозня: Тихв., Олон. (Опытъ обл. слов.).

верёвка: Великор., вере́вка: Малор. (у Квитки: верёвка I, 183, у Желеховск. вире́вка, виро́вка); верево́чник, веревча́тий: Малор. веревны́я книги (писцовыя): Шенк. (Доп. къ Оп. обл. слов.); ве́ревная книга, сажень: Арханг. г. (Подв.); *веревщи́къ: Шенк. (Доп.), ве́ревщикъ: Арханг. г. (Подв.). Ср. малор. ве́рвечка.

**верет* (ср. вертѣть). Ср. ку́веретью (кувыркомъ): Вытег. (Филим.); за́вереть (хвиль, вихрь): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. за́верть (Слов. Ак. Наукъ); оберётка (большой ломоть хлѣба): Борович. (Мат. Ак. Наукъ № 112).

верёхъ (верха́): Онеж., Новгор., Олон., Великолуцк., Вышневол., Опоч., Арханг., Тихв. (Оп.), Кем. (прогр. № 104), Великолуцк. (прогр. № 45), Онеж. (прогр. № 41), Новоржев. (прогр. № 39), Новгор. у. (Каринск. Русск. Фил. В. 1898), Порх. (Евсѣевъ, Жив. Стар.), Остров. (вярёхъ, прогр. № 33), Бѣлоз. (прогр. № 151), Кирилл. (прогр.

№ 205), Борович. (прогр. № 28), Петроз. (прогр. № 30), Холмск. (вирёхъ, прогр. № 159), Лужск. (прогр. № 12), Новгор. (прогр. № 20); верёхъ, на верёхъ: Морш. (Мат. Ак. Наукъ № 164); ве́рехъ и верёхъ: Арханг. г. (Подв.), на ве́рёхъ и на верёхъ: Петроз. (Шахм.) ве́рёхъ, ве́рёхъ: Петроз. (прогр. № 34).—Верёшка (древко стрѣлы): Нижнеколым. (Богоразъ).

го́лобца, *го́лубца* и *го́лубца* род. ед. отъ го́лобецъ: Кашин. (Оп.), го́лубецъ: Кинеш., Чухл., голубе́цъ: Казан., Кинеш., Старицк., между прочимъ въ значеніи го́лбецъ: деревянная придѣлка къ печи въ родѣ полатей (Оп.). Голубца вм. голобца.

го́робъ (горбъ). Ср. го́роп (пригорокъ, выпуклость земли): Новгородскій у. (В. Чернышевъ).

го́ронъ (горнъ): Малорусск., а именно Александровск. у. Екатеринославской губ. (зволік її з печі, повів в кузню і встромив в горон, Малор. народн. пред. и разск. Сводъ Драгоманова, стр. 126).

го́рость (горсть): Мещов. (В. Чернышевъ, Сборн. II Отд., т. LXVIII). Примѣръ сомнителенъ, такъ какъ заимствованъ изъ ученической записи.

**дережка* (ср. дёргать). Ср. задерёжка (занавѣсъ у окна, задёржка): Тул. (Оп.); раздерёжный (веселый): Обоян. (Доп.).

де́ренъ (де́рня; дёрнъ): Тихв. (Доп.); одере́нь (напрасно, попусту): Бѣлозерск. (прогр. № 172); во́дерень (совсѣмъ, вовсе, совершенно): Верхотур.-Перм. (Оп.), Нерч. (Мат. Ак. Наукъ № 181); (навсегда, въ вѣчное владѣніе): Кем. (Мат. Ак. Наукъ № 5).

до́логъ (до́лгій, долга́): Великор.; про́дологъ (продолговатъ): Шенк. (Оп.).

доложно́: Псков. (Доп.), Пудож. (Шахм.), Каргоп. (прогр. № 163), Устьцыльм. (прогр. № 258), Соликам. (прогр. № 181), Слобод.-Вят. (прогр. № 222), Гдов. (прогр. № 11), Петроз. (прогр. № 13), Малмыж.-Вят. (прогр. № 103),

Колыв.-Тобол. (прогр. № 107), Великолуцк. (прогр. № 45), Шенк. (прогр. № 83), Новорж. (прогр. № 39), Остров. (прогр. № 33); до́ложно: Петроз. (Шахм.); доложно́ быть, доложна́, доложны́, до́ложность: Новгор. у. (В. Черныш.), доложно: Нолин. (прогр. № 52); доложны́, доложно́ при долж́онъ: Новгор. у. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898); при до́ложности: Петроз. (Шахм.); доложни́къ: Псков. (Доп.)

же́ледь (ср. желдь, водожелдь). Желедь (тростинка, изъ которой дѣлаютъ жалейку, дудку): Новорж. (Слов. Акад. Наукъ).

жеревни́къ (пищеводъ): Малорусск. (Желеховскій). Ср. жерва́: Великор. (ѣда, пища).

же́редь: Псков. и Осташ. (Доп.), же́редья: Петроз. (Шахм.)

жерёнки (жерёнокъ; желудокъ, требухъ, рубецъ маленькихъ птицъ): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. жерня́ты въ томъ же значеніи; жеро́нки (вм. жерёнки, небольшія жорны, жернова, а также рачьи жерновки, птичій желудокъ): Опоч. (Оп.); жерёнко (ручная жерновка): Псков. и Осташ. (Доп.); жеренки (ручная жерновка и рачьи жерновки); Смол. (Даль); жерёнъ и жеро́нъ, род. мн. отъ жорны: Опоч. (Оп.); жерённое время (лѣтніе мѣсяцы, когда у раковъ можно найти жерёнки): Осташ. (Доп.); жерёнки (сухіе мозоли): Псков. (Даль); жере́нцы (уменьш. отъ жорны): Бѣлорусск. (Носовичъ).

жо́лонъ (колода, жолобъ): Сѣверн. (Даль); жело́нка (цилиндрическій пустотѣлый приборъ, употребляемый въ горномъ дѣлѣ, Слов. Ак. Наукъ). Ср. жолнъ: Сѣверн. (Даль).

**жело́нка* (дятелъ, ср. желна́, малор. жо́вна). Ср. джолонка (дятелъ): Малорусск. (Харьк. губ., Липецкая слобода, см. Труды Этн.-стат. эксп. VII, 575, у Желеховскаго джоло́нка). Ср. еще джонва́ вм. жо́вна, жо́нва (Желеховскій).

жо́рость (вм. жерсть, жерздь): Новоросс. (Слов. Ак. Наукъ).

зереньё (зерна, зерновой хлѣбъ): Старорусск. (Доп.), зере́нье: Псков. и Осташ. (Доп.); зёрен, р. мн. отъ зерна: Великорусск.; зеренце́ (зёрнышко): Малорусск. (Желеховскій);

озеренья (не вполнѣ очищенныя отъ шелухи хлѣбныя зерна): Заон. (Пѣвинъ).

коромщикъ (кормщикъ, рулевой): Псков. (Пут. письма П. Якушкина, 139). Ср. корщикъ, коршикъ (кормщикъ): Астрах., Арханг. (Оп.).

коро́мъ и *ко́ромъ*[1]) (кормъ, пастбище): Псков. и Осташ. (Доп.); ко́ром и коро́м: Новгор. у. (В. Чернышевъ); ко́ромъ: Дон. (Соловьевъ); коромъ: Новгор. у. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898); коромно́й (жирный, тучный, о скотѣ): Псков. и Осташ. (Доп.); коромни́къ (кормникъ, хорошо выкормленный самецъ): Псков. и Осташ. (Доп.); ко́ромъ: Украин. (Шимановскій); у́коромь (пастбище, пропитаніе скота кормомъ): Псков. и Осташ. (Доп.).

кочерёжка (уменьш. отъ кочерьга): Великор. (Даль); кочере́жка: Малор. (Желеховскій); кочере́жный, кочере́жникъ (Даль); кочере́жка, кочере́жник: Бѣлор. (Носовичъ).

молонья́ (молнія): Арханг., Волог., Кинеш., Чухлом., Нижегор., Олон., Опоч., Тамб. (Оп.), Холмск. (прогр. № 54), Яранск. (молонія́, прогр. № 59), моланья: Ворон. (Даль); мылання́: Новоалекс.-Ковенск. (бѣлор. прогр. № 14), Витеб. (бѣлор. прогр. № 18); молодня́, молоднёю: Бѣлор. (Носовичъ); молонья́ и мо́лонья: Арханг. (Подв.); мо́лонья: Кашин. (Смирновъ), Бѣлоз. (прогр. № 168), Малмыж. (прогр. № 105: мо́лонія), Новгор. у. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898); мо́ланья: Старицк. (прогр. № 219), Епифан. (прогр. № 189); мо́ланья и маланья́: Курск. (Обзор Колосова), Моск. (Чернышевъ, въ Сборн. II Отд., т. LXVIII); мо́ланья: Борисогл.-Тамб. (Мат. Ак. Наукъ № 163), Мокшан. (прогр. № 230); мо́лонье: Казан., Пермск. (Даль); молонье́: Крапив. (прогр. № 85), Ефрем. (прогр. № 173); маланье́: Бѣлев. (Будде); мо́лыдня: Ельн. (Добров. Эти. сб. I, 510); молодня́ и молоння́: Росл. (Оп.); мыланья́: Темник. (прогр. № 131);

1) Такъ въ рукописномъ словарѣ Карпова (Библ. Акад. Наукъ): въ Доп. ошибкой коро́мъ.

Буинск.-Симб. (прогр. № 57); мóлонния: Бѣлор. (Носовичъ); молонья: Псков. (прогр. № 175), Быхов. (бѣлор. прогр. № 9), Морш. (Мат. Ак. Наукъ № 164), Уржум. (Магницкій), Курган.-Тобол. (прогр. № 73), Украин. (Шимановскій); маланья: Лукоян., Кашин., Крапив. (Обзор Колосова), Зубцов. (прогр. № 60); мóланья и маланья́: Скоп. (Будде), Ворон. (Филатовъ); мóланья: Егор. (Черныш.), мóлонья и молонья́: Мещ. (Черныш.), маланья́: Ряз. (Диттель, Ж. С. VIII, 240), Балашов. (прогр. № 190), Бѣлев. (Будде I), Каинск.-Том. (прогр. № 129), Курмыш. (прогр. № 110); молонья́стый (Даль); моловья́: Каргоп. (Кулик.) [1]); молóнья: Новоалекс.-Ковен. (бѣлор. прогр. № 11). Рядомъ мóлня и мовня́: Малор. (Желеховскій); мóлвія: Петроз. и Лодейн. (Кулик.), мольнія: Холмог. (прогр. № 50), мóлна: Онеж. (Подв.).

молоствá (р. отъ молостóвъ, горшокъ или корчага, обвитые берестою). Ср. молоствúкъ: Судог., Мат. Ак. Наукъ № 25; фамилію Молоствóвъ. Ср. молостóвъ (р. молостова?): Покров.-Владим., Скоп., Тамб. (Оп.), Морш. (Мат. Ак. Наукъ № 164); маластóфъ: Ряз. (Диттель, Жив. Ст. VIII, 210). Торбіернсонъ (о его трудѣ скажемъ во II главѣ) сопоставляетъ это слово съ литовск. milsztuvẽ (доёнка).

**молостъ* (ср. молсать: сосать). Ср. смолость (жареное коровье вымя): Волог. (Сб. свѣд. II, 26), (коровье вымя): Волог., Вят., Камч., Ирбит., Сибир., Том. (Оп.).

мóлостъ: Нижегор. (Даль), мóлостье (Торбіернсонъ)—нéпогодь, слякоть (Торбіернсонъ сопоставляетъ это слово съ лит. milszt: начинается непогода, стр. 88).

Пéремь (Пéрмь): Соликам. (прогр. № 181).

перёсъ (перстъ): Пудож. (Шахм.), пéрес: Петроз. (Шахм.)

**переть* (ср. перть: жилая корельская изба, Арханг., Оп.). Ср. прúперетка (р. ед. отъ прúпереток: особое отдѣленіе при

---

1) О формахъ маланья (сѣвернорусск.) и молынья см. ниже во II и III гл.

банѣ, передбанникъ). Ладож. (Кедровъ, Жив. Ст.), Тихв. (Доп.). Ср. еще припри́токъ, едва ли не вм. при́притокъ, приперетокъ (сѣни, находящіяся передъ баней): Вышневол. (Оп.).

поло́къ (полка́, полчокъ дѣвокъ): Покров.-Владим. (Оп.). Ср. въ духовномъ стихѣ о Борисѣ и Глѣбѣ, записанномъ П. Якушкинымъ въ Малоарханг.-Орл.: Святой Полокъ и Святой Полохъ, въ род. Святаа Полка (стр. 494), вм. Святополкъ.

по́лонъ (полна́, по́лный): Великор.; лотокъ полонъ сусла натекъ (Кирша Даниловъ въ изд. Шеффера, стр. 184); полонъ, какъ несклон. прилагательное (ср. старослав. исплънь): Перм. и Вост.-Сибир. (Оп.). Работы у меня полонъ: Яренск. (Мат. Ак. Наукъ № 27). Поломъ (полно): Нерч. (Мат. Ак. Н. № 181). При́полонъ (приплодъ): Уржум. (Магницк.).

по́лость (въ значеніи полсть, полотнище, плющеная мякоть): Даль; между прочимъ въ Болховск. у. (Сахаровъ, въ Сборникѣ II Отд., т. LXVIII); полъсть: Богород.-Тул. (Будде); а и молоду молодку подъ полосью везутъ (Кирша-Даниловъ въ изд. Шеффера, стр. 183); полостья́ им. ед. (Даль). Ср. полсть (простыня): Псков. и Осташ. (Доп.), (войлокъ): Каргоп. (Кулик.), повсть: Кадник. (Мат. Ак. Наукъ № 30); повсть: Малорусск.

**по́роскъ* (горячіе уголья). Ср. по́рос, по́росок: Малор. (Желеховскій). Ср. порскъ, порсо́къ (печурка, загнетка, жаратокъ, Даль).

по́рушни (отъ поршень): Астрах. (Даль). Порушни вм. порошни.

**серед* (ср. сердечный). Ср. по на́середки: Ладож. (Кедровъ, Жив. Ст.).

се́репъ (серпъ): Петроз. (Шахм.), Порховск. (Евсѣевъ въ Жив. Ст.), Новгор. (прогр. № 20), Остров. (прогр. № 33), Новорж. (прогр. № 39), Карсун. (прогр. № 153); серепь: Гдов. (прогр. № 11).

по́солонь: Великор. (Даль), Малор. (Желеховскій); у́солонь, у́солонье (мѣсто неосвѣщаемое солнцемъ, тѣнь): Тихв. (Оп.).

ска́теретъ (скатерть): Арханг., Тихв. (Оп.); скатяретку, скати-

рёткыю при скатиртку Ельн. (Добровольск. Этн. сб. I, 599), скатерётка: Бѣлозер. (прогр. № 172).

смерётка (уменьш. отъ смерть, Даль); смерётный: Бѣлор. (Носовичъ); смеретно: Новгор. у. (В. Чернышевъ); при семёратныем часѣ: Владим. (Калики Перехож. 97); сямиро́тный (смертный): Росл. (Оп.).

столо́бъ (столба́): Великолуцк., Опоч. (Даль), Псков. (Доп.), Петроз. (Шахм.), Гдов. (прогр. № 11), Луж. (прогр. № 12), Петергоф. (прогр. № 5), Новгор. (прогр. № 20), Холмск. (прогр. № 159), Крестецк. (прогр. № 160), Борович. (прогр. № 28), Остров. (прогр. № 33), Новорж. (прогр. № 39), Кирилл. (прогр. № 152), Великолуцк. (прогр. № 45), Олон. (прогр. № 29); столо́пъ: Петроз., Каргоп. (Кулик.); сто́ло́пчик: Петергоф. (прогр. № 5); на столобцѣ: Запись о вкладахъ, Новгородск. (П. Якушкинъ, Путев. письма, 67); столопъ: Борович. (Синозерскій, Жив. Ст. V, 379); сто́лопъ: Новгородскій у. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898).— Остоло́п вм. столоб: Великор., остоло́бъ: Уржум. (Магницк.), остоло́пъ: Бѣлор. (Носовичъ): ср. малор. стовп при стовб. Столбинъ 25

су́меречный (отъ сумерки): Великор. (Даль); су́меречникъ: Великор. (Даль); род. мн. сумерекъ.

тве́редъ (твёрдъ). Ср. тверидъ: Обоян. (Машкинъ), твёредъ: Мещов. (В. Черныш.).

таволо́жка (ср. таволга́, малор. та́волга: кустъ Spiraea). Таволо́жка (таволжаная тросточка), таволо́жный, таволо́жникъ: Великор. (Даль); таволо́жник (Spiraea crenata): Малор. (Шейковскій); та́воложка (таволожная вѣтвь): Самар. (Доп.).

**толом* (ср. польск. tłum: толпа, куча; то́лмить: толковать, Вят., Усол., Оп.). Ср. су́толомня, су́толомшина (возня, шумъ, поощреніе): Псков. (Доп.).

толо́чный парень (дошлый, бывалый): Ряз., Пенз. (Даль); бе́зтолочь: Великор., бе́зтолочный: Великор. (Даль); пере́толочь (болтовня): Псков. и Осташ. (Доп.), безу́толочь (безтолочь), безу́толочье (безтолковщина): тамъ же (Доп.); то́лок (толкъ,

умъ): Малор.: Александр. у. Екатериносл. губ. (и випало на толок вийти подивиться, Малор. нар. пред. и сказки, сводъ Драгоманова, стр. 79); это слово есть и въ словарѣ Желеховскаго со ссылкою на Шейковскаго; у́толокъ (безъ у́толку: безъ толку): Волог. (Обнорскій); за́толокъ (захолустье): Сибир. (Оп.); за́толочье (то же): Перм. (Оп.). Ср. зато́лшный, зато́шный, зато́шье: Бѣлоз., Сольвыч. (Оп.). Сюда же относится, вѣроятно, бѣлор. на́толочь (множество народу, Носовичъ).

**то́рокъ* (ср. торкнуть). Ср. по́торокъ (ударъ): Псков. и Осташ. (Доп.).

тере́нъ (тернъ, род. терну́ и терену́): Малор. (Желеховскій); те́рен-ягодка у Квитки (II, 250); те́рень (и тернь): Малор. (Ogonowski); те́ренъ: Великор. (Даль).

всу́терпъ (нарѣчіе: сколько можно стерпѣть): Псков. (Доп.). Ср. всуте́рпъ: Осташ., Ржев., всу́терпь: Тихв. (Доп.).

холо́мъ (холмъ). Ср. Большой Холо́мъ, Малый Холо́мъ (названія покосовъ): Новгор. у. (В. Чернышевъ).

че́ревъ (род. че́рева, червь, червякъ): Осташ. (Доп.); черёвъ: Твер. (Даль); че́ряфъ: Касим. (Будде).

че́рень (дубовый лѣсъ, чернолѣсіе): Порх. (Доп.), ср. чернь (чернолѣсье): Дон. (Даль); гор. Че́рень: Одоев. (Будде).

че́регъ (очередь): Малор. (Желеховскій: в свій че́рег); почере́жно (по черзі, тамъ же); ср. че́рга, черговий, чергува́ти.

черёмный (рыжій, ср. чермный): Сольвыч., Вят., Сибир. (Оп.); черему́ха (родъ кори): Псков. и Осташ. (Доп.); черему́шки (корь, сыпь): Великолуцк., Опоч. (Оп.), (летучая оспа): Луж. (Вилліеръ де-Лиль-Адамъ); черемница (черемнушки): Ладож. (Кедровъ).

че́тверетъ (четверть): Кем. (прогр. № 104), Онеж. (прогр. № 41), Петроз. (Шахм.), Арханг. (Оп.); четвере́ть: Кем. (Мат. Ак. Наукъ № 5).

чо́лонъ (челнъ): Пудож. (Кулик.); чёлон (р. ед. чёлну): Новгор. у.

(В. Черныш.); чо́лонъ: Новгор. у. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898).

ше́решня (род. пад. шершня): Украинск. (Шимановскій).

**що́локъ* (ср. щелкнуть). Ср. па́щелокъ (р. пащелка, щелчокъ, ударъ ладонью): Вят. (Доп.); па́щолокъ («ударъ невеликой»): Вятск. (Слов. XVIII в., Симони, Жив. Ст. VIII, 450); щелокта́ть (щекотать): Орл., Ряз. (Даль).

**прищелопъ* (возвышенность, бугоръ, ср. малор. щовб, у́щовб, у́щолб: скала, утёсъ). Ср. пришело́пъ (приморская береговая возвышенность у подошвы горы): Арханг. (Подв.), прищелопокъ: Кем. Холмог. (Сб. св. II, вып. 2), прищело́покъ: Арханг., Кем., Онеж., Холмог. (Подв.) въ значеніи крутой холмъ, бугоръ.

Отдѣльно стоятъ слова серёжка и четве́регъ, ерешь, алочный, въ которыхъ ере, ало имѣютъ особое происхожденіе.

четве́регъ (четверьга́): Красноуф. (прогр. № 139), Карсун. (прогр. № 153), Малмыж. (прогр. № 103), Каинск.-Том. (прогр. № 127), Барнаул. (прогр. № 127), Соликам. (прогр. № 181), Петроз. (Шахм.); четверигъ: Курмыш. (прогр. № 110), Кирилл. (прогр. № 164); четверикъ: Каргоп. (прогр. № 163), Карсун. (прогр. № 67); четве́рёгъ: Петроз. (прогр. № 34); четве́рик: Москов. у. (В. Чернышевъ). Четвергъ восходитъ къ четвьргъ, которое вмѣсто четвьртъкъ подъ вліяніемъ четвьрга (изъ четвьртъка). Четвьртка́ перешло въ четвьрга, какъ скатерка (вм. ска́тертка) въ ска́терга (Даль), зе́ркало въ зергало: Молож. (Мат. Ак. Наукъ, № 167); ср. малор. четверга́ вм. четвёртка, им. ж. р.— четвёрка, четверня. Ср. малор. четве́р (е указываетъ на ь), четверга́; Еванг. XIII в. Типогр. библ. № 6: четвергъ 18a, Вопр. Кирика по Кормчей XIII в.: четвергъ 520d, 521a, Парейм. 1271 г.: чѣ́рѣ, Ипат.: четвергъ 348, 367, четвержьный день 311, Лавр.: четвергъ 172a, Псков. II: четвергъ 11, 28, 46 (при четверкъ 39).

ерёшь вм. ершъ: Великолуц. (Оп.); ерёшь: Опоч., Остров., Псков.

(рукоп. словарь Карпова); ерёшь восходитъ къ ершь вм. ерошь изъ еръшь подъ вліяніемъ ерша́.

а́лочный (алчный). Ср. а́лошный: Мещов. (Чернышевъ, Сб. II Отд., т. LXVIII), алашный: Пенз. (Оп.); а́ушный: Волог. (Оп.). Вѣроятно, вм. книжнаго алчный.

II. *Второе полногласіе въ открытомъ слогѣ.* Раздѣляемъ всѣ относящіеся сюда случаи на двѣ группы. Къ первой относятся случаи, гдѣ происхожденіе полногласной формы подъ вліяніемъ аналогіи разсмотрѣнныхъ выше въ I отдѣлѣ случаевъ несомнѣнно; ко второй принадлежатъ слова неяснаго происхожденія.

1-я группа. Во-первыхъ, сюда относятся косвенные падежи, образованные подъ вліяніемъ формы именительнаго падежа, получившей второе полногласіе въ закрытомъ слогѣ. Извѣстно, что въ словахъ женск. рода на ъ почти неизвѣстно употребленіе такъ называемыхъ бѣглыхъ гласныхъ (исключеніе составляютъ односложныя слова, а также нѣкоторыя областныя, какъ напр. и́стопель, истопли: Шенк., Тамб., Оп.). Поэтому, напримѣръ, быстерь вызываетъ быстери вм. быстри (на самой быстерѣ, Нижнекол.: Богоразъ). Поэтому же при за́вереть, же́редь, ко́ромь, ска́тереть, жо́рость, че́рень, бе́зтолочь, по́лость находимъ въ косв. падежахъ за́верети, ко́роми, бе́зтолочи, по́лости и т. д.; В. Чернышевъ указываетъ на род. жо́лочи (жолчь въ рыбѣ) въ Новгор. у. Рѣже встрѣтимъ аналогичное явленіе въ словахъ мужескаго рода: холомы́ (Псков. и Осташ., Доп.) явилось подъ вліяніемъ холо́м; че́рева: Осташ. (Доп.) подъ вліяніемъ че́рев; коро́ма: Псков. и Осташ. (Доп.) подъ вліяніемъ коро́м; съ столобомъ: Новгор. (П. Якушкинъ, Путев. письма, 120) подъ вліяніемъ столбъ; всѣ до верёха выграбасталъ Пинеж. (Тр. Этн. Отд. V, 2, 257) подъ вліяніемъ верёх; малор. терену́ подъ вліяніемъ терен (ср. Smal Stockij въ Archiv VIII, 245); безу́толоку (безъ толку, Волог.: Оп.) подъ вліяніемъ *толокъ, *у́толокъ; остоло́помъ: Бѣлор. (Носовичъ); быть можетъ, сюда же на́толокомъ при на́товкомъ (биткомъ): Бѣлор. (Носовичъ). Во-вторыхъ, сюда относятся нѣкото-

рыя формы имен. ед., заимствовавшія свое полногласіе изъ косвенныхъ падежей: го́лобец (Кашин.; Оп.), го́лубец подъ вліяніемъ го́лобца; малор. ше́решень подъ вліяніемъ ше́решня; должо́н: Вят.-Нолинск. (Мат. Ак. Наукъ № 52) подъ вліяніемъ должна́, должно́; молосто́въ вм. молстовъ подъ вліяніемъ молства́ (см. выше). Въ-третьихъ, сюда принадлежатъ уменьшительныя, которыя нерѣдко производятся отъ основы именительнаго, а не косвенныхъ падежей (ср. вѣтеро́к отъ вѣтер), какъ напр., холомо́къ: Псков. и Осташ. (Доп.), Новгор. у. (В. Чернышевъ); челоно́къ: Арханг. и Тихв. (Оп.), чолоно́къ: Новгор. у. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898), челоно́чки: Новгор. у. (В. Чернышевъ), челонокъ (челнокъ, которымъ ткутъ): Луж. (Вилльеръ де-Лиль-Адамъ); столобочекъ и столобикъ: Новгор. (П. Якушкинъ, Пут. письм. 119), столобо́къ: Луж. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898). Гуцульск. горобо́к подъ вліяніемъ гороб (горбъ, Соболевскій, Лекціи). Точно также столобе́нька (тукманка): Псков. и Осташ. предполагаетъ столобня; семерёточка: Осташ. (Оп.) явилось подъ вліяніемъ смерётка; подъ тѣмъ же вліяніемъ—смерётушка: Тихв., Вышневол. (Оп.), Петроз., Лодейн. (Кулик.), вмѣсто чего и смерёдушка: Новоладож. (Доп.), Псков. и Осташ. (Доп., между прочимъ въ значеніи нестерпимо, невыносимо). Въ-четвертыхъ, находимъ второе полногласіе въ формахъ сравнительной степени, куда оно проникло, конечно, изъ им. ед. мужск. рода: тало́ше (вм. толще): Новорж. (прогр. № 39), толо́шѣ и толочѣи (въ значеніи лучше, выгоднѣе): Псков. (Доп.) предполагаетъ то́лост (ср. бѣлор. то́вист); тверя́же: Холмск. (Обзор Колосова, 39), тве́реже: Новгор. у. (В. Чернышевъ) точно также указываютъ на тверед, тве́ряд.[1]). Въ-пятыхъ, второе полногласіе проникло въ нѣкоторые отъименные глаголы: шерести́ть: Перм. (Доп.), въ значеніи мѣнять лошадь на лошадь безъ всякой придачи денегъ, восходитъ къ шерсть (ср. Болховск.: перешерстить: перемѣнить, Сахаровъ, въ Сборн. II Отд., т. LXVIII); бе́зтолочить (Даль) — къ безтолочь;

1) Ср. псковскія сравн. степени: сладоши, легоше, мякоше, крѣпоше, образованныя подъ вліяніемъ сладокъ, легокъ и т. д. (Обзор Колосова, 128).

тверéдить и твередúть (обременять непосильною тяжестью), утвéредить (утрудить): Псков. и Осташ. (Доп.) произведены отъ тверед (ср. выше); остолóпиться (встрепенуться): Повѣн. (Кулик.), остолóпаться: Вытег., Пуд. (Кулик.) отъ остолопъ (ср. малор. стовпíти: остолбенѣть). Вологодск. моловúть (чудиться, мерещиться, Даль) восходитъ, какъ кажется, къ моловья́ (молнія)[1]). Укажу еще на безтолóчина (Даль), кочерéжина (Даль), остолóпина (Волог., Обнорскій; Бѣлор., Носовичъ) при безтолочь, коречежка, остолóпъ; шерешéня (горделиво несущій себя человѣкъ): Владим. (Д.) при указанномъ выше малор. шéрешень; солоновосходъ: Уржум. (Магницк.), солоноворотъ: Уржум. (Магницкій), Ладож. (Кедровъ); солонова́ть (ходить посолонь): Сѣверн. (Даль) при посолонь; перещатка (и перщатка): Пудож. (Кулик.) очевидно не потеряло связи съ перест (вм. перстъ), словомъ, употребляемымъ въ формѣ перёс въ Пудожскомъ уѣздѣ (ср. перстя́тки: Волог. въ Сб. св. II, 18).

2-я группа, куда мы помѣщаемъ неясныя образованія, содержитъ очень немного словъ: вéрево (вервь): Вят. (Оп.); верёха (толстая жердь): Астрах. (Оп.), (древко стрѣлы): Нижнеколым. (Богоразъ); полону́шка (сборъ разныхъ сельскихъ произведеній): Новотор. (Оп.)[2]); малор. стéрево вм. стéрво у Номиса (Желеховскій).

Итакъ, на основаніи данныхъ современнаго языка мы убѣждаемся въ томъ, что второе полногласіе имѣло мѣсто только въ закрытомъ слогѣ; въ открытый же слогъ оно проникало только подъ вліяніемъ аналогіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы рѣшительно не видимъ возможности признавать второе полногласіе діалектиче-

1) О формѣ малавить въ сѣвернорусскихъ говорахъ скажу ниже въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

2) Не относятся къ полногласнымъ формамъ: золовка, восходящее къ общеслав. zъlъva (ср. сербск. заова); беревно, восходящее къ общеслав. bьrvьno; гуцульск. долобати, ср. долотó и малор. прúдолоб, прóдолоб (см. ниже), осташ. сверéбить, ср. сворóбить. О формахъ толону́ть (толкнуть), деренуть (дёрнуть) и т. п. говорю ниже въ главѣ, посвященной «третьему» полногласію. Формы какъ горен (бѣлор.), повен, човен (малор.) и т. п. объясняются вліяніемъ образованій съ «бѣглымъ» е (изъ ь).

скимъ явленіемъ сѣверноруссkаго нарѣчія: не мало примѣровъ представляютъ среднерусскіе и малорусскіе говоры. Но первоначальная область распространенія второго полногласія значительно сузилась въ большинствѣ русскихъ говоровъ. Только въ нѣкоторыхъ сохранилось до сихъ поръ не мало словъ, гдѣ оро, оло, ере не вытѣснены черезъ ор, ол, ер подъ вліяніемъ аналогіи. Къ числу такихъ говоровъ принадлежатъ, во-первыхъ, говоры Псковской и Тверской губерній, во вторыхъ, олонецкіе и новгородскіе говоры. В. И. Чернышевъ, которому я обязанъ приведенными выше изъ Новгородскаго уѣзда примѣрами, замѣчаетъ, что второе о въ доложнó, дóложность, кóром произносится неясно; это обстоятельство, по его мнѣнію, находится быть можетъ, въ связи съ тѣмъ, что такія «вставныя» гласныя исчезаютъ подъ вліяніемъ литературнаго языка.

Для того чтобы имѣть еще болѣе опредѣленные выводы, дополню предшествующій списокъ перечнемъ извѣстныхъ мнѣ изъ памятниковъ примѣровъ написаній **оро**, **єрє**, **оло**, **єло** (а также **ъро**, **ълo**, **ьрє**)[1]) вмѣсто **ор**, **ер**, **ол**, **ел**, оставляя въ сторонѣ написанія съ **ъръ**, **ьрь**, **ълъ**, которыя, какъ увидимъ ниже, далеко не всегда передавали произношеніе со вторымъ полногласіемъ. И этотъ списокъ располагаю въ двухъ отдѣленіяхъ: въ первомъ помѣщаю случаи, гдѣ полногласіе является въ закрытомъ слогѣ, во второмъ — случаи, гдѣ полногласіе проникло въ открытый слогъ.

I. Написанія **оро**, **єрє** и т. д. (**ъро**, **ълo**, **ьрє**) въ закрытомъ слогѣ.

боротной (бортный): **боротной староста**: Гр. 1453 г. въ сп. XVII в. (Акты Арх. Эксп. I, № 53).

веребница: **на веребницю**: Ипат. 123 об. (6655 г.); **веребныа нед.**: Парем. 1271 г., 91d (новгор.)

веревка: **веревка каннтельная**, **веревоука лнтая**: докум. 1589 г. (Слов. Срезневскаго).

1) Написанія оръ, олъ, елъ привожу только изъ позднѣйшихъ памятниковъ.

поверегши (повергши, повергнувши): **поверѣш҃и** Вопр. Кир. по Кормчей 1282 г., л. 529d.

отверестъ (отверстъ): **ѿверестъ**: Пчела по сп. XIV—XV в. (Временникъ XXV, с. XCI).

верестъ (вёрстъ, р. мн.): за 500 **верестъ за Кыевомъ**: Псков. 2-я (6908 г., П. С. Р. Л. V, 18, и др.); *сверестникъ*: **сверестенѣкъ** род. мн.: Типогр. Апост. XIV в. № 59 (24) (Воскресенскій, 177) [1]).

верешь (зерновой хлѣбъ): **и заѧ Ѧрославъ верешь на Торжьку**: Тверск. (6724 г., П. С. Р. Л. XV, 316); **верешь, вѣрѣшь**: два списка XVI в. Новгор. 4-й лѣт. (П. С. Р. Л. IV, 3, подъ 6635).

поволожье (Поволжіе): **все поволожьѥ**: Новгор. 1-я по Синод. сп. 84б (6724 г.); **Бѣлоозеро, Поволожье**: Новгор. 1-я по Комм. сп. XV в. (989 г., изд. Арх. Комм., 66).

горонцѣ (вин. мн. отъ горнец: горшокъ): **хотѧ горонци вести въ городъ**: Троицк. спис. Новгор. 1-й лѣтописи подъ 6497 г. (ср. Оп. Рум. Муз. № 247); **Горончарьскыи конець** въ Новгородѣ: Комм. сп. Новгор. 1-й лѣтописи XV в. (6868 г., изд. Арх. Комм., 355); **въ Горончарскомъ концѣ**: Отрыв. русск. лѣтописи по сп. XVII в. (П. С. Р. Л. VI, 282).

одерень (въ полную собственность, ср. **одернь** въ договорной Дм. Ив. 1372 года): **даю... ѡдерень ст҃му гергью**: Рукоп. Клим. до 1270 г.; **купи или купилъ одерень**: двинск. гр. XV в. №№ 2, 24, 8, 23, 89, 103 и т. д. (по готовящемуся Академіей изданію); **даѩхуть одьрень**: Новгор. 1-я Синод. 81б (6723), при чемъ въ Комм. сп. **одерень**; **даѩху ...одьрень**: тамъ же, 114б (6738); **в одеренъ**: Обводн. грам. Псковск. 1491 г.

доложновати (долженствовать): **доложьнующе**: Новгор. минея 1370 г. (Слов. Срезневск.); *дологъ* (долгъ): **дологъ**: Грам. 1229 г. въ сп. XIV в. (Русско-лив. акты, прил., сп. С).

---

1) Случай сомнительный: въ этомъ Апостолѣ находимъ графическую замѣну ь черезъ е (оумерохомъ, ветесѣмь, въ ноще и т. д.).

II. Первое и второе полногласіе.

Колосовъ въ 1878 году въ своемъ Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей (стр. 40) остановился подробно на связи обоихъ явленій, названныхъ Потебней первымъ и вторымъ полногласіемъ. По его мнѣнію, формы второго полногласія даютъ основанія къ заключеніямъ объ образованіи формъ перваго. Дѣйствительно, измѣненіе stъłbъ̯ въ stъłъbъ̯ вполнѣ аналогично измѣненію tołči въ tołoči (великор. толóчь, малор. толокти́), vołsъ въ vołosъ̯. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сопоставленіе обоихъ этихъ явленій позволяетъ намъ заключить объ особомъ свойствѣ плавныхъ въ общерусскихъ сочетаніяхъ tort, tołt, tert. Если сдѣланное въ предшествующемъ изслѣдованіи изъ сопоставленія stъłъbъ̯ — stъłba заключеніе о томъ, что tъrt, tьrt и т. д. съ *долгими* r, ł измѣнялись въ общерусскомъ въ tъrъt, tьrьt и т. д., между тѣмъ какъ тѣ же сочетанія съ *краткими* плавными оставались безъ измѣненія — правильно, то отсюда слѣдуетъ, что и въ сочетаніяхъ tort, tert и т. д., обратившихся въ torot, teret, плавныя были долги. Но это необходимое послѣдствіе изъ предложеннаго выше объясненія второго полногласія вполнѣ согласуется съ тѣмъ взглядомъ на свойство плавныхъ въ общеславянскихъ сочетаніяхъ tort, tert, который высказанъ Фортунатовымъ: плавныя въ этихъ сочетаніяхъ были долги (съ двумя ви-

дами долготы), между тѣмъ какъ въ индоевропейскомъ языкѣ соотвѣтствующія сочетанія были извѣстны какъ съ краткими, такъ и съ долгими плавными. Совпаденіе нашего вывода со взглядомъ Фортунатова, основаннымъ на другихъ соображеніяхъ, мы считаемъ сильнымъ подтвержденіемъ вѣрности предложеннаго здѣсь объясненія второго полногласія.

И такъ tьrt, tъlt и т. д., съ одной стороны, tert, tolt и т. д., съ другой, измѣнились въ tьrьt, tъlъt, teret и т. д. подъ вліяніемъ одной общей причины, подъ вліяніемъ долготы плавныхъ въ названныхъ сочетаніяхъ. Этотъ выводъ стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ извѣстной гипотезой шведскаго ученаго Т. Торбіернсона, допускающаго перестановку въ сочетаніяхъ tort, tert, tolt еще для общеславянской эпохи и исходящаго, при объясненіи нашихъ формъ перваго полногласія, изъ общеславянскихъ сочетаній trot, tlot, tret, (r, l обозначаютъ слоговыя плавныя). Выдающееся по научнымъ достоинствамъ изслѣдованіе Торбіернсона, вышедшее въ прошломъ году подъ заглавіемъ «Die gemeinslavische Liquidametathese» (Upsala, 1901), не убѣдило меня въ правильности взгляда почтеннаго изслѣдователя, хотя его и придерживаются Бругманъ и другіе нѣмецкіе лингвисты.

Въ пользу объясненія Торбіернсона говорятъ, какъ мнѣ кажется, только такія формы какъ русск. стерегу, сторожъ, ст.-слав. **стражь** при литовск. sérgu, sárgas: вставное *t* ведетъ насъ какъ будто прямо къ общеслав. strego, strožь. Но если допустить такія формы для общеславянскаго языка, мы рѣшительно не поймемъ, почему въ русскомъ и старослав. являются середа, **срѣда**, соромъ, **срамъ**, сорочка, **сраунца**, а не стереда, страмъ, сторочка; объясненіе Торбіернсона, утверждающаго, что различіе между strego и streda зависѣло отъ различнаго качества *s* въ обоихъ этихъ словахъ (первому изъ нихъ соотвѣтствуетъ въ литовскомъ *s*, а во второмъ *sz*), совершенно неудовлетворительно, такъ какъ *sr* = лит. *szr* переходило еще въ общеслав. въ *str* (остръ-aszrùs), что впрочемъ отмѣчаетъ и самъ Торбіернсонъ. Въ виду этого считаю необходимымъ допустить нефонетическій пере-

ходъ общесл. serg-, sorg- въ sterg-, storg- подъ вліяніемъ какого-нибудь родственнаго слова, содержавшаго въ корнѣ сочетаніе *str*: ср. острогъ, извѣстное уже изъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ, а также изъ русскаго, словенскаго и сербскаго языковъ[1]).

Противъ объясненія г. Торбіернсона говорятъ нѣкоторыя явленія русскаго и западнославянскихъ языковъ, явленія, отмѣченныя осторожнымъ изслѣдователемъ, но неудовлетворительно имъ объясненныя. Сюда относятся, во-первыхъ, малор. город, голос, черсп, жолоб, толокно, въ которыхъ находимъ *о* вмѣсто ожидаемаго на основаніи гипотезы Торбіернсона *і* (изъ *ио*): gṛodъ, pḷotъno должны были бы измѣниться въ горід, політно, какъ bobъ, okъno перешли въ біб, вікно. Торбіернсонъ ограничивается утвержденіемъ, что *о*, *е* въ сочетаніяхъ ṛo, ḷo не подвергались въ малорусскомъ растяженію и что положеніе гласныхъ *о*, *е* послѣ слоговыхъ плавныхъ не тожественно съ положеніемъ ихъ послѣ согласныхъ: но въ этихъ утвержденіяхъ можно признать только установленіе факта, а не его объясненіе. Если же не отступать отъ прежней и нѣкогда общепринятой точки зрѣнія, по которой русское torot изъ tort, то дѣйствительное, а не кажущееся только объясненіе не представитъ никакихъ затрудненій: ъ и ь стали неслоговыми звуками и удлинили предшествующія краткія гласныя еще до развитія полногласія; bobъ перешло въ bōbъ̯ (буоб, біб) тогда, когда слова городъ, полотно звучали еще gordъ̯, poltъno, откуда, одновременно съ появленіемъ bōbъ̯,—gorḏъ̯, poltъ̯no, измѣнившіяся впослѣдствіи въ gorodъ̯, polotъ̯no (Потебня). Слѣдовательно, малорусскія город, полотно доказываютъ, что гласная за плавной явилась уже на русской, а ни въ коемъ случаѣ не на общеславянской почвѣ. Во-вторыхъ, Торбіернсонъ упустилъ изъ вниманія польскія слова trzop и trzowo: объяснить ихъ изъ общеславянскихъ čṛeръ и čṛevo невозможно, такъ какъ общеславянское *е* передъ губными, хотя и твердыми, не переходитъ въ поль-

1) Ср. Hirt, Der indogerm. Ablaut, стр. 84.

скомъ въ *o* (польск. ciep, ły, żebro, grzebło): между тѣмъ, если выводить ихъ изъ čегръ, červo, то переходъ *e* въ *o* окажется вполнѣ законнымъ, такъ какъ онъ произошелъ передъ *r* до перестановки (čorp, čorvo—отсюда črop, črovo, и далѣе подъ вліяніемъ trzepĕ, trzevĕ—trzop, trzowo, какъ верхнелужицк. črjop, črjowo, črjósło, črjóda при и вмѣсто čróda, črop, črowo, črósło).

Въ-третьихъ, неменьшую трудность встрѣчаетъ гипотеза Торбіернсона въ тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглась группа *el* въ русскомъ, полабскомъ и кашубскомъ языкахъ. А именно мы находимъ на мѣстѣ ея въ русскомъ — оło, а въ кашубскомъ ło (молоко, mło̱ko); по Торбіернсону (ср. стр. 4, прим.) уже для общеславянскаго приходится допустить molko при melko, при чемъ molko фонетически замѣнило melko, очевидно, только въ нѣкоторыхъ говорахъ; отсюда, съ одной стороны, mļeko, а съ другой mļoko. Но мы рѣшительно отказываемся понять причину появленія діалектическаго molko вм. melko въ общеслав. языкѣ; самъ Торбіернсонъ не высказываетъ этого опредѣленно, а на стр. 41 онъ сопоставляетъ переходъ *el* въ *ol* въ русскомъ языкѣ съ русскимъ переходомъ *ьl* въ *ъl* (волк, долгій); на стр. 49 онъ прямо утверждаетъ, что *el* между согласными перешло въ русскомъ языкѣ въ *olo*. И такъ, русское moło̱ko восходитъ къ melko, а не къ общеславянскому mļeko. Опасаюсь, что я упустилъ изъ вниманія какое нибудь замѣчаніе Торбіернсона, которое разъяснило бы, какъ согласовать этотъ прямой изъ его же словъ выводъ съ предположенною имъ общеславянскою перестановкою, но думаю, что только насиліе надъ фактами языка можетъ объяснить русское moło̱ko изъ общеславянскаго mļeko или допустить общеславянское измѣненіе melko въ molko — mļoko.

Въ виду выяснившейся изъ предшествующихъ замѣчаній несостоятельности гипотезы Торбіернсона, я остаюсь при прежнемъ объясненіи нашего перваго полногласія и вывожу русскія toro̱t, tere̱t изъ tort, tert, сопоставляя съ предполагаемымъ при этомъ фонетическимъ явленіемъ измѣненіе tъrt, tьrt въ tъrъt, tьrьt при указанныхъ выше условіяхъ. Но прежде чѣмъ перейти

къ тому моменту въ жизни русскаго языка, когда въ немъ развивалось полногласіе, нахожу необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тѣхъ предварительныхъ измѣненіяхъ, которымъ въ общерусскомъ языкѣ подверглись общеславянскія сочетанія tort, telt и т. д.

Въ общеславянскихъ сочетаніяхъ *or*, *er* звукъ *r* перешелъ въ общерусскомъ языкѣ въ *r* лабіализованное или палатализованное, въ силу того общаго закона, который требовалъ лабіализаціи или палатализаціи всякой согласной въ извѣстный моментъ жизни русскаго языка. Окраска *r* въ звуковыхъ сочетаніяхъ *or*, *er* зависѣла отъ предшествующей ему гласной: послѣ *o* звукъ *r* лабіализировался, послѣ *e* палатализировался (kor^{u}va, gor^{u}da, но ber^{i}gъ, čer^{i}da); ср. измѣненіе *r* въ r^{u} послѣ ъ (tъr^{u}gъ),— въ r^{i} послѣ ь (vьr^{i}ba), при чемъ переходъ r^{i} въ r^{u} передъ лабіализованными зубными наступалъ, быть можетъ, лишь впослѣдствіи (m^{i}ör^{u}tvo).— Въ общеславянскихъ сочетаніяхъ *ol*, *el* звукъ *l* звучалъ ł, т. е. не такъ какъ обыкновенное европейское *l*, а болѣе открыто (хотя звукъ общеславянскаго ł нельзя, повидимому, отожествлять ни съ русскимъ, ни съ польскимъ ł); это зависѣло отъ общаго перехода *l*, быть можетъ, еще въ балтійско-славянскую эпоху, въ ł передъ всѣми непалатальными гласными и согласными. Звукъ *e* передъ ł въ звуковомъ сочетаніи eł перешелъ въ общеславянскую эпоху въ ö закрытое, т. е. въ гласную менѣе палатальную, чѣмъ *e*; ср. указанный выше переходъ ьł въ üł; закрытое ö послѣ смягченныхъ зубныхъ (č, ž, š) звучало какъ открытое ö, быть можетъ, въ силу извѣстнаго рода диссимиляціи палатальной согласной и гласной. И такъ въ общеславянскомъ были извѣстны: tołt, tö^{1}łt и čö^{2}łt. Указаніе на общеславянское ö^{2}ł послѣ ž, č, š извлекается изъ западнославянскихъ, а частью и изъ южнославянскихъ языковъ: въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ ł должно было, какъ всякая вообще согласная, лабіализироваться или палатализироваться, причемъ въ звуковыхъ сочетаніяхъ eł, oł окраска ł зависѣла отъ предшествующей гласной; послѣ o ł лабіализировалось (ср. głos изъ

gołsъ), послѣ ŏ закрытаго ł палатализировалось (ср. mleko, plon изъ mel^{i}ko, pel^{i}nъ), но послѣ открытаго ŏ ł лабіализировалось: ср. польск. żłób, лужицк. žłob, польск. członek, верхнелужицк. člonk, нижнелуж. cłonk изъ žołъ, čołnъ, восходящихъ непосредственно къ žŏ^{2}łъ, čŏ^{2}łnъ. Въ южнославянскихъ языкахъ, а также въ чешскомъ, происходило растяженіе гласной въ сочетаніяхъ *or*, *er*, *oł*, *eł* подъ вліяніемъ долготы плавныхъ *r*, *ł* (Фортунатовъ): при этомъ *o* переходило въ *a* (gordъ — gārdъ, откуда grād, mołtъ — mālt̄ъ, откуда mlāt̄ъ); закрытое ŏ растягивалось въ дифтонгическое сочетаніе *ie*, непосредственно изъ ō (miełko, откуда mlieko, изъ melko); открытое же ŏ, какъ кажется, переходило въ ā, откуда zatѣmъ, послѣ перестановки, частью *a*, частью *e* (въ зависимости отъ слѣдующихъ звуковъ): ср. переходъ žŏ^{2}łъ въ žālъ, откуда žlābъ и žlēbъ, измѣнявшееся въ žlieb (чешск. žleb и žlab, словацк. žl'ab (Loos) и žlab (Мичатекъ); ср. еще чешск. žláza и žléza, člen и článek, сербск. чла̂н, старослав. жладѫ и жлѣдѫ. — Указаніе на то, что eł послѣ несмягченныхъ зубныхъ звучало въ общеславянскомъ öł (съ закрытымъ ö), даетъ между прочимъ кашубскій языкъ, гдѣ этому öł соотвѣтствуетъ łо, непосредственно изъ oł (діалект. кашубск. młoko, młoc изъ общеслав. mölko, mölčti). Равнымъ образомъ на то же указываетъ, какъ увидимъ, русскій языкъ. Здѣсь ł въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ должно было бы лабіализироваться и палатализироваться при условіяхъ, сходныхъ съ подобными измѣненіями *r* въ сочетаніяхъ *or*, *er*. Между тѣмъ мы видимъ постоянную его лабіализацію и въ связи съ этимъ появленіе *o* на мѣстѣ первоначальнаго *e* передъ ł: это, какъ мнѣ кажется, ясно указываетъ на то, что *e* еще раньше перешло въ ö, при чемъ, въ противоположность польскому языку, ŏ закрытое въ русскомъ, еще до лабіализаціи и палатализаціи согласныхъ, измѣнилось въ ö открытое. И такъ общеслав. oł перешло въ oł^{u}, общеслав. ŏ^{1}ł черезъ посредство ŏ^{2}ł въ oł^{u}, общеслав. ŏ^{2}ł — въ ŏ^{2}ł^{u}: ср. общерусск. gołsъ, vołsъ; mołti, mołko; žŏ^{2}łъ, žŏ^{2}łza [1]).

1) Нахожу, что прекрасное изслѣдованіе Торбіернсона окончательно разрѣшаетъ, и при томъ въ отрицательномъ смыслѣ, вопросъ о русскомъ еле вм.

Мы можемъ перечислить теперь всѣ виды сочетаній гласная + долгая плавная между согласными въ русскомъ языкѣ. Это—or (съ лабіализ. r), er (съ палатализ. r); ъr (съ лабіализ. r), ьr (съ палатализ. r); oĺ (съ лабіализ. ĺ), ö²ĺ послѣ смягченныхъ зубныхъ (съ лабіализ. ĺ); ъĺ (съ лабіализ. ĺ), üĺ послѣ смягченныхъ согласныхъ (съ лабіализ. ĺ). Всѣ эти сочетанія измѣнились одинаковымъ образомъ, а именно долгая плавная, вокализируясь, переходила въ сочетаніе «неслоговая плавная + слоговая плавная», откуда далѣе сочетаніе «неслоговая плавная + гласная», тожественная съ гласной предшествующею: т. е. напр. torṛt переходило въ torr̥t, откуда torot, при чемъ r̥ измѣнилось въ *o*, очевидно, ассимилируясь въ своемъ гласномъ элементѣ предшествующему *o*. Такъ вм. or находимъ oro (корова), вм. er — ere (берегъ), вм. ъr — ъrъ (гърънъ), вм. ьr — ьrь (вьрьхъ); вмѣсто oĺ — oło (голова), вм. ö²ĺ — ö²ło, oło (шоломъ), вм. ъĺ — ъĺъ (пълънъ), вм. üĺ — üĺъ, ъĺъ (чьлънъ).

Мнѣ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно ударенія разсматриваемыхъ сочетаній съ долгими плавными. Общерусскій языкъ на сочетаніяхъ съ общеславянской долгой плавной, т. е. на сочетаніяхъ or, oĺ, er, сохранялъ вообще общеславянское удареніе, которое было или нисходящимъ (напр. въ gorda, ср. сербск. гра̑да), или восходящимъ (напр. въ korva, ср. словенск. kráva). Но тамъ, гдѣ къ этимъ сочетаніямъ примкнулъ въ общерусскомъ языкѣ слогъ съ ъ, ь, ставшими неслоговыми, качество общеславянскаго ударенія измѣнилось: общеславянское vôlsъ род. мн. перешло въ vólsъ̯, причемъ однако качество ударенія въ vólsъ̯ не было тожественно съ качествомъ ударенія въ kórva (въ kórva удареніе было экспираторнымъ, а въ vólsъ̯ музыкально-экспираторнымъ); общеслав. kórvъ род.

общеслав. el. Сомнѣнія продолжаютъ вызывать слова селезенка и железа. Первое я объясняю ниже изъ solzenà съ краткимъ l, а второе вмѣсто žołoza вслѣдствіе нефонетической замѣны žo черезъ že (извѣстное въ значеніи префикса во многихъ славянскихъ словахъ) и послѣдовавшей затѣмъ замѣны ło черезъ le.

мн. перешло, напротивъ, въ kôrvъ, откуда должно бы получиться *ко́ровъ. Но результаты этихъ измѣненій стерлись, за немногими исключеніями, въ русскомъ языкѣ: имен. ед. отъ во́лоса, во́лосу звучитъ не волосъ (какъ можно бы ожидать), а во́лосъ; род. мн. отъ коро́ва звучитъ не ко́ровъ, а коро́въ (и тутъ и тамъ вліяніе другихъ падежей). Указаніе же на подобныя измѣненія, кромѣ случаевъ какъ род. мн. волосъ, даютъ другіе славянскіе языки, гдѣ, вслѣдствіе потери звуками ъ и ь ихъ неслогового свойства, происходили такія же измѣненія въ удареніяхъ: ср. ударе́ніе род. мн. сербскихъ словъ ча̏с, пра̏г, кру̏х, жа̏ба, пра̏во—ча̂сā, пра̂гā, кру̂хā, жа̂бā, пра̂вā и т. д., т. е. нисходящее ударе́ніе на мѣстѣ восходящаго; словенск. lîp, rîb, krâv, vrîb отъ lípa, ríba, kráva, vŕba; напротивъ, сербск. дру̏гā, вла́сā, кру̏гā, жлијѐбā, бра́вā, су̏дā отъ словъ дру̂г, вла̂с, кру̂г, жли̏јеб, бра̂в, су̂д (сосудъ), словенск. móž, vlás, zób отъ môž, vlâs, zôb; чешск. měr, ryb, krav, žíl при им. míra, rýba, kráva, žíla, напротивъ діалект. и древн. čás, vrát, tíl при им. čas, vrata, tělo.—Если ударе́ніе, благодаря неслоговому характеру, который получали ъ, ь, переходило съ нихъ на предшествующій слогъ, то этотъ слогъ получалъ въ русскомъ языкѣ восходящее ударе́ніе, тожественное не съ тѣмъ, которое находимъ въ kórva, górхъ, а съ тѣмъ, которое являлось въ такихъ случаяхъ, какъ род. мн. vólsъ̑ (см. выше): ср. kórlь̑ вм. korlь́ (род. ед. korl'à), совр. коро́ль.

Указанныя перемѣны въ удареніи имѣли мѣсто и при измѣненіи словъ типа tъrt, tьrt: и едва ли не этимъ должно объяснять потерю русскимъ языкомъ многихъ формъ второго полногласія. Эти формы получали другое мѣсто ударе́нія, чѣмъ родственныя имъ формы, гдѣ по причинѣ выше указанной не развивалось полногласія: невозможность ассоціироваться съ ними и была главной причиной ихъ исчезновенія. Приведу примѣры: dьl̑gъ (longus) имѣло въ общеслав. восходящее ударе́ніе, ср. сербск. ду̏г, ду̏го, чешск. dlouho; въ русскомъ им. ед. получилъ послѣ перехода ъ въ неслоговой звукъ нисходящее ударе́ніе: до́лог указываетъ на dь̑l̑gъ̑ (съ долгимъ l̑); такое же ударе́ніе восхо-

дящее имѣло общеслав. рьłпъ, ср. сербск. пу̏н, пу̏но; въ русскомъ им. ед. получилъ нисходящее удареніе: по́лон указываетъ на рѣ̑łпъ̯. Напротивъ, общеслав. ръlкъ имѣло нисходящее удареніе, какъ показываетъ сербское пу̑к, пу̑ка; въ русскомъ им. ед. получилъ восходящее удареніе, ср. областное поло́к; то же слѣдуетъ думать объ общеслав. kъ̑rmъ, вмѣсто котораго въ русскомъ явилось kъ́rmъ̯, ср. областн. коро́м. Такимъ образомъ въ языкѣ получалось склоненіе: поло́к — по́лка, коро́м — ко́рма, *серёп — се́рпа (сербск. ср̑п, ср̑па), *доло́г — до́лга (сербск. ду̑г, ду̑га), пе̏рест — пе́рста, чело́н — чо́лна (сербск. чу̑н, чу̑на). Эти отношенія не соотвѣтствовали другимъ выработаннымъ въ языкѣ категоріямъ; поэтому ихъ пришлось устранять при помощи новообразованій. Такъ съ одной стороны поло́к вызывало полка́, *серёп — серпа́, чело́н — челна́; такъ съ другой по́лка, ко́рма, до́лга, се́рпа — вызывали имен. полк, корм, долг, серп или также до́лог, чо́лон, се́реп; чередованіе *доло́г, до́лог, долг, *серёп, се́реп, серп, вызывавшее и перёст, пе́рест, перст, окончилось въ большинствѣ говоровъ вытѣсненіемъ формъ со вторымъ полногласіемъ посредствомъ образованій, какъ долг, перст, серп и т. д.

Общерусскія формы какъ дълъгъ̯, вьрьхъ̯, пълъкъ̯, пълъсть̯ и т. п. тамъ, гдѣ онѣ сохранились, перешли въ долог, верех, полок, полост' вслѣдствіе общаго закона о переходѣ ъ и ь слоговыхъ въ *о* и *е*; отсюда ясно, что ъ и ь, развившіяся послѣ плавныхъ, были тожественны по звуку съ ъ и ь передъ плавными: ср. переходъ *or*, *er* въ *oro*, *ere*, т. е. полную ассимиляцію гласнаго новаго слога гласному слога первоначальнаго.

III. Сочетанія съ краткими плавными.

Мы видѣли выше, что общеславянскія сочетанія or, ol, er, el, по указанному Фортунатовымъ закону, были извѣстны только съ долгими r, l. Сохраняли ли они однако свою долготу въ позднѣйшую эпоху жизни общеславянскаго языка, не подверглись

ли они при извѣстныхъ условіяхъ сокращенію такъ же, какъ долгія гласныя вообще, подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ явленій въ области ударенія, которыя пережилъ общеславянскій языкъ — вотъ вопросы, требующіе настоятельно разрѣшенія. Пока наука располагаетъ недостаточными средствами для возстановленія количественныхъ отношеній общеславянскаго языка въ эпоху его распаденія, но нѣкоторыя указанія на нихъ можетъ дать сопоставленіе исконныхъ количественныхъ отношеній общеславянскаго языка, насколько они выясняются при сравнительномъ изученіи его съ другими индоевропейскими языками, и тѣхъ количественныхъ отношеній, которыя наблюдаются въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій. Такъ, съ одной стороны, мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что общеславянскія гласныя *a*, *u*, *i*, *y*, *ъ*, *ę*, *ǫ*, *r̥*, *l̥* были исконно долгими, между тѣмъ какъ *e*, *o*, *ъ*, *ь* были исконно краткими (ср. Leskien, Unters. üb. Qu. und Bet., Vorbemerkung, стр. 3 отд. отт.). Такъ, съ другой стороны, оказывается, что и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкахъ до сихъ поръ имѣется рядъ долгихъ гласныхъ, восходящихъ къ общеславянскимъ долгимъ же гласнымъ: ср. сербск. вӣно, чешск. vīno, общеслав. vīnò; сербск. носи̏, чешск. nosī, общеслав. nosī(tь) и т. д. Особенно цѣнны указанія сербскаго языка, такъ какъ онъ въ большинствѣ своихъ говоровъ не имѣетъ долготъ новаго, при томъ фонетическаго, происхожденія (распространеніе долготы подъ вліяніемъ законовъ аналогіи весьма обычно въ сербскомъ); между тѣмъ чешскій языкъ, такъ же какъ словенскій, знаетъ долготу и новаго происхожденія, а именно здѣсь удлинялась гласная перваго слога двусложнаго слова подъ восходящимъ ударѐніемъ (kůže, vůle и т. д.). Сопоставляя количественныя отношенія сербскаго языка съ исконными отношеніями общеславянскими, мы видимъ, что въ значительномъ числѣ случаевъ общеславянская долгота уступила мѣсто краткости, что вообще количество случаевъ, гдѣ общеславянскія долгія гласныя сохранились въ сербскомъ, незначительно. Передъ изслѣдователемъ возникаетъ при этомъ вопросъ,

во всѣхъ ли подобныхъ случаяхъ сокращеніе произошло на сербской почвѣ, не сокращалась ли долгота при извѣстныхъ условіяхъ еще въ общеславянскомъ языкѣ, не получили ли отдѣльные славянскіе языки часть исконно долгихъ *а*, *і*, *и*, *у* и т. д. краткими изъ языка общеславянскаго? Думаю, что этотъ вопросъ получитъ утвердительный отвѣтъ при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи относящихся сюда явленій. Такъ, принявъ въ соображеніе, что съ одной стороны конечныя *а*, *и*, *у* и т. д. кратки въ сербскомъ языкѣ (жѐна, пòпа р. ед., ја̏ма, да̑ра р. ед., нѐси 2 л. пов., пѐцијāху, до̏брōму), а что съ другой мы найдемъ въ сербскомъ языкѣ цѣлый рядъ новыхъ по происхожденію своему долготъ въ конечномъ открытомъ слогѣ (ср. ō, ē, ā, ī, ӯ и т. д. въ результатѣ стяженія звуковъ оје, аја, іје, ің и т. п.; ср. также распространеніе новаго окончанія род. ед. ē на мѣстѣ ī изъ ы; ср. далѣе но̏сӣ вм. но̏си, ло̀мӣ вм. ло̀ми подъ вліяніемъ но̏сӣш, ломи́мо, ломи́те; нѐсē, тре́сē подъ вліяніемъ ло̀мӣ, тру́бӣ, а также нѐсēш, тре́сēш, и т. д.) — мы въ правѣ заключить, что сокращеніе долготы въ открытомъ конечномъ слогѣ произошло не на сербской почвѣ, а еще въ общеславянскомъ языкѣ. Это заключеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ чешскомъ языкѣ, имѣющемъ рядъ новыхъ долготъ въ открытыхъ конечныхъ слогахъ, общеславянскія исконно долгія гласныя кратки (noha, můžu, nesi, slavě, ústa); равнымъ образомъ словенское lípa, им. ед., при lípo, тв. ед., указываетъ, какъ справедливо отмѣтилъ Валявецъ (Rad CXXXII, 157), на прасловенское lìpă при lìpō: въ lìpă видимъ сокращеніе исконно долгой гласной, въ lìpō имѣемъ долготу новаго происхожденія, долготу, возникшую изъ стяженія; слѣдовательно, исконно долгія гласныя были кратки въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ прасловенскомъ.

Не менѣе убѣдительны свидѣтельства сербскаго языка относительно того, что еще въ общеславянскую эпоху сокращалась долгота передъ удареніемъ въ слогѣ, не предшествующемъ ему непосредственно. Всѣ сербскія нарѣчія указываютъ на то, что передъ удареніемъ долгота была терпима въ прасербскомъ только

въ слогѣ сосѣднемъ съ нимъ: такъ въ штокавскихъ говорахъ, передвинувшихъ удареніе на одинъ слогъ къ началу слова, долгота не можетъ стоять передъ удареніемъ; въ чакавскихъ говорахъ неудар. долгота извѣстна только въ слогахъ, непосредственно предшествующихъ ударенію[1]): ср. трéсēмо при печéмо отъ трéсēм и пèчēм, діалектическое трèсéмо; діалект. звиждúмо, ћутúмо, клечúте при звúжђети, ћýтјети, клéчати; јакòта, сухòта, мудрòта при јâкī, сŷхī, мŷдрī. Въ чешскомъ мы также не найдемъ долготы въ положеніи передъ исконнымъ удареніемъ въ слогѣ не сосѣднемъ съ этимъ удареніемъ: ср. kralovati при královic, králiti, král (сербск. краљèвати, крáљевић, крâљ), mudrovati при moudrý, moudřiti, lakota при lákati и т. п.

Съ полнымъ основаніемъ къ той же общеславянской эпохѣ можно отнести сокращеніе долгой гласной подъ удареніемъ въ началѣ и серединѣ слова въ слогѣ, не предшествующемъ непосредственно конечному слогу слова. Сопоставляя сербск. мла̏дōст, мла̏дости, мŷдрōст съ мла̑д, мýдар, мŷдрī, свјȅтлōст, лŷдōст съ свȉјетао, лŷд, пȅторо съ пȇт, мŷжеви съ мŷж, дрŷгови съ дрŷг, љȅпота, врâнота съ лȉјеп, врâн, прâсета съ прâсе, врȅмена съ вријèме, чакавск. pìšćeta съ píšće, видимъ сокращеніе гласной подъ исконнымъ нисходящимъ удареніемъ, не сокращавшимся въ сербскомъ въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ, а также въ словахъ односложныхъ, и изъ нихъ проникавшимъ впослѣдствіи и въ начальные слоги словъ многосложныхъ, гдѣ такое удареніе сохраняется на долгой гласной и въ современномъ языкѣ (ср. кŷмова, бâпова женск. р.). Въ виду этого мы не имѣемъ основанія признать подобныя сокращенія возникшими на сербской почвѣ, тѣмъ болѣе что при тѣхъ же условіяхъ, т. е. въ начальномъ слогѣ многосложныхъ словъ, сокращаются въ чешскомъ тѣ долгія гласныя, которыя стояли нѣкогда подъ восходящимъ удареніемъ и не подлежали бы поэтому сокращенію въ положеніи въ начальномъ слогѣ словъ двусложныхъ: ср. чешск.

1) Leskien, Üb. Qu. u. Bet. i. d. slav. Spr., I, 6 (отд. отт.).

jahoda (сербск. ја̏года, словенск. jágoda съ новой долготой), macecha при máti (но mateře) (сербск. ма̏ћеха, словенск. máčeha съ новой долготой), břemena при břímě, semene при símě, slaviti при sláva, slamina при sláma, kravar при kráva и т. д.

Допустивъ сокращеніе ударяемаго слога въ третьемъ отъ начала слова слогѣ, мы съ тѣмъ большимъ основаніемъ можемъ допустить сокращеніе неударяемаго слога въ такомъ положеніи: сербск. де̏сетеро, чешск. desatero доказываютъ, что ę было кратко уже въ общеславянскую эпоху; ср. еще такіе случаи, какъ сербск. го̏лубови, га̏вранови при го̏лӯб, га̏врāн.

Выведенныя на основаніи предложенныхъ соображеній условія, при которыхъ происходило сокращеніе общеславянскихъ долгихъ гласныхъ, можно объединить слѣдующимъ образомъ: долгота сохранялась въ общеславянскомъ языкѣ въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ только тамъ, гдѣ за долгой гласной слѣдовали или конечный слогъ слова или ударяемый слогъ [1]). Впрочемъ, долгота сохранялась въ общеславянскомъ и не передъ всякимъ ударяемымъ слогомъ. Безусловно всегда она сохранялась предъ ударяемымъ конечнымъ слогомъ: ср. сербск. гријѐха, му́ка, пи́ла, ви́но, чешск. pila, mouka, soudu (суду́), krása, víno, hnízdo. Напротивъ, передъ ударяемымъ слогомъ въ серединѣ слова долгая гласная, судя по даннымъ сербскаго и чешскаго языковъ, даннымъ, въ общемъ между собою совпадающимъ, частью сокращалась въ общеславянскомъ, частью же сохраняла свою долготу. Сокращеніе долгой коренной гласной передъ суффиксами въ сербскомъ языкѣ обратило вниманіе Лескина; въ статьѣ Untersuch. üb. Betonungs- u. Quantitätsverhältnisse in den slav. Spr., помѣщенной въ XXI т. Archiv f. slav. Ph., онъ пришелъ къ выводу, что долгая коренная гласная (ударяемая и

1) Оставляю въ сторонѣ тѣ случаи, гдѣ долгота въ избѣжаніе сокращенія или точнѣе, гдѣ новая, по аналогіи возникавшая, долгота принимала на себя особенное удареніе, опредѣляемое мною теперь какъ музыкально-экспир. восходящееу дареніе (въ отличіе отъ экспираторнаго восходящаго ударенія, сокращавшагося въ сербскомъ). Подъ этимъ удареніемъ долгота вообще не сокращалась въ общеславянскомъ: ср. общесл. hvālīti вм. hvălīti подъ вліяніемъ hvāljǫ.

неударяемая) сокращается въ сербскомъ передъ суффиксами съ гласными полнаго образованія, т. е. со всѣми гласными, кромѣ древнихъ *ъ*, *ь*, подвергшихся въ позднѣйшемъ языкѣ выпаденію. Это важное наблюденіе, намѣченное Лескиномъ еще въ работѣ, относящейся къ 1885 году, въ его Untersuchungen üb. Quantität und Betonung, требуетъ нѣсколькихъ дополнительныхъ замѣчаній. Во-первыхъ, нельзя не сопоставить того обстоятельства, что долгота не сокращается въ положеніи передъ всегда краткими гласными конца слова (см. выше), съ тѣмъ, что сокращенія ея незамѣтно передъ суффиксами, заключавшими гласныя *ъ*, *ь*: съ одной стороны, находимъ вра́на (ж. р.), нијѐма, кри́во, зу̑ба (р. ед.), пу́та, хла̑да, съ другой — вра́нац, нијѐмац, кри́вац, зу́бак, пу́так, хла́дак, р. хла́дка, чла́нак, ча́сак (при ча̏с, русск. часо̀к). Можно думать, что гласныя не сокращались передъ суффиксами съ *ъ*, *ь* въ силу краткости, исконной краткости этихъ гласныхъ; можно думать, что самое сокращеніе передъ другими гласными происходило въ ту древнюю эпоху, когда языкъ сохранялъ еще *ъ*, *ь*. Во-вторыхъ, въ тѣсной связи съ первымъ изъ указанныхъ предположеній находится то обстоятельство, что гласная корня вообще не сокращается въ сербскомъ передъ суффиксами, заключающими звуки *о*, *е*, т. е. звуки исконно краткіе; этому обстоятельству не придалъ значенія Лескинъ, а между тѣмъ долгота въ образованіяхъ на *ost*, какъ дра́го̄ст, све́то̄ст, бла́го̄ст, лијѐно̄ст, или въ образованіяхъ на *ež*, какъ гра́беж (при гра̏бити), лу́пеж, ме́теж представляется чрезвычайно характерной. Сокращеніе передъ ударяемой гласной *о* суффикса наблюдается едва ли не только относительно суффикса *ov*, какъ хра̀стов при хра̑ст, хра́ста, брѐстов при бре̑ст, бре́ста, ду̀бов при ду̑б, ду̑ба, но кажется, краткость надо объяснять изъ образованій съ удареніемъ на первомъ слогѣ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, краткость обязана самому положенію долгой гласной въ словѣ: ду̀бов вмѣсто *ду̏бов, тр̀нов, брѐстов вм. *тр̏нов, *бре̏стов, ср. чакавск. tr̀nov, brèstov, дрѐнов вм. *дре̏нов, чакавск. drènov. Въ-третьихъ, отмѣчу еще разъ, что краткость въ случаяхъ какъ пе̏торо, ље̏пота, му̏-

жеви, су̏кнен, гла̏вит, пру̏таст и т. п. зависитъ отъ положенія ударяемой гласной не передъ конечнымъ слогомъ слова и не можетъ быть сопоставлена съ сокращеніемъ ея напр. въ гла̀вура, тра̀вара, ду̀брава, зу̀бат и т. д.; вотъ почему, при долготѣ въ дра́го̄ст, бла́го̄ст, мы правильно находимъ краткость въ му̏дро̄ст, лу̏до̄ст, свје̏тло̄ст, мла̏до̄ст. И такъ, выясняется, что отмѣченное Лескиномъ сокращеніе коренной долгой гласной передъ гласной суффикса не имѣло мѣста передъ суффиксами, содержавшими гласныя о, е, ъ, ь; и далѣе,— что сокращеніе наступало только передъ ударяемою исконно долгою гласною суффикса. Имѣя въ виду, что во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ ударяемая долгая гласная въ серединѣ слова имѣла на себѣ нѣкогда удареніе восходящее и что въ сербскомъ долгая гласная подъ такимъ удареніемъ сокращалась (ср. кра̏ва, сла̏ва вм. общеслав. kórva, sláva), мы заключаемъ, что законъ о сокращеніи коренной долгой гласной передъ ударяемою *долгою* гласною суффикса могъ имѣть мѣсто еще въ общеславянскую эпоху, и что, слѣдовательно, сербскія пѐтина, дру̀жина, дру̀жица, кра̀љица, кра̀љић, кри̏вача, пла̀вуља, стрјѐлица, рѐдуша, јастрѐбуша, рука̀вина восходятъ къ общеславянскимъ pętína, drŭžína, rǫkăvína и т. д. Подтвержденіемъ такого заключенія служатъ данныя чешскаго языка: здѣсь мы также найдемъ долготу передъ суффиксами съ гласными ъ, ь, *о*, *е* (mlátek, vínek, loupež, mládec, mládež, mládenec), краткость передъ суффиксами съ исконно долгими гласными (družina, krupice при kroupa, měřice при míra, bědavý при bída). Мы указывали выше на то, что сокращеніе долгой коренной гласной имѣетъ мѣсто не передъ всѣми суффиксами; кромѣ суффиксовъ съ исконно краткими гласными, есть рядъ суффиксовъ и съ исконно долгими гласными, передъ которыми коренныя гласныя долги и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкахъ, откуда можно заключать о ихъ долготѣ и въ общеславянскомъ. Сюда относятся между прочимъ глагольныя примѣты *і*, *ǫ*, *а*, *ѣ* въ инфинитивахъ, которыя имѣютъ передъ собой долгія гласныя въ чешскомъ и сербскомъ, если на нихъ приходилось удареніе въ общеславян-

скомъ языкѣ: ср. сербск. дијѐлити, кнéжити, кáдити, јáвити, љýбити, сáдити, мúнути, мáхнути, брúзнути, пúсати, скáкати, викати, бијѐљети, јéчати, сијѐдјети, чешск. knížiti, mlátiti, míříti, míniti, mámiti, toužiti, písati, páchati и т. д. Сохраненіе долготы коренной гласной въ инфинитивахъ слѣдуетъ ставить въ связь съ происшедшимъ еще въ общеславянскомъ языкѣ сокращеніемъ глагольной примѣты этихъ формъ, а сокращеніе ея вызвано тѣмъ, что въ предшествующемъ слогѣ, въ силу вліянія родственныхъ образованій, не могла сократиться долгая гласная: hvāljȍ вызывало hválīšь вм. hvàlīšь, а также hvālìti вмѣсто ожидаемаго hvălíti. Сходно объясняется сокращеніе ударяемой коренной гласной въ словахъ сложныхъ съ предлогами, содержавшими исконно долгія гласныя (na, za, prī и т. д.): въ виду такихъ явленій какъ drŭžína вм. drūžína, vlăsáta вм. vlāsáta (ж. р.), мы ожидаемъ prīmĕ́гъ, năpráva, zăbáva, năstáva, nărǫ́ka и т. д. вмѣсто prīmĕ́гъ, nāpráva, zābáva, nāstáva, nārǫ́ka; подобныя слова мы и находимъ отчасти въ сербскомъ (ср. зàклада, нàвика, сȕпруга, чакавск. zabàva, navàda), но въ очень незначительномъ количествѣ; большинство же сложныхъ словъ имѣетъ долгую гласную въ предлогѣ и краткую въ корнѣ: ср. сербск. прúмјер, нáправа, зáбава, нáстава, нáрука, зáдруга, нáхлада, нáмама, прúсад, сȕтука, прúказ и т. д., чешск. záblud, zábava, záduch, záchvat, zájezd, záměna, záplata, násila, nástava, návara, přístup, přísucha, přívara и т. д. Слѣдовательно, въ сложныхъ словахъ имѣло мѣсто то же явленіе, что въ инфинитивныхъ формахъ, т. е. невозможность сократить гласную неударяемаго слога (въ данномъ случаѣ предлоговъ na, za, sǫ, prī) влекла за собой необходимость сократить гласную слѣдующаго ударяемаго слога (въ данномъ случаѣ коренную гласную). Сходныя явленія имѣли мѣсто и при нѣкоторыхъ именныхъ суффиксахъ. Такъ передъ суффиксомъ — ųnja находимъ въ сербскомъ долгую коренную гласную: грȍдиња, пȕстиња, свéтиња; очевидно пȕстиња восходитъ къ общеславянскому pūstỳni съ краткой ударяемой гласной, между тѣмъ какъ чакавск. pustìnja восходитъ къ общеславян-

скому pŭstýni. Такъ передъ суффиксомъ ica находимъ въ нѣкоторыхъ чакавскихъ словахъ долгую коренную гласную: zvēzdìca, jūnìca, zīmìca, žīvìca, ср. штокавск. звјѐздица, јȕница, зȉмица; чакавск. jūnìca можетъ восходить къ общеслав. jŭnìca, тогда какъ штокавск. јȕница восходитъ къ jŭnícа. Передъ суффиксомъ ina точно также чакавское нарѣчіе имѣетъ въ нѣкоторыхъ словахъ долгую корснную гласную: glīstìna, sādìna. Передъ окончаніемъ *ama* (*ami*) въ дат. и тв. мн. коренная гласная въ нѣкоторыхъ штокавскихъ словахъ долга, въ другихъ кратка: ср. гре́дама, стијѐнама, тра́вама, ду́шама, пе́тама, но слу́гама, ру́кама, стрàнама, діалектически въ дубровницкомъ говорѣ стјѐнама, трàвама, грѐдама, дȕшама (Rešetar, 96): ду́шама восходитъ къ общеславянскому dūšàma (которое вмѣсто dušáma подъ вліяніемъ dūšà), а дȕшама — къ общеславянскому dŭšáma.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, законъ о сокращеніи при встрѣчѣ двухъ долгихъ гласныхъ можетъ быть изложенъ слѣдующимъ образомъ: при встрѣчѣ двухъ долгихъ гласныхъ, изъ которыхъ вторая имѣла на себѣ восходящее удареніе, обыкновенно сокращалась первая, неударяемая гласная; но если долгота этой гласной была поддержана вліяніемъ родственныхъ словъ или формъ, сокращенію подвергалась ударяемая гласная (dūšáma переходило или въ dŭšáma или въ dūšàma).

Предыдущее изслѣдованіе выяснило существованіе пяти законовъ, по которымъ происходило сокращеніе долгихъ гласныхъ въ общеславянскую эпоху: первый законъ требовалъ сокращенія конечныхъ открытыхъ гласныхъ; второй требовалъ сокращенія долготы передъ удареніемъ въ слогахъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію; третій требовалъ сокращенія ударяемой гласной во всякомъ положеніи, кромѣ положенія въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова; четвертый — сокращенія неударяемой гласной за удареніемъ во всякомъ положеніи, кромѣ положенія передъ конечнымъ слогомъ слова; наконецъ, пятый законъ — это законъ о сокращеніи двухъ рядомъ стоящихъ долгихъ гласныхъ. Эти законы не знали, конечно, исключеній. Если

въ силу какой-нибудь аналогіи долгота проникала въ ударяемый слогъ, сократившійся въ силу своего положенія въ третьемъ отъ конца слова слогѣ, удареніе переходило на слѣдующій краткій слогъ; такъ въ позднѣйшую эпоху, въ сербскомъ языкѣ свѣтости, подъ вліяніемъ свѣт (святой), измѣнилось въ свѣтòсти, штокавск. свéтости. Если долгота проникала въ слогъ, передъ удареніемъ, не сосѣдній съ нимъ, удареніе перетягивалось на слогъ непосредственно слѣдующій за долгой гласной; такъ въ позднѣйшую эпоху, въ сербскомъ языкѣ тресѣмò подъ вліяніемъ *трēсéм переходило въ трēсēмò, откуда *трēсéмо, шток. трéсēмо. Если, наконецъ, долгота проникала въ слогъ передъ долгой ударяемой гласной, эта долгая гласная сокращалась: ср. для общеславянской эпохи jŭnía (штокавск. jȕница) при jūnìca (чакавск. jūnìca).

Всѣмъ указаннымъ здѣсь законамъ подвергались и долгія r, l въ сочетаніяхъ or̄, ol̄, er̄, el̄. На основаніи всего вышесказаннаго мы должны думать, что слова moldežь, moldosti (съ нисх. удареніемъ на первомъ слогѣ), sormotą (вин. ед. съ такимъ же удареніемъ), goršina (съ восход. удареніемъ на первомъ слогѣ), sormotà, polninà, korljíca, golvúra, korvára звучали въ общеславянскомъ языкѣ съ краткими r, l. Впрочемъ, рядомъ съ korljíca, golvúra, korvára могли существовать и kor̄ljìca, gol̄vùra, kor̄vàra подъ вліяніемъ словъ какъ kor̄ljà, gol̄và, kor̄va, подобно тому какъ слова gor̄dìti, gol̄sìti, pol̄kàti, pol̄snùti и т. п. звучали съ долгими r, l передъ слѣдующею краткою ударяемою гласной.

И такъ общеславянскій языкъ получилъ на мѣстѣ or̄, ol̄ и т. д. съ долгими плавными сочетанія or, ol съ краткими плавными, при извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ условіяхъ. Обращаемся къ вопросу, какъ измѣнялись въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ эти сочетанія *o*, *e* + краткая плавная.

Мы видѣли выше, что въ южнославянскихъ языкахъ сочетанія ъ, ь + краткая плавная подверглись перестановкѣ (vrьhъ вм. vьrhъ); равнымъ образомъ перестановкѣ подвергались сочетанія ār, āl, ēr, ēl, восходящія непосредственно къ общеславян-

скимъ or̄, ol, er, el̄ (zoltо—zālto, zlāto). Отсюда ясно, что такой же перестановкѣ должны были подвергнуться и сочетанія or, ol, er, el: на мѣстѣ ихъ мы ожидали бы ro, lo, re, le. Тѣ же ro, lo, re, le мы ожидали бы и въ западнославянскихъ языкахъ на мѣстѣ общеславянскихъ сочетаній *o*, *e* + краткая плавная, такъ какъ чешскій языкъ свидѣтельствуетъ о перестановкѣ ār, āl, ĕr, ĕl, а другіе языки этой группы указываютъ на перестановку or, oĺ, er, eĺ, а также существовавшихъ при извѣстныхъ условіяхъ ōr, ōĺ, ēr, ēĺ (и тѣ и другія сочетанія восходятъ къ общеславянскимъ or̄, oĺ, er̄, eĺ) въ ro, ło, re, le и rō, łō, rē, lē. Но ни въ чешскомъ, ни въ южнославянскихъ языкахъ мы не находимъ вообще этихъ ro, ło, re, le. Они замѣнены сочетаніями ra, la (rĕ, lĕ) подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ rā, lā, rѣ, lѣ: ср. сербск. стра̀жара, гла̀вура, зла̀тара, вла̀чуга, мла̀дица, кра̀љица, гла̀сина, гла̀вуча, кра̏вина, кра̏вица, гра̏шина, чешск. kravice, krahuj, mrazivý, mrazina, hrachový, prasetina и т. д. Еще до перестановки, переходъ or̄ въ ār, oĺ въ āl могъ вызвать въ чешскомъ и южнославянскихъ языкахъ переходъ or, ol въ ăr, ăl, откуда далѣе ră, lă. Такъ же явились чешск. škraloup, чакавск. škralúp, словенск. škralûp изъ общеславянскаго skorlūръ съ краткимъ r; чешскій языкъ сохранилъ переходную форму škarloup, благодаря существованію предполагаемой формы *škaroup (съ ассимиляціей l предшествующему r), ср. другую переходную же форму škorupina, skorupa (вм. *skorlupa); словенскій сохранилъ переходныя формы škorlûp, skorlûp, škorlúpa, skorlúpa (подъ вліяніемъ существующаго рядомъ škorûp, чакавск. škorúp, сербск. ско̏рӯп); въ польскомъ видимъ переходную форму skorłupa (подъ вліяніемъ skorupa). Чешск. hranostaj равнымъ образомъ восходитъ къ harnostaj изъ *gornostaj, ср. польск. gronostaj.

И такъ въ южнославянскихъ и чешскомъ языкахъ or, ol, er, el съ краткими r, l измѣнились въ ăr, ăl, ĕr, ĕl, откуда далѣе ra, la, rѣ, lѣ; въ польскомъ и лужицкомъ сочетанія съ краткими плавными перешли въ ro, ło, re, le.

Но въ одномъ словѣ ни въ чешскомъ, ни въ южнославянскихъ языкахъ гласная передъ краткимъ l не подверглась указанному измѣненію; это въ словѣ *человѣкъ*. Въ общеславянскомъ языкѣ оно звучало čelvěkъ. Эту форму возстановляютъ Фортунатовъ и Торбіернсонъ; первый изъ нихъ допускаетъ еще болѣе древнее čelъ̀ěkъ изъ čelъvěkъ и думаетъ, что *l* въ этомъ словѣ было кратко въ общеславянскомъ языкѣ потому, что находилось не передъ согласной, а гласной. Противъ допускаемой нѣкоторыми изслѣдователями общеславянской формы čьlověkъ свидѣтельствуютъ, по мнѣнію Фортунатова, какъ старославянское чловѣкъ (не чьловѣкъ), такъ и полабское clavak, вмѣсто котораго изъ *čьlověkъ можно было бы ожидать *clüvak; русскія формы человѣкъ, челэкъ точно также не могутъ восходить къ общеслав. čьlověkъ, какъ укажемъ ниже. Торбіернсонъ, останавливаясь на вопросѣ, почему *čel-* въ этомъ словѣ не перешло въ člă или въ člě въ южнославянскихъ и чешскомъ языкахъ, высказываетъ предположеніе, что появленію долгой гласной при перестановкѣ помѣшала неударяемость этого *čel-*. Мнѣ кажется, мы должны исходить изъ формы čelvěkъ; быть можетъ, позволительно сблизить это славянское слово, вслѣдъ за другими изслѣдователями, съ греч. παλλακίς, παλλακή изъ παλϝακις, παλϝακη. Согласно предыдущему, *l* должно было удлиниться въ общеславянскую эпоху; впослѣдствіи čel̄vě̄kъ измѣнялось двоякимъ образомъ: или оно переходило въ čelvě̄kъ съ краткимъ *l*, или оно давало čel̄vě̄kъ; на послѣднее измѣненіе вліяло то обстоятельство, что напр. въ зват. падежѣ это слово имѣло удареніе не на суффиксѣ, а на корнѣ (čêlvěče, ср. чакавск. člòveče, штокавск. чо̏вјече, откуда и чо̏вјек), при чемъ отсюда слѣдуетъ, быть можетъ, что законъ о сокращеніи долгихъ гласныхъ при встрѣчахъ старше закона о сокращеніи долгой гласной въ ударяемомъ слогѣ, не стоящемъ въ началѣ двусложнаго слова: mol̄dîca перешло въ moldîca тогда, когда mô̄dostь еще сохраняло свое ī; čel̄vě̄kъ измѣнилось въ čelvě̄kъ тогда, когда čêlvěče еще сохраняло свое ī. Южнославянскіе и чешскій языки полу-

чили только ту форму этого общеславянскаго слова, которая звучала čelvě̀kъ съ краткимъ *l*. Какъ указано выше, еще въ общеславянскомъ языкѣ *l* въ сочетаніяхъ el, ol передъ согласными звучало какъ *ł*, т. е. не какъ обыкновенное европейское *l*, а болѣе открыто; въ связи съ этимъ стоялъ переходъ *e* въ закрытое ö послѣ всѣхъ вообще согласныхъ и въ открытое ö послѣ смягченныхъ зубныхъ (č, ž, š): ср. южнославянское (сербское) član, чешское žlab, článek, польск. żłób, człon на мѣстѣ общеславянскихъ čölnъ, žölbъ. Отсюда видно, что čelvě̀kъ звучало въ общеславянскомъ языкѣ čöłvě̀kъ. Мы отмѣтили выше общій переходъ or, er, ol, el съ краткими *r*, *l* въ ăr, ĕr въ чешскомъ и южнославянскомъ языкахъ; этотъ переходъ вызванъ общимъ переходомъ or̄, ol̄, er̄, el̄ въ ār, āl, ѣr, ѣl. Что же касается сочетаній čöl̄, žöl̄, šöl̄, то они переходили въ čāl, žāl, šāl, откуда далѣе частью člā, žlā, šlā, частью же člѣ, žlѣ, šlѣ. Въ виду отсутствія въ языкѣ краткаго соотвѣтствія этому звуку ā, указанный переходъ не могъ повести за собой измѣненія čöl (съ краткимъ l) въ словѣ čölvě̀kъ въ čăl; čölvě̀kъ сохранялось въ такомъ видѣ въ эпоху общаго перехода ol, er и т. д. съ краткими или долгими плавными въ ał, ѣr и т. д. (съ краткими плавными, а гласными—краткими или долгими). Затѣмъ čölvě̀kъ, въ силу общаго закона о перестановкѣ, измѣнилось въ западнославянскихъ (въ томъ числѣ и въ чешскомъ) и въ южнославянскихъ языкахъ въ člověkъ: ср. польск. człowiek, чешск. člověk, чакавск. človèk, штокавск. чòвjек, словенск. človẹk. Въ болгарскомъ языкѣ, рядомъ съ човѣкъ и човѣкъ (Слов. Дювернуа), находимъ челя́къ, чиля́къ, чуля́къ, чиле́че, т. е. формы, восходящія непосредственно къ *челѣкъ; въ этомъ *челѣкъ слѣдуетъ видѣть прямое отраженіе общеславянскаго čelvě̀kъ, которое, очевидно, въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ измѣнилось въ *čelѣkъ, вслѣдствіе ассимиляціи *v* предшествующему *l*, еще до перестановки; ср. общеславянское skorupa рядомъ съ skorlupa.

Перехожу къ исторіи общеславянскихъ сочетаній *o*, *e* +

краткая плавная въ русскомъ языкѣ. Мы видѣли выше, что полногласіе являлось только тамъ, гдѣ плавная была долгая. Слѣдовательно, сочетанія съ краткими плавными должны были остаться безъ измѣненія. И дѣйствительно, мы находимъ нѣсколько случаевъ, гдѣ современныя ор, ер, ол (ол восходитъ и къ ol и къ el, вслѣдствіе общаго перехода *e* передъ лабіализованнымъ *l* въ *o*) восходятъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ *o*, *e* + краткая плавная. Таково, напр., слово горностай, ярославск. гоностáрь (въ результатѣ диссимиляціи?), древнее горносталь, малор. горностáй, горностáль: ср. приведенныя выше польск. gronostaj, чешск. hranostaj; горностай извѣстно въ такой формѣ уже съ XII в., ср. Ипат. лѣт. подъ 1160 годомъ: да бо Ростиславъ Святославу соболми, и горностайми, и черными кунами. Далѣе сюда относится слово борноволóкъ, ср. словенск. hranovlèk, которое въ такой формѣ извѣстно не только изъ южновеликорусскихъ, но и изъ сѣвернорусскихъ говоровъ: Шадр. (Доп.), Тобольск. (Жив. Ст. 1900); борновáть встрѣчается и въ окающихъ говорахъ: Владим. (В. И. Чернышевъ). Слово голодобá (Даль) вм. ожидаемаго голодобá, голодовка, едва ли утратило *o* послѣ *л* вслѣдствіе положенія въ неударяемомъ слогѣ: оно можетъ восходить къ общеслав. goldobà съ краткимъ *l*. Въ архангельской губерніи отмѣчены морзобóй, морзобóйной хлѣбъ при морозобóй (Подв.); въ малор. морзовáтий при морозовáтий (бѣлоснѣжный, о конѣ, Слов. Желеховскаго). Общеслав. skorlupa является въ русскомъ языкѣ въ видѣ скорлупá, малор. скорлýпка, бѣлор. шкорлýпа; рядомъ извѣстны и общеслав. формы *skorup-: малор. скорупíти, шкорýпа, бѣлор. скорýпа, скорýпнуць; что до формъ полногласныхъ, какъ Обоян. шкоролупка (Доп.), скоролупа въ словарѣ Поликарпова 1704 года, скоролоуплꙗ въ Библіи 1499 года (Lex. Mikl.), то онѣ восходятъ къ общеславянскому skorlùpa, существовавшему при skorlúpa. Общеслав. čelvękъ съ краткимъ *l* сохранилось въ русскомъ языкѣ безъ измѣненія: отсюда, едва ли не общевеликорусская, форма челэкъ, ср. ее во Владим., Обоян. (Доп.), Лукоян. (Жив. Ст. IV, 171),

Нижегор. (Мат. Ак. Наукъ № 102), целэкъ: Владим. (тамъ же № 16), Павлов.-Ворон. (чилэкъ, Доп.); челэшный (толстый дородный о человѣкѣ): Горбат. (Мат. Ак. Наукъ, № 105); челэкъ восходитъ къ челвѣкъ такъ же, какъ Вышневолоцк. чилыкъ (Оп.) къ челвикъ (и вм. ѣ), или какъ молыть къ молвить, ср. отмолылся въ Духовной Остафья 1393 года (Акты Юрид. № 409, I), молыла: Слѣдств. дѣло 1591 г. (Собр. Г. Гр. и Д. II, 107), домо́лать (договорить): Пенз., Тамб. (Оп.), молано (сказано): Нижегор. (Оп.), мо́лать, молала: Спасск.-Каз. (Доп.); ср. еще переходъ молвь въ молъ (онъ молъ, ты молъ и т. п.), жолвь въ жолъ (у Даля: у меня денегъ-та желвь, т. е. совсѣмъ нѣтъ; въ Обояни: да вотъ въ гаманкѣ жолъ). Форма цыльекъ, отмѣченная въ Ряз. губ. въ Мещорѣ (Оп.), можетъ восходить къ діалектическому общеславянскому čelѣkъ; ср. сказанное выше по поводу болгарск. челѣк. Что же касается произношенія человѣ́к, малор. чолові́к, то оно ведетъ насъ къ общеслав. čelvѣ̀kъ, существовавшему рядомъ съ čelvѣ́kъ такъ же, какъ kor̄ljìca существовало въ общеславянскомъ рядомъ съ korljíca и т. п. (ср. выше).

Вообще общеславянскія сочетанія *or*, *er*, *ol* съ краткими плавными вытѣснены въ русскомъ полногласными *оро*, *ере*, *оло*, заимствованными изъ родственныхъ образованій: волочу́га, голоси́на подъ вліяніемъ волочи́ть, го́лосъ; мо́лодежь, мо́лодость подъ вліяніемъ молодёжь, мо́лодъ; горо́шина подъ вліяніемъ горо́хъ; боронова́ть подъ вліяніемъ борони́ть, борона́; городово́й подъ вліяніемъ го́родъ, городско́й; полосова́ть подъ вліяніемъ полосну́ть, полоса́ и т. п.

Рядомъ съ сочетаніями *о*, *е* + краткія плавныя, унаслѣдованными отъ общеславянскаго языка, въ русскомъ языкѣ появились сочетанія *ъ*, *ь* + краткія плавныя изъ общеславянскихъ сочетаній ъ̯г̣, ъ̯ḷ, ь̯г̣, ь̯ḷ; краткія плавныя замѣнили слоговыя плавныя, а слоговыя *ъ*, *ь* замѣнили общеславянскія *ъ*, *ь* неслоговыя. Объ этомъ явленіи мы говорили выше. Сочетанія *ъ*, *ь* + краткія плавныя перешли затѣмъ въ сочетанія *о*, *е* + краткія плавная и сохранились въ такомъ видѣ въ современномъ языкѣ:

гордый, насморк, верх, серп, волк и т. д. Въ положеніи же передъ слогомъ, утратившимъ ъ, ь, на мѣстѣ сочетаній ъ, ь + краткія плавныя являлись сочетанія ъ, ь + долгія плавныя, откуда, какъ мы видѣли, по общему закону о полногласіи, ъгъ, ьгь, ъѴъ.

И такъ русскій языкъ до дѣйствія закона о полногласіи имѣлъ сочетанія *о*, *е*, ъ, ь съ краткими и съ долгими плавными. Чередованіе долгихъ и краткихъ плавныхъ происходило при извѣстныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе уже въ общерусскомъ замѣчалось смѣшеніе обоихъ видовъ плавныхъ, вытѣсненіе краткихъ плавныхъ долгими и обратное вытѣсненіе долгихъ плавныхъ краткими. Первое изъ этихъ явленій, т. е. вытѣсненіе краткихъ долгими плавными, имѣло въ прарусскомъ языкѣ тѣ же слѣдствія, что въ общеславянскомъ, т. е. или сокращеніе слѣдующей ударяемой долгой гласной, или переносъ ударенія на слѣдующій слогъ, или передвиженіе ударенія на слогъ предшествующій ударенію и непосредственно слѣдующій за такой новой долготой. Второе изъ указанныхъ явленій, т. е. замѣна долгой плавной краткою, имѣло слѣдствіемъ рядъ звуковыхъ измѣненій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

IV.

Замѣна долгихъ плавныхъ слоговыми и третье полногласіе.

Мы видѣли, что въ общерусскомъ языкѣ, рядомъ съ древнимъ видомъ сочетаній ог, оѴ, ег, видомъ, въ которомъ плавныя были долги, существовалъ болѣе новый видъ тѣхъ же сочетаній съ краткими плавными — это было слѣдствіемъ общеславянскаго сокращенія долгихъ гласныхъ и вообще сонантовъ, при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ. Въ самомъ общерусскомъ языкѣ, рядомъ съ болѣе древними сочетаніями ь, ъ + краткія плавныя (изъ общеславянскихъ ь̯, ъ̯ + слоговыя долгія плавныя), возникли болѣе новыя сочетанія ь, ъ + долгія плавныя, вслѣдствіе закона

объ удлиненіи гласной и вообще сонанта передъ исчезавшими изъ произношенія гласными ъ, ь слѣдующаго за ними слога; тотъ же законъ измѣнилъ рядъ общеславянскихъ сочетаній о, е + краткія плавныя въ сочетанія о, е + долгія плавныя. Такъ рядомъ съ sor̄mъ, sor̄ma существовало sormotà; рядомъ съ kъrma — kъr̄mъ̯; рядомъ съ gor̀šina — gor̄šь̯ka и т. д.

Однимъ изъ слѣдствій чередованія между собою словъ, а также отдѣльныхъ формъ слова, съ долгими и краткими плавными, была замѣна долгихъ плавныхъ краткими, но русскій языкъ не зналъ непосредственной замѣны долгой плавной краткою, а измѣнялъ долгую плавную въ краткую слоговую плавную. Въ общеславянскомъ языкѣ долгая плавная, сокращаясь, переходила въ краткую неслоговую плавную (čel̄vḗkъ перешло въ čelvḗkъ); но въ русскомъ языкѣ долгая плавная звучала, повидимому, иначе, чѣмъ въ общеславянскую эпоху́; ср. послѣдующій переходъ ея въ сочетанія плавная + гласная (ol̄, er̄ и т. д. — въ ol̄o, ere). Гласный элементъ долгой плавной былъ настолько силенъ, что слѣдствіемъ необходимости сократить ее былъ переходъ плавной не въ согласную, а въ сонантъ, въ слоговую плавную. Переходъ долгой плавной въ сочетаніяхъ or̄, ol̄, er̄, ъr̄ и т. д. въ сонантъ имѣлъ слѣдствіемъ редукцію предшествующей гласной: она измѣнялась въ неопредѣленный звукъ и при томъ неслоговой (мы изобразимъ его черезъ α̯). Такимъ образомъ, на мѣстѣ or̄, ol̄, er̄, ъr̄, ъl̄, ьr̄ являлись въ общерусскомъ языкѣ, подъ вліяніемъ or, ol̄, er, ъr, ъl̄, ьr въ родственныхъ образованіяхъ, — α̯ṛ, α̯ḷ̣, при чемъ α̯ замѣняло безразлично всѣ гласныя передъ плавными, т. е. е, о, ъ, ь.

Случаевъ замѣны долгихъ плавныхъ слоговыми было въ общерусскомъ языкѣ очень много. Сохранившіеся въ современномъ языкѣ слѣды замѣны сочетаній е, о, ь, ъ + долгія плавныя сочетаніями α̯ṛ, α̯ḷ̣ замѣчаются въ трехъ главныхъ категоріяхъ словъ: во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ трехсложныхъ словахъ женскаго и мужескаго рода съ удареніемъ на конечномъ *а* въ имен. ед. въ женскомъ родѣ, на конечномъ слогѣ всѣхъ кос-

венныхъ падежей — въ мужескомъ родѣ; во-вторыхъ, въ двусложныхъ именительныхъ средняго рода такихъ словъ, которыя трехсложны въ склоненіи; въ-третьихъ, въ глагольныхъ образованіяхъ на -ъкати, -ътати, -ъсати, -ъряти, -ъляти, -ънути, о происхожденіи которыхъ скажемъ ниже, въ слѣдующей главѣ настоящаго изслѣдованія. Кромѣ того, сюда же относятся и нѣкоторыя особыя единичныя образованія.

Разсмотрю отдѣльно каждую изъ трехъ указанныхъ категорій случаевъ и приведу примѣры для общерусскихъ сочетаній ᾳ̯r̥, ᾳ̯ł̥, съ тѣмъ чтобы ниже указать на соотвѣтствія имъ въ языкѣ современномъ.

Въ однихъ словахъ женскаго рода чередованіе долгихъ и краткихъ плавныхъ зависѣло отъ чередованія ударенія въ отдѣльныхъ формахъ того или другого слова; въ другихъ словахъ такое чередованіе могло стоять въ связи съ позднѣйшимъ удлиненіемъ плавной подъ вліяніемъ исчезавшихъ изъ произношенія ъ, ь. Къ словамъ перваго рода относится общерусское sᾳ̯ł̥zenà (селезёнка); вин. ед. sᾳ̯ł̥zènu замѣнило sołzènu вслѣдствіе замѣны ł долгаго ł краткимъ (но слоговымъ), проникшимъ изъ sołzenà[1]); отсюда и въ им. ед. sᾳ̯ł̥zenà; равнымъ образомъ sołzènъka переходило въ sᾳ̯ł̥zènъka подъ вліяніемъ краткаго ł въ sołzenà. Къ словамъ второго рода относятся, напр. skornь¹i̯à [2]) (словенск. skránja), połnь¹i̯à (словенск. plánja), mъłnь¹i̯à (словенское mółnja, сербск. му́ња); въ этихъ словахъ r, l были кратки

1) Общерусское sołzenà восходитъ или къ общеславянскому selzena (ср. словенск. slẹzę̂na, чешск. slezena, чакавск. slèzena, а также польск. śledziona) по общему закону о переходѣ el въ oł,— или къ общеславянскому solzena (ср. словенск. slázena, а также верхнелужск. słozyna, древнепольск. słodzona). Чередованіе solzena и selzena въ общеславянскомъ зависѣло отъ вліянія, оказаннаго корнемъ sold (солодъ, солодкій, сладкій) на древнее слово *spelzena, утратившее свое *p* подъ тѣмъ же вліяніемъ. Ср. нѣмецкое Milz при Malz. Слѣдами этого же вліянія надо признать *dz* въ польск. słodzona и śledziona, кашубск. słodzéna, *д* въ малорусск. селедя́нка (селезенка), *ж* въ малор. се́лежінь, сележі́нка (то же). Что касается словенск. sołzę̂na, suzâna (ср. чешск. slez*a*no), то здѣсь оц, *u* изъ *l* слогового, явившагося въ словенскомъ вслѣдствіе редукціи ę въ краткомъ слогѣ lę.

2) О звукѣ ь¹, т. е. закрытомъ ъ, см. въ I главѣ наст. изслѣдованія.

еще въ общеславянскую эпоху вслѣдствіе положенія передъ удареніемъ, въ слогѣ не сосѣднемъ съ нимъ; въ skornь^{1}i̯à, poł̄nь^{1}i̯à, mъł̄nь^{1}i̯à звукъ ь^1, защищенный своимъ положеніемъ передъ i̯, не подлежалъ въ русскомъ языкѣ выпаденію, но въ параллельныхъ формахъ съ j — a i̯a чередовалось съ ja въ цѣломъ рядѣ словъ, при чемъ первоначально такое чередованіе обусловливалось ударяемостью или неударяемостью слѣдующаго за i̯, j звука (ср. русск. жнея́, швея́, колея́, стряпея́, трясея́, при го́стья, тря́сья и тре́сья)—т. е. въ формахъ skornь^{1}jà, poł̄nь^{1}jà, mъł̄nь^{1}jà, звукъ ь^1 долженъ былъ исчезнуть изъ произношенія, въ эпоху общаго исчезновенія полукраткихъ ъ, ь. Ихъ исчезновеніе имѣло слѣдствіемъ удлиненіе сонантовъ предшествующаго слога: такъ явились skor̄nь̯jà, poł̄nь̯jà, mъł̄nь̯jà. Въ этихъ формахъ долгія плавныя или сохранялись, или замѣнялись слоговыми r, ł, подъ вліяніемъ указанныхъ выше формъ съ краткими плавными. Такимъ образомъ, съ одной стороны, skor̄nь̯jà переходило въ скоронья, ср. **скороньѩмъ** въ Палеѣ XIV в.; poł̄nь̯jà въ полонья̀, ср. произношеніе полонья́ въ Шенкурскомъ уѣздѣ; mъł̄nь̯jà въ молонья̀ и мо̀лонья, ср. примѣры, приведенные выше, въ первой главѣ. Съ другой стороны, skor̄nь̯jà, poł̄nь̯jà, mъł̄nь̯jà измѣнялись въ skα̯r̥nь̯jà, pα̯ł̥nь̯jà, mα̯ł̥nь̯jà, вслѣдствіе замѣны плавныхъ r̄, ł̄ слоговыми r, ł, замѣны, вызванной вліяніемъ формъ skornьi̯à, poł̄nьi̯à, mъł̄nьi̯à.—При словѣ oł̄nь^{1}i̯à, существовавшемъ рядомъ съ olnь (откуда еще въ общеславянскомъ lanь, подъ вліяніемъ восходящаго ударенія, лежавшаго на начальномъ сочетаніи ol), равнымъ образомъ являлась параллельная форма oł̄nьjà, откуда въ русскомъ языкѣ далѣе oł̄nь̯jà. Но oł̄nь̯jà сокращало свое ł̄ подъ вліяніемъ параллельной формы oł̄nь^{1}i̯à и переходило въ oł̥nь̯jà, откуда α̯ł̥nь̯jà [1]).

1) Старослав. алънии, *алънии восходитъ къ общеслав. oł̄nьi̯ì съ краткимъ (сократившимся l); ал явилось вмѣсто ол подъ вліяніемъ общаго перехода южнослав. ol въ al (ср. выше, въ предыдущей главѣ). То же должно сказать и относительно алъдиꙗ. При этомъ обнаруживается, что въ сочетаніяхъ краткая гласная + плавная *въ началѣ* слова не происходило перестановки въ старослав. языкѣ. Въ серединѣ слова перестановка имѣла бы мѣсто, какъ видно изъ старослав. чловѣкъ.

Къ именамъ мужескаго рода, гдѣ имѣла мѣсто замѣна долгихъ плавныхъ слоговыми, относятся нѣкоторыя образованія, гдѣ ѓ, ѓ явились лишь въ нѣкоторыхъ формахъ склоненія подъ вліяніемъ удлиненія, вызваннаго выпавшими за ними ъ и ь. Такъ при gъѓьсь было произношеніе gъѓьса, gъѓьси, откуда, какъ слѣдствіе сокращенія ѓ (подъ вліяніемъ формы имен. падежа), gъѓьса и далѣе gа̯ѓьса̀; при goѓvьlь (рыба Cyprinus Dobula) въ род. явилось goѓvьl'а̀, откуда, подъ вліяніемъ краткости ѓ въ именит. ед., gа̯ѓvьl'а̀. Точно также хогьгъ (храбръ) съ краткимъ г вліяло на измѣненіе хогьга̀ въ хоѓьга̀, откуда далѣе ха̯ѓьга̀.

Замѣну ѓ долгаго ѓ слоговымъ представляютъ нѣкоторыя имена средняго рода, принадлежащія въ склоненіи своемъ къ неравносложнымъ. А именно въ словахъ на m'a (общеслав. mę) въ двусложные падежи проникала краткость изъ трехсложныхъ, гдѣ послѣдняя была обусловлена закономъ о сокращеніи долгой гласной и вообще долгаго сонанта въ третьемъ отъ конца слогѣ: ср. соврем. сербск. вријѐме, но вре̋мена, пра̂се, но пра̋сета. Такъ въ русскомъ языкѣ, вмѣсто рòѓm'a, ѣеѓm'a (возвышеніе, холмъ), goѓm'a (открытое море), подъ вліяніемъ рòѓmene (ср. сербск. пла̋мена, чешск. plamene), šeѓmene, goѓmene, съ краткими плавными, могли являться параллельныя формы ра̯ѓm'a, ša̯ѓm'a, ga̯ѓm'a.

Въ глагольныхъ образованіяхъ на -ъка́ти, -ъта́ти, -ъха́ти, -ъса́ти, -ъря́ти, -ъля́ти, -ъну́ти плавныя въ сочетаніяхъ основы ог, оѓ, ьг, ъѓ и т. п. были въ общеславянскомъ языкѣ кратки, вслѣдствіе сокращенія, которому подверглись долгія гласныя въ слогѣ передъ ударе̋ніемъ, не сосѣднемъ съ нимъ. Въ русскомъ языкѣ звукъ г въ указанныхъ образованіяхъ измѣнялся двоякимъ образомъ: онъ могъ или не исчезать, чтобы затѣмъ перейти въ о, или исчезнуть. Первое измѣненіе зависѣло отъ вліянія тѣхъ формъ, гдѣ на г въ спряженіи падало ударе̋ніе: въ новообразованіяхъ (о происхожденіи этихъ новообразованій скажу ниже въ слѣдующей главѣ), какъ двигъну́ти, хлопъну́ти, крикъну́ти, формы наст. вр. (кромѣ 1-го лица) имѣли ударе̋ніе

на ъ: двигъ́неть, хлопъ́нуть, крикъ́немъ, подъ вліяніемъ чередованія ударенія въ такихъ болѣе старыхъ образованіяхъ, какъ тону́—то́неть, кляну́—кля́немъ (ср. сербск. то̀нути, но то̏нēш) [1]); это и имѣло слѣдствіемъ сохраненіе ъ и въ тѣхъ формахъ, гдѣ на него не падало удареніе (двигъну́, хлопъну́ти, бѣлор. хлопану́ць, крикъну́ти, малор. криконýти). Но рядомъ было извѣстно и другое измѣненіе ъ въ подобныхъ глагольныхъ образованіяхъ: онъ исчезалъ по общему фонетическому закону, исчезалъ, удлиняя при этомъ предшествующія гласныя и сонанты. Такъ явились, съ одной стороны, tъłkъnùti, torxъnùti, polsъnùti, vorxъnùti, gъrgъtàti, torxъkàti съ ъ полнаго образованія, а съ другой tъłkъ̯nùti, tor̄xъ̯nùti, vor̄xъ̯nùti, gъr̄gъ̯tàti, tor̄xъ̯kàti съ ъ, подлежавшимъ исчезновенію. Формы съ долгими плавными, подвергаясь вліянію параллельныхъ формъ съ краткими плавными, сокращали эти плавныя: но, какъ мы знаемъ, долгая плавная, сокращаясь, переходила въ слоговую плавную. Такъ явились въ общерусскомъ языкѣ tъł̣kъ̯nùti, toṛxъ̯nùti, voṛxъ̯nùti, gъṛgъ̯tàti, toṛxъ̯kàti, откуда далѣе tα̯ł̣kъ̯nùti, tα̯ṛkъ̯nùti, vα̯ṛxъ̯nùti, gα̯ṛgъ̯tàti, tα̯ṛxъ̯kàti и т. п.

Предыдущее изслѣдованіе показало, въ какихъ именно случаяхъ общерусскій языкъ получилъ сочетанія α̯ṛ, α̯ł̣. Но эти сочетанія, тотчасъ же послѣ своего возникновенія, подверглись дальнѣйшему измѣненію въ силу общаго закона, по которому слоговыя плавныя переходили въ русскомъ языкѣ въ плавныя неслоговыя; ср. переходъ общеславянскихъ ь̯ṛ, ъ̯ṛ въ ьr, ъr (см. выше, въ I главѣ этого изслѣдованія). На мѣстѣ α̯ṛ, α̯ł̣ явились въ общерусскомъ языкѣ αr, αł, т. е. плавная стала неслоговой, а гласная слоговой. Буква α обозначаетъ краткій редуцированный звукъ; этотъ звукъ отличался отъ ъ и ь, которыя были

---

1) Ср. совр. рячко́нет (зарычитъ), ляпо́не (ударитъ): Пудож. (Шахм.), а также малор. різо́нути, товко́нути, возникшія подъ вліяніемъ товко́неш, різо́нуть.

также краткими редуцированными звуками, во-первыхъ, по мѣсту образованія: отсутствіе передъ нимъ палатализованныхъ согласныхъ, переходъ ихъ въ непалатализованныя (напр. v'ьr̄zgъ̯nùti перешло въ vαrzgъ̯nùti), указываетъ, повидимому, на принадлежность этого звука къ тому ряду гласныхъ, которыя Сиверсъ назвалъ palato-gutturale, а англійскіе фонетики mixed; во-вторыхъ, по количеству: ъ̯ и ь̯ перешли передъ плавными, ставшими неслоговыми, въ ъ и ь *краткія*, между тѣмъ α перешло передъ утратившими свой слоговой характеръ плавными въ α *полукраткое* (ср. выше, въ I главѣ о краткихъ и полукраткихъ ъ и ь); это полукраткое α въ количественномъ отношеніи равнялось полукраткимъ ъ и ь и подлежало, какъ и они, выпаденію въ положеніи не подъ ударéніемъ. Впрочемъ, подъ ударéніемъ α было равно въ количественномъ отношеніи краткимъ ъ и ь. Звукъ *r* въ сочетаніи αr былъ не только твердъ (лабіализованъ), но и палатализованъ тамъ, гдѣ αr восходитъ къ er или ьr передъ губными и задненёбными. Въ виду нѣкоторой сложности тѣхъ измѣненій, которымъ подверглись въ общерусскомъ языкѣ сочетанія αr, αl, я разобью дальнѣйшее изслѣдованіе на параграфы, что облегчитъ мнѣ необходимыя ссылки.

Общія замѣчанія.

§ 1. Сочетанія αr, αl могли или сохранять свои краткія плавныя, или замѣнять ихъ долгими подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, т. е. рядомъ съ частью продолжавшими свое существованіе, частью исчезавшими формами, какъ pαlъ̯jà, sαlzènъ̯ka, tαlkъ̯nùti, vαrxъ̯nùti, являлись, подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, какъ polъ̯jà, solzènъ̯ka, tъlkъ̯nuti, vorxъ̯nuti, формы: pαl̄ъ̯jà, sαl̄zènъ̯ka, tαl̄kъ̯nùti, vαr̄xъ̯nùti. Такимъ образомъ нашему изслѣдованію подлежитъ судьба сочетаній αr, αl съ краткими и съ долгими плавными.

I. Сочетанія съ краткими плавными.

§ 2. Сочетанія αr, αl съ краткими плавными были извѣстны въ общерусскомъ языкѣ какъ подъ ударéніемъ, такъ и безъ

ударенія. Такъ при vьrzgnuti было извѣстно не только vьrzgъnùti, но и vь̀rzgъnuti; поэтому не только vαrzgn̂ùti, но и vàrzgn̂uti. Еще въ общерусскомъ сочетанія αr, αĺ переносились изъ образованій на -ъ̂нути, -ъ̂кати, -ъ̂тати и т. п. въ образованія на -ati, т. е. при vαrzgn̂ùti, vàrzgn̂uti стали извѣстны и vαrzgàti, vàrzgati вмѣсто и при vьrzgati.

А. Сочетанія αr, αĺ подъ ударенiемъ.

§ 3. Сочетанія αr, αĺ съ краткими плавными измѣняли свою гласную α подъ ударенiемъ въ гласную полнаго образованія. Качество этой гласной зависѣло отъ гласной слѣдующаго слога: α измѣнялось въ *а*, когда въ слѣдующемъ слогѣ было *а*,—въ *у*, когда въ слѣдующемъ слогѣ было *у*, въ *и*—передъ *и*, въ *е* и *о*—передъ *е* и *о*; передъ слогомъ съ *ъ*, *ь* гласная α измѣнялась въ *ы*, звучавшее послѣ смягченныхъ зубныхъ какъ *и*.

§ 4. Примѣры общерусскихъ ар, ал, на мѣстѣ болѣе древнихъ αr, αĺ, передъ слогомъ съ *а*: - *Ва́рзать*, - *ва́рзгать* въ зава́рзгать (запачкать): Покров. (Сл. Акад.), нава́рзаться (наѣсться) Псков. и Осташ. (Доп.) и сва́рзать (съѣсть): тамъ же; разва́рзаться (расклеиться, сбиться съ толку): Чистоп. (Буличъ); ср. ворза́ть (торопливо хлебать): Петроз. (Иваницкій), ворзыха́ть (хлебать съ жадностью): Челяб. (Оп.), Вытег. (Филим.), ворзгать, ворзгаться (чесать, чесаться): Яренск. (Куклинъ), ко́верзни (плохо сплетенные лапти): Псков. (Савицк.), кывярзе́нь (родъ лаптя): Смоленск. (Солнцевъ), а также чешск. vrzati, vrždĕti (скрипѣть, трещать), словацк. vrzať и vŕzgať (то же), словенск. vŕzati (трещать), сербск. чавр̀згати (оглушать разговоромъ или нашептываніемъ)[1]). *Га́ркать* (сильно кричать): великор., бѣлор. и малор., ср. словенск. gŕkati (ворковать, визжать, кричать),

1) Я допускаю въ числѣ префиксовъ (замѣнявшихъ удвоенную глагольную основу) въ общеслав. языкѣ между прочимъ ча, че, чи, чу, чь; ша, ше, ши, шу, шь; жа, же, жи, жу, жь; ка, ко, ку; ха, хо, ху, хъ; ска, шька и др. Объ этомъ подробно другой разъ въ другомъ мѣстѣ.

чешск. hrkati (каркать, кричать, трещать). *Ка́рзать* (снимать кожу съ дерева, обрубать вѣтки): Петроз., Вытег. (Кулик.), (обрубать вѣтви у срубленнаго дерева): Петергоф. (Буличъ), (рубить): Каргоп., Бѣлоз. (Доп.), (рубить деревья): Заонеж. (Пѣвинъ), ср. ко́рзать (то же, что карзать): Каргоп. (Кулик.), а также словенск. kŕzati (рѣзать дурнымъ ножомъ), сербск. кр̑зати (стачивать, обтачивать). *Ка́рхать* (жить по маленьку, также болѣть): Осташ. (Доп.), малор. прико́рхнути и прикорхну́ти (согнуться, чтобы задремать), бѣлор. прикорхну́ць (то же), а также кы́рхать (быть нездоровымъ): Опоч. (Оп.), гдѣ ы согласно § 6, и ниже корыха́ть (§ 34). *Кува́ркать* въ разкува́ркаться (разговориться): Уржум. (Магницк.), ср. ворча́ть, воркова́ть. *Ма́ргать* (прихотничать, привередничать): Псков. и Осташ. (Доп.), малор. зма́ргатися (измучиться работой), ср. мо́ргать (привередничать въ кушаньяхъ): Псков. и Осташ. (Доп.), мо́рговать (брезговать, гнушаться): Владим., Вят., Перм. и др. (Оп.), Лаишев. (Буличъ), а также чешск. mrhati (мотать, тратить). *Па́рскать*, съ такимъ удареніемъ чит. вѣроятно парскать (рвать бумагу, ситецъ, холстъ): Яренск. (Куклинъ), ср. па́рснуть (рвануть, ударить): Псков. и Осташ. (Доп.), при чемъ па́рснуть подъ вліяніемъ па́рскать; ср. по́рсать (рѣзать безъ толку): Псков. и Осташ. (Доп.), по́рскнуть (ударить): Новгор. (арх. Антоній), по́рснуть (сильно ударить): Кашин. (Смирновъ), Тихв., Яросл. (Оп.), (ударить, стрѣльнуть): Покров. (Мухановъ), а также ниже пы́рснуть. *Па́рхать* (тлѣть): Вят. (сообщ. Богоявленскаго въ его Мат. по Осинск. у. Пермск. губ., Ак. Н.), ср. словенск. pŕh, pŕhavica (горячая зола). *Са́ркати* (фыркать): малор., бѣлор. са́ркаць (храпѣть), ср. словенск. sŕkati (пить глотками), польск. sarkać (втягивать въ себя воздухъ, сопѣть, фыркать: аг вм. ęr подъ вліяніемъ *sarnąć), чешск. srkati (пить глотками, плакать), сербск. сркати, сркнути (то же). *Та́рмати* (рвать, спутывать, сбивать), малор., ср. великор. тормоши́ть, термоши́ть: Уржум. (Магницк.), малор. термоси́ти, тормоси́ти, угрорусск. ты́рмати, те́рмати (рвать, щипать): Верхратскій, Знадоби, I, великор. кутерьма́, ср. еще

чешск. trmati и trmáceti (мучить, утомлять), польск. tarmosić się (тормошиться). *Фáркать* (сморкать): Владим. (Мат. Ак. Н. № 17), фáрнуть (чихнуть, неопрятно сморкнуться): Псков. (Савицкій), ср. малор. фóркати (фыркать), чешск. frkati (фыркать), словинск. fŕkati и fŕcati (фыркать), обл. польск. farkać (smarkać), сербск. фр̀кати (мурлыкать, ворчать), изъ общеслав. *хъ-vъrkati. *Хáркать*, великор., малор. хáркати, ср. малор. хóркати (говорить охриплымъ голосомъ), ухóркатися (устать задохнувшись), хóркать (храпѣть): Колым. (Богоразъ), ср. польск. charkać (плевать, жадно пить), charkać się (драться, грызться), чешск. chrkati (кашлять, харкать), сербск. хр̏кати се (ссориться, грызться), словенск. hŕkati (харкать, храпѣть). *Чáркати* (бить, толкать), малор., ср. чéркати (то же), черк его у пику, великор. чóркать, черкнýть (рѣзнуть): Переясл.-Владим. (Мат. Ак. Н. № 24). *Швáркать* (кидать), великор. (Даль), (загребать ногами, шататься, шляться): Уржум. (Магницк.), отсюда и швáркнуть, ср. словенск. švŕkati (хлестать, прыскать), сербск. чвр̏кнути (толкнуть), а также ниже швы́ркнуть (§ 6). *Шáркать* (тереть, скрести, шуршать), великор., малор. відшáркувати (соскребывать, срывать), ср. шóркать (тереть): Каргоп., Пуд. (Кулик.), (тереть, шаркать): Сольвыч. (Иваницк.), шеркать (теребить): Осин. (Богоявленскій), шорконýть (хватить, дернуть): Пинеж., Мезен. (Подв.), Вытег. (Кулик.), а также словенск. štŕkati изъ *šrkati (хлестать, лопаться, прыскать). *Шумáркать* (шумѣть, кричать): Курск., Симб., Сарат., Тобол. (Оп.), (ссориться): Соликам. (Словцовъ), (заботиться, думать): Псков. и Осташ. (Доп.), (кидать, швырять): Болхов. (Сахаровъ), (брезговать): Болхов. (Горожанскій), разшумáркать (развѣдывать): Тамб. (Доп.), шумáркаться (шептаться): Кирилл., Бѣлоз. (арх. Антоній); шумáркать изъ šu-markati, ср. малор. ха-мáркати (бормотать, Слов. Уманц. и Сп.), чумáркать (§ 11), а также словенск. mŕknіti (проворчать), č-mrkati (пить глотками, издавать чуть слышный звукъ), ниже ср. мы́ркнуть (§ 6). *Шабáркаться* (возиться о мышахъ, шелестить): Уржум. (Магницк.),

шаба́ркать (шумѣть): Кунгур. (Бум. Срезн.), (шуршать); Осин. (Богоявленск.), отсюда шаба́ркнуть (бросить, разбить посуду): Урал. (Доп.), ошаба́ркать (обокрасть): Тобол. (Оп.), ср. ха-ба́ркнуть (то же): тамъ же, хаба́рковатый (неряшливый): Колым. (Богоразъ), ср. ниже бу́ркнуть (§ 5).—*Па́лхати*, отсюда малор. па́вхати (сильно горѣть, пылать), ср. ниже малор. пала́хнути (§ 24) и великор. полыхну́ть (§ 35).

§ 5. Примѣры общерусскихъ ур, на мѣстѣ болѣе древнихъ ar, передъ слогомъ съ *у*. *Бу́ркнуть* (кинуть), великор., малор. бу́ркнути (то же), бѣлор. бу́ркнуць (кинуть въ воду), набу́ркаться (напиться, натолкаться): Болхов. (Сахаровъ), пріобу́ркнуться (попривыкнуть): Кадник. (Н. Поповъ), обу́ркаться (то же): Новгор. (Соловьевъ), ср. бо́ркать, бо́ркнуть (колотить, толкнуть): Волог., словенск. bŕkati (толкать, отталкивать), сербск. бр̀кати (приводить въ безпорядокъ, смѣшивать), а также выше шаба́ркнуть (§ 4). *Гу́ркнуць* (прогремѣть, прожурчать), бѣлор., огу́рнуть (окликнуть): Порх., Псков., Осташ. (Доп.), ср. выше га́ркать (§ 4). - *Ку́ркнуть* въ ску́ркнуть (закаркать): Колым. (Богоразъ), куркать (каркать): тамъ же и Шенк. (Оп.). *Пу́рхнути* (порхнуть, убѣжать), малор., отсюда запу́рхивать (высоко заскакивать): Онежск. был. Гильф. I, 408, не черный воронъ попурхиваетъ (тамъ же, I, 395), ср. великор. порхну́ть, малор. вспо́рхати, вспо́рхнути, а также словенск. pŕhati, pŕhniti (порхать), чешск. prchati, prchnouti (убѣгать, улепётывать), польск. pierzchać, pierzchnąć (то же). *Фу́ркнуть* (бросить): Осин. (Богоявленск.), Великоуст. (Протопоповъ), профу́ркнуть (выпить): Чебокс. (Магницк.), ср. словацк. fŕkati, fŕknuti (бѣжать). *Шабу́ртнути* (кинуть, бросить), малор., ср. малор. шкребе́рть и шкере́беть (нарѣч, кувыркомъ), шубо́ртати и шобо́ртати (искать, рыть, копаться, царапать), шабартокъ (шорохъ): Нижнеколым. (Богоразъ), шо́бортъ и стар. щобортъ (шорохъ): Даль, а также словенск. brtávsati (шлепать, бросать). *Шту́рхнуць* (бросить), шту́рхнуць (столкнуть), бѣлор., изъ šь-torhnuti,

малор. шту́рхати (толкать), ср. торо́хнуть (сильно ударить): Тамб., Рыл., Судж. (Оп.). *Шу́ркнуть* (потереть, произвести шорохъ, а также шмыгнуть): Даль, ср. выше ша́ркать (§ 4). *Шу́ркнути* (кинуть, швырнуть), малор., шу́рхнуць (откинуть съ негодованіемъ), бѣлор. ср. бѣлор. шо́рхаць, шо́рхнуць (шаркать, производить шорохъ), шархну́ть (быстро броситься): Псков. и Осташ. (Доп.).

§ 6. Примѣры общерусскихъ ыр (послѣ смягченныхъ зубныхъ: ир), на мѣстѣ болѣе древнихъ ar, передъ -ъну́ти. *Гы́ркнуць* (сказать что-нибудь непонятное), бѣлор., гы́рнуть (заворчать): Опоч. (Оп.), ср. выше га́ркать и гу́ркнуть. **Копы́рзнуть*, отсюда копы́рзиться (ломаться, упрямиться): Псков. и Осташ. (Доп.), (чваниться): Вят. (Оп.), копы́рза (сварливый человѣкъ): Шенк. (Лыск.), купы́рза (маленькій и капризный человѣкъ): Тверск. (Преображ.), скапы́ржный (сбрасывающій съ себя узду, одѣяло): Тарус. (Рождественскій), сюда же чупы́рзнуть (ударить): Симб. (Орловъ), ср. чешск. prznit̆i (пачкать, безчестить). **Кувы́рнуть*, откуда кувы́рдать (бросать палку): Молож. (Мат. Ак. Н. № 167), кувы́рдаться (кувыркаться): Владим., Волог., Кинеш. (Оп.), кувы́рдышки (кувыркомъ) Влад. (Оп.), ср. сербск. шѐврднути, шѐврдати (двигаться взадъ и впередъ, быть непостояннымъ), вр̏дати, вр̏днути (уклоняться). *Ды́ркнуть* (захрипѣть, сказать съ хрипомъ): Тихв. (Доп.), ды́рнуть (издать звукъ, пикнуть): Лодейноп. (Кулик.), ср. чешск. krkati (рыгать, хрипѣть), сербск. кр̏кнути, словенск. kŕkniti (пикнуть). *Мы́ркнуць* (проворчать, пропѣть невнятно), бѣлор., малор. ми́ркнути (проворчать, сказать неразборчиво); мамы́ркнуть (пискнуть, раскрыть ротъ) вм. момыркнуть: Мещов. (Черныш.), корова мы́ркаетъ: Слобод. (прогр. № 41), ср. малор. мо́ркнути (проворкотать), словенск. mŕknuti (пробормотать, пикнуть), а также выше шума́ркать (§ 4). **Мы́ргнуть*, ср. мы́рнуть (кинуть, отвѣтить нехотя): Псков. и Осташ. (Доп.), вм. мыргнуть, отсюда и мыргну́ть (отрывистымъ звукомъ дать знать о чемъ-нибудь): Псков.

и Осташ. (Доп.), мы́ргать (быть прихотливымъ въ ѣдѣ): тамъ же, ср. выше ма́ргать (§ 4). **Обы́ркнуться*, отсюда и обы́ркаться (сдѣлаться смѣлѣе, привыкнуть къ новому положенію): Нижегор. (Добролюбовъ). *Пы́ркнуць* (порхнуть), бѣлор., вы́пырхнуць, отсюда и бѣлор. пы́рхаць, пырха́ть: Петроз. (Иваницк.), ср. выше пу́рхнути (§ 5). *Пы́рскнуть*, отсюда пы́рснуть (проткнуть): Болхов. (Сахаровъ), ср. по́рснуть (сильно ударить): Тихв., Ярослав. (Оп.) и па́рскать (§ 4) *Пы́рскнуць* (брызнуть, выскочить внезапно, лопнуть), бѣлор., великор. пы́рснуть, а также пы́рскать и пырска́ть, малор. пи́рснути, пи́рскати, ср. великор. порска́ть (выгонять звѣря въ поле), по́рскать, по́рскнуть (фыркать, лопнуть со смѣха), бѣлор. по́рскаць (чихать, фыркать), малор. попо́рськати (вспрыскивать), чешск. prskati (брызгать, трещать, фыркать), словенск. pŕskati (опрыскивать, фыркать), сербск. пр́скати, пр́снути (прыскать), пр̏снути (лопнуть), польск. parsknąć, parsnąć, parskać (прыскать, прыснуть, порскать, фыркнуть), верхнелуж. porskać, porsknúć (чихать). ** Сы́ркнуть*, отсюда сы́ркать (втягивать носомъ понюшку): Колым. (Богоразъ), ср. выше са́ркать (§ 4). *Ты́ркнуть*, отсюда ты́рнуть (сунуть): Олон. (Кулик.), вм. ты́ркнуть, бѣлор. вы́тыркнуць (высунуть впередъ), отсюда бѣлор. тыркну́ць (сунуть, вонзить); ты́ркать (трогать, шевелить удочку): Вытег. (Филим.); малор. втирка́тися, втиркну́тися (вмѣшиваться), дотирка́ти (дотрогиваться), подты́ркнуться (подобрать подолъ при работѣ): Мещов. (В. Чернышевъ), ср. великор. то́ркать, вто́рнуть (воткнуть): Вышневол. (Оп.), торкну́ть (быстро побѣжать): Вытег. (Филим.), уто́ркать (уйти, убѣжать): Пинеж. (Пругавинъ), малор. поторкну́ти (толкнуть), доторка́ти (дотрогиваться), бѣлор. торкну́ць, торка́ць (совать, толкать), а также чешск. trkati (бодать), сербск. тр́кати (бѣжать), словенск. tŕkati, tŕkniti (стучать, толкать). *Фы́ркнуть*, великор., отсюда малор. фи́ркати (выбрасывать), фы́ркать (бросать): Каргоп. (Кулик.), ср. фо́ркать (бить, ударять), фо́ркнуть (убѣжать): Перм. (Волеговъ). *Фы́рскнуть* (громко разсмѣяться); Заонеж. (Пѣвинъ), Вытег. (Филим.), фы́рскать: Вытег. (Филим.),

ср. фо́рскати (фыркать): угрорусск. (Верхратск., Знадоби, I). *Хы́лнуть* изъ *хы́лпнуть (подуть, повѣять), отсюда не хы́внётъ (не запахнетъ, будетъ соблюдена тайна): Кадник. (Шустик.), ср. холпи́тъ (подуваетъ легкій вѣтеръ): Перм. (Волеговъ), ховпи́тъ, не ховнетъ (не подуетъ, не дунетъ): Тобол. (Зобнинъ, Жив. Ст. 1900 г.), не хо́лнетъ (не подуетъ): Шадр. (Зыряковъ). *Чемы́ркнуть* (выпить скоро водки): Перм. (Доп.), ср. словенск. čmŕkati, čmŕknіti (пить глотками, пикнуть), а также шмы́ркнуть (юркнуть): Петерб. (Водарскій) и выше мы́ркнуть. *Ши́ркнуть* (шаркнуть, натереть, зашумѣть): Даль, (уйти незамѣтно, улепетнуть): Яросл. (Оп.), ср. выше ша́ркать и шу́ркнуть. *Шиши́рхнути* (зашумѣть), малор., отсюда и ши́рхать (вихляться): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше шу́рхнути (§ 5).

§ 7. Примѣры общерусскихъ ир, на мѣстѣ болѣе древнихъ *ar*, передъ слогомъ съ *и* (напр. передъ -ни, въ формахъ повелительнаго наклоненія). **Ми́ргнуть*, отсюда миргну́ць, мирга́ць, отглаг. частица миргъ (моргнуть, мигнуть), бѣлор.; *и* изъ формы **ми́ргни*, ср. выше ма́ргать (§ 4) и мы́ргнуть (§ 6). *Фи́рнуть* (ударить): Тихв. (Доп. и Мат. Ак. Н. № 115), ср. выше фа́ркать (§ 4) и фы́ркнуть (§ 6).

§ 8. Примѣры общерусскихъ ел, ер и ел^{i}, ер^{i}, на мѣстѣ болѣе древнихъ *alˇ*, *arˇ*, передъ слогомъ съ *е* или *ъ*. *Бе́вкнути* (двинуть, толкнуть), малор., ср. бѣлор. бо́вкаць, бо́вкнуць (ныряя въ воду, производить звукъ), чубо́вкаць, чубо́вкнуць (бросать въ воду), а также польск. beł'kać (мутить, производить волны); **бе́лкнуть* явилось подъ вліяніемъ **бе́лкнеть*, **бе́лкнемъ*. *Жбе́вхнути* (сильно толкнуть), малор., изъ **жь-балхнеть*, ср. великор. болха́рь (большой бубенчикъ), а также др.-польск. beł'ch (водоворотъ, пучина), beł'chliwość (запальчивость). *Те́вкнути* (бросить съ силою на полъ), отсюда малор. те́вкати (жрать), нате́вкатися (наѣсться); те́лькать (бить, колотить): Нерч. (Мат. Ак. Н. № 181), ср. великор. толка́ть, толкну́ть, толну́ть, малор. товко́нути, што́вкати. **Де́лбень*, отсюда дзевбе́нь (отглаг. частица

отъ дзевбану́ць, дзевба́ць: клюнуть, ударить), бѣлор., отсюда и дзевба́ць, дзёвбаць, дзёвбнуць, ср. долби́ць, ст.-слав. длъбѫ, словенск. dółbsti и т. д. *Те́льпень, отсюда тельпе́нь, род. тельпеня́, и тельпе́шъ (дородный ребенокъ): Псков. и Осташ. (Доп., 273), ср. ниже те́лепень, телепе́га (§§ 29, 28). *Бе́взень* (дуракъ, простакъ), малор., отсюда и бевзь, изъ *бαлзьнь=*bołzьnь, ср. параллельную форму blazьnь (русск. блазень, бла́зня (похудѣвшій человѣкъ): Кадник. (Н. Поповъ) польск. błazen, чешск. blázen), какъ при bolgo (болого) существовало blago (русск. и малор. благо). — **Пе́рхнеть*, отсюда угрорусск. перепе́рьхнути (Верхратск., Знадоби, II), малор. пе́рхати (порхать), ср. выше пы́рхнуць (§ 6) и пу́рхнути (§ 5).

§ 9. Въ началѣ слова сочетанія αr, αł измѣнялись, такъ же какъ въ серединѣ, въ ар, ал; ур, ул; ер, ел, въ зависимости отъ гласной слѣдующаго слога. Ср. *а́ркать* (кричать, браниться): Осин. (Богоявленскій), а́ркаться (браниться): Соликам. (Словцовъ), ср. сербск. р́кати, р́кнути (храпѣть), а также еры́кнуть (крикнуть) по § 37[1]. Но при этомъ вмѣсто ар, ал, ур, ул являлись яр, ял, юр, юл подъ вліяніемъ параллельныхъ формъ съ jer, joł. Изъ относящихся сюда случаевъ могу указать на *ю́ркнуть*, великор., откуда и юркну́ть (быстро показаться и исчезнуть): Сибир. (Доп.), малор. юркну́ти (скрыться, убѣжать) ю́ркать (спотыкаться): Псков. и Осташ. (Доп.): ср. еркну́ть, ёркнуть, ерконуть (ударить, хлестнуть): Костром., Смол., Олон. (Слов. Акад.), съёркнуть (спуститься, слѣзть): Кадник. (Шустик.). Равнымъ образомъ *ю* въ юрзыка́ть (ёрзать): Псков. и Осташ. (Доп.) заимствовано, повидимому, изъ формы **ю́рзнуть*, ср. ёрзать, ерза́ть, ёрзнуть, ерзну́ть, ерзану́ть и ниже еры́знуть (§ 37[1]).

Б. Сочетанія αr, αł передъ удареніемъ.

§ 10. Въ сочетаніяхъ αr, αł передъ удареніемъ гласная α должна была выпасть по тому же правилу, по которому выпадали въ русскомъ языкѣ полукраткія ъ, ь. Оказавшаяся между

согласными плавная *r* (а также въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ ł) выпадала, ср. выпаденіе ея въ случаяхъ, какъ кстить, Псковъ, древнерусск. **квавын**. Но полученныя послѣ выпаденія слоговъ αr, αł группы согласныхъ не сохранялись въ этомъ видѣ, благодаря вліянію родственныхъ образованій. Съ одной стороны, эти родственныя формы передавали имъ свои гласныя, т. е. какъ *о*, *е*, такъ и *а*, *у*, *ы*, *и*, являвшіяся на мѣстѣ α, согласно §§ 3—9; съ другой стороны, въ подобныя группы проникала плавная изъ тѣхъ же родственныхъ формъ, при чемъ плавная эта получала за собой гласныя *о*, *е*, а также *а*, *у*, *ы*, *и*, заимствованныя изъ сочетаній ара, уру, ыры, или и т. д. (объ этихъ сочетаніяхъ см. ниже).

а. *Гласная на мѣстѣ сочетаній* αr, αł.

§ 11. Примѣры, гдѣ αr, αł замѣнены гласною *а*. *Вазга́нить* (пачкать): Порх. (Доп.), вазга́нъ (пачкунъ): Псков. и Осташ. (Доп.), вазга́ла, вазга́лья (Даль); отсюда и вазгу́нъ: Псков. и Осташ. (Доп.); ва́згать (пачкать): Псков. и Осташ. (Доп.), ва́згаться (мараться): Новотор. (Оп.) явились вмѣсто *взга́ть, *взга́ться подъ вліяніемъ ва́рзгать, ср. выше ва́рзать и ва́рзгать (§ 4); вазга́нъ восходитъ къ глагольной основѣ vαrzg- въ vαrzg-ъnùti. *Вага́нить* (баловать, шутить, играть): Волог. (Оп.), вага́нъ (мужикъ, крестьянинъ): Молож. (Доп.), ср. варга́нъ (неряха): Псков. (Доп.), варга́нить (кипѣть): Волог. (Оп.), (шумѣть): Нерех. (Оп.), варга́сья (шутливая женщина): Тихв. (Доп.), варгала́сья (то же): Сольвыч. (Оп.); ваганъ восходитъ къ глагольной основѣ vαrg- въ vαrg-ъnùti, чешск. vrhnouti (бросить, кинуться), сербск. вр̏гнути (класть, ставить). *Пазга́ть* (горѣть сильнымъ пламенемъ съ трескомъ): Перм. (Оп.), Великоуст. (Протопоповъ), (драть, сѣчь): тамъ же (Протопоповъ), пазга́ться (драться): Кадник. (Н. Поповъ), пазгну́ть (сильно ударить): тамъ же, испазга́ть (разорвать намелко): Кадник. (Шустик.), ср. плызга́ть (по § 18): сверкать, искриться: Перм. (Оп.); основа połzg- при połsk-, ср. словенск. plasíkati и plajzikati (пылать, ярко горѣть).

Таґáниць (таскать) бѣлор., ср. малор. таргáнити (влечь, тащить, насилу везти); *тарганъ восходитъ къ глагольной основѣ tαrg- въ tαrg-ъnùti, ср. бѣлор. торгáць, торгануць, малор. котóргати (дёргать съ силою). *Сахтíти* (пылать, трещать, тяжело дышать), малор., ср. сарахтíти (то же, что сахтíти, по § 24); сахтíти вм. сαрк-ътѣти, ср. выше сáркати (§ 4). **Хабёръ*, отсюда хвáбрий, хвабрувáти, малор., фáбрый: Орловск. (Сполоховъ), хвабрúться: Болховск. (Сахаровъ), см. ниже хорáбрый (§ 37). **Чумахнýться*, откуда чумáхнуться (поцѣловаться): Вят. (Оп.), ср. бѣлор. шумáрхаць, шумáрхнуць (производить шорохъ, грубить, швырять), а также словенск. čmŕha (der Muckser); рядомъ чумáркаться (то же, что чумахнуться): Вят. (Оп.), чумáркать (мѣшкать, зѣвать): Тамб., прочумáркаться (протрезвиться): Уржум. (Магницк.) и выше приведенное шумáркать. *Шакнýти* (отрѣзать, украсть): угрорусск. (Верхратскій, Знадоби, I), ср. шáркать (§ 4). **Швакнýти*, отсюда швáкнути (ударить): угрорусск. (Верхратскій, Знадоби, I), ср. швáркать (§ 4). — *Спахнýти*, малор. (вспыхнуть, Слов. Уманца и Спілки), отсюда спáхнути, спáхувати (Слов. Желех.), ср. выше пáвхати (§ 4) и ниже спалахнýти (§ 24).

§ 12. Примѣры, гдѣ αг замѣнено гласною *у*. *Окунýться*, окунáться, великор., ср. окурнýться (погрузиться): Заонеж. (Пѣвинъ), укурнýться (окунýться): Шадр. (Зыряковъ), Колым. (Богоразъ), окýркивать (погружать): Заонеж. (Пѣвинъ) и ниже окóркнуть (§ 15). *Тусáти* (бить, наносить сильные удары), малор.: образовано изъ предполагаемаго *туснýти, ср. малор. тóрсати (тормошить, толкать, трясти), торсонýти. **Чуснýть*, отсюда чýснуть (ударить): Старорусск. (Доп.), ср. черснýть (сильно ударить): Псков. (Доп.), малор. черсáти, черснýти (царапать). **Чубухнýть*, отсюда чубухáть, чубýхнуть (кланяться до земли): Тихв. (Оп.), ср. ниже чебурáхнуть (§ 39) и чубыхáть (§ 13). **Шмугнýть*, отсюда шмýгать (шаркать, стирать воду со стола): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. бѣлор. шмургáць и сморгáць (тереть, обти-

рать треніемъ). *Шухну́ть* (прогнать, отругать): Осин. (Богоявленскій), шуха́ть (прогонять, толкать): Оренб. (Лосіевскій), малор. зщу́хнути (пропасть, исчезнуть), ср. выше шу́рхнути (§ 5). *Шугну́ть* (прогнать, обругать), отсюда шуга́ть, малор. шуга́ти, шу́гнути (прилетать, спѣшить, а также подбрасывать), вшугну́ти (быстро вбѣжать), ср. шургі́ч, малор. (междометіе, означающее быстрое бросаніе), шурга́ть, шургну́ть (провалиться сквозь что-либо): Обоян. (Доп.). **Штухну́ти*, отсюда шту́хнути, шту́хати (толкать), малор., ср. выше шту́рхнуць (§ 5).

§ 13. Примѣры, гдѣ ɑr, ɑl замѣнены гласною *ы*, а послѣ смягченныхъ зубныхъ и задненебныхъ *и*. **Выздыря́ть* (поспѣшно хлебать), отсюда, быть можетъ, фонетически вуздыря́ть (ѣсть съ жадностью): Тороп., Холмск. (Доп.), вузыря́ть (чрезмѣрно много ѣсть): Волог. (Оп.), вуздыря́ть (хлебать): Цивил. (Оп.); *выздыря́ть изъ vɑrzdyr'ati, vɑrzyr'ati, ср. выше ва́рзать, ва́рзгать (§ 4), вазга́нить (§ 11) и ниже воздыря́ть (§ 14), а также ворыздать, вырыздать, вурыздать (§§ 34, 39, 40). **Гызъ-ну́ти*, отсюда ги́зандать (тихо, медленно идти): Вытег. (Филим.), ср. го́лзать, голзону́ть (ползать, скользить): тамъ же. **Кыкъ-ну́ти*, отсюда малор. ки́кнути (околѣть), ски́кнути (пикнуть), ски́кать да пропасть: Колым. (Богоразъ), ср. кы́ркать (быть нездоровымъ): Опоч. (Оп.), кы́рнуть (пропасть, утратиться): тамъ же, и ниже кекнуть (§ 15). **Пыскъну́ти*, отсюда опы́сконить (обнюхивать пищу и не ѣсть): Пошех. (Мат. Ак. Н. № 169), пы́сконить (сорить въ комнатѣ, тратить что-нибудь попусту): Яренск. (Титовъ), ср. выше пы́рскнуць (§ 6). *Осмыгну́ть* (очистить треніемъ): Горбат. (Доп.), ср. бѣлор. обсмо́ргаць (обдергать, протереть) и ниже смону́ть (§ 14). ** Чвыкъну́ть*, отсюда чвы́кнуть (ударить): Псков. и Осташ. (Доп.), чвы́кать (бить кулакомъ по лицу), ср. малор. чви́ркати, чви́ркнути (прыснуть, выскочить); чвы́ркать (пренебрегать предлагаемымъ): Старорус. (Доп.), (хлебать поспѣшно): Оренб. (Оп.); восходитъ къ čь-vɑrkъnuti. *Чимыхну́ть* (ударить): Покров. (Мухановъ),

*чмыхну́ть, отсюда чмы́хать (стирая бѣлье, тереть его): Осташ. (Доп.); ср. чмурыха́ть (§ 39). *Чубыхъну́ть, отсюда чубыха́ть (класть поклоны): Кадник. (Н. Поповъ), ср. чубара́хнуть (§ 24) и чубу́хнуть (§ 12). *Штыхъну́ть*, отсюда малор. шти́хати (толкать), ср. штирхону́ти (кольнуть, шпигнуть) и шту́хнути (§ 12). *Чикъну́ть, отсюда чи́кнуть (ударить): Кашин. (Смирновъ), малор. перечи́кати, перечи́кнути (перерубить), чи́кнути (надрѣзать), ср. бѣлор. чиркну́ць (ударить), великор. чи́ркнуть, чи́ркать, а также черкну́ть (рѣзнуть): Переясл.-Владим. (Мат. Ак. Н. № 24), малор. че́ркати, че́ркнути (ударить), ср. выше ча́ркати (§ 4). *Шихну́ть, отсюда ши́хнуть (толкнуть): Онеж. (прогр. № 41), ср. шухну́ть (§ 12). — *Жбихну́ти* (сильно толкнуть), малор. ср. жбе́вхнути (§ 8). *Шебыхъну́ть, отсюда шебы́хнуть (бросить камнемъ): Петроз. (Кулик.), ср. предыдущее (?). *Тыцну́ть, отсюда ти́цнути, ти́цкати (ударять), малор.; ср., быть можетъ, tɑ́ls въ толысну́ть (§ 34).

§ 14. Примѣры, гдѣ ɑr, ɑ́l замѣнены гласною о. *Возыря́ть, воздыря́ть* (ѣсть, хлебать съ жадностью): Переясл. - Владим. (Мат. Ак. Н. № 23), (поспѣшно хлебать): Олон. и Усол. (Оп.), воздыря́ть (хлебать): Молож. (Мат. Ак. Н. № 167), (быстро ѣсть похлебку, а также ударять): Вят. (Васн.), возыря́ть при ворзыря́ть (поспѣшно хлебать): Заон. (Пѣвинъ), возыря́ть при ворзыха́ть (то же): Вытег. (Филим.) и др., ср. выше ва́рзать (§ 4) и выздыря́ть (§ 13). *Котоши́ть* (бить, колотить): Шадр. (Зыряковъ), укото́шить (убить): Тобол. (Зобнинъ, Жив. Ст. 1900), ср. прикаторшить (приколотить) у Левитова («ужъ не прикаторшить ли мнѣ ее на старости лѣтъ?» I, 552). *Моска́ти* вмѣсто чего малор. мо́скати (бить, стучать); москота́ть (постукивать чѣмъ-либо легкимъ, поколачивать, лепета́ть): Тихв. (Доп.), ср. малор. мо́рськати, мо́рснути (ударить слегка), чешск. mrskati, mrsknouti (хлестать, бросать), верхнелуж. morskać, mórnyć (то же). *На́смока, отсюда насмо́ка (насморкъ): Перм. (Волеговъ), Осин. (Богоявленск.), ср. насмо́рка: Курмыш.

(прогр. № 110). *Смону́ть* (отдирать листья съ вѣтокъ): Петроз. (Кулик.), (чесать, шаркать ногами): Псков. и Осташ. (Доп.), осмону́ть (очистить треніемъ): Псков. и Осташ. (Доп.), отшмону́ть (оттереть, напр. вѣникомъ въ банѣ): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. бѣлор. насмо́ргаць (надёргать), обсмо́ргаць (обдёргать, протереть), шмурга́ць и сморга́ць (тереть), малор. обшморга́ти (снять кожу), а также выше осмыгну́ть (§ 13). *Сохтова́ти* (спѣшить, скоро дѣлать что-нибудь), малор., ср. малор. сорохтува́ти (заботиться, хлопотать о чемъ-нибудь). *Стохти́тьсе* (наладиться, приготовиться): Вытег. (Филим.), ср. торохти́ться (торопиться): Молож. (Мат. Ак. Н. № 167). **Тока́ть*, отсюда то́кать (сильно биться, стучать): Осин. (Богоявленскій), ср. то́ркать (колотить, стучаться). *Томоши́ться* и томаши́ться (суетиться, метаться): Даль, ср. тормоши́ть, и выше та́рмати (§ 4). *Токма́чити* (плотно укладывать, утаптывать, вколачивать), малор., ср. товкма́чити (въ томъ же значеніи): Слов. Шейк.

§ 15. Примѣры, гдѣ ɑr, ɑl замѣнены гласною *e*. **Кекну́ть*, отсюда ке́кнуть (сильно ударить): Владим., Яросл. (Оп.), (погибнуть, умереть): Владим. (Оп.), (окончить жизнь): Шуйск. (Гарелинъ), малор. оке́кнутися (остаться), ср. ке́ркнуть (погибнуть, умереть): Бѣжецк. (Оп.), око́ркнуть (умереть, погибну́ть): Болхов. (Горожанскій), а также словенск. kŕkniti и sŕkniti (околѣть, высохнуть, зачахнуть), ср. выше кыкнути (§ 13). *Темеси́ть* (бить, колотить), темеси́ться (возиться, шумѣть): Осташ. (Доп.), теме́шить (тащиться, брести): Орл. (Оп.), ср. выше томоши́ться (§ 14). *Чесану́ть* (сильно ударить): Псков. и Осташ. (Доп.), чесну́ть (ударить): Тихв., Вытег. (Оп.), счесну́ть (сильно содрать или ссадить кожу): Арханг. (Оп.), счесно́чить (то же): Пинеж. (Пругавинъ), ср. малор. черсну́ти и приведенное выше чу́снуть (§ 12).—**Бехну́ть*, отсюда малор. бе́хати (колотить), бебе́хнути (ударить), ср. жбе́вхнути (§ 8) и приведенное выше жбихну́ти (§ 13). *Тема́шить* (бить, колотить кулаками), втемя́шить (вбить); втемя́читься (заупрямиться): Заонеж. (Пѣвинъ), темя́чить

(вяло, тихо говорить, мямлить): Великоуст. (Протопоповъ), ср. выше малор. товкма́чити (§ 14).

§ 15[1]. Вмѣсто *а, у, о* указаннаго въ §§ 11, 12, 14 происхожденія находимъ и *я, ю, ё*; палатализація и удареніе явились подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ ер, ир, ере, ири, или. *Бя́кнуть* (сильно ударить о землю): Владим., Тамб. (Оп.), (буркнуть): Колым. (Богоразъ), вм. *бакну́ть, ср. малор. беркиць (о паденіи вверхъ ногами). *Тя́бкать* (жевать, ѣсть), тя́бкаться (кусаться): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. теря́бкать (отщипывать, ѣсть): тамъ же. *Тю́кать*, тю́кнуть (рубить): Вышневол., Осташ., Курск. (Г. Вѣд. 1851 г.) и др., ср. те́лькать (§ 8). *Тёхати*, тёхкати (стучать), малор., тюхи́сь въ ноги (бухъ): Колым. (Богоразъ), ср. теле́хнути (сильно стукнуть, § 28). *Тю́снуть* (сильно ударить): Заонеж. (Пѣвинъ), ср. выше тыкну́ть (§ 13) и толысну́ть (§ 34). *Тями́ть*, ср. тями́ться (смотрѣть, любопытствовать): Болхов. (Сахаровъ), отсюда тя́мить (знать, смыслить): Дон., Курск., Росл. и др. (Оп.), (говорить, настаивать на своемъ убѣжденіи): Псков. и Осташ. (Доп.), вття́мить (запомнить): Псков. (Савицкій), малор. тя́мити, тямува́ти, отсюда тямка, тямъ (память, уразумѣніе): Псков. (Доп.), ср. те́мить (твердить одно и тоже): Вят. (Доп.), вти́милось (запомнилось): Соликам. (Словцовъ), ути́миться (уставать глазами): Колым. (Богоразъ), ср. еще предположенное въ § 41 *та́лмать, а также болѣе первоначальное то́лмить, толми́ть, тольми́ть (толковать, объяснять, долбить, зубрить, понимать, взять въ толкъ): Даль, зато́лмить (стоять на своемъ, убѣдить, запомнить): Вят. (Васн.); тя́мить непосредственно изъ *тми́ть, а это изъ *taĺmíti. *Тякта́ть* (рубить, сѣчь): Осташ. (Доп.), малор. тякну́ти (толкнуть, тронуть), ср. выше тю́кать. *Тя́пать* (идти съ напряженіемъ), тя́паться (шататься, хлябать): Псков. (Доп.), малор. тя́пати (рубить медленно и тихо), ср. ниже телепа́ться (§ 28).

§ 16. Въ началѣ словъ можно найти нѣсколько примѣровъ, гдѣ *ar* замѣнено черезъ *ю*, ср. указанные выше, въ § 9, случаи

съ юр. *Юхну́ть* (ударить): Псков. и Осташ. (Доп.), (отставить, удалить): Обоян. (Доп.), отсюда и ю́хнуть (пропасть): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. ниже (§ 37[1]) ерыхну́ть, ерыха́ть (ударять, стегать); итакъ юхну́ть вм. αrxnûti. **Южну́ть*, отсюда ю́кнуть (стукнуть): Шенк., Тихв. (Оп.), (скрыться, исчезнуть): Псков. и Осташ. (Доп.), (ударить, стукнуть): Колым. (Богоразъ), ю́кнуться (удариться головой обо что-нибудь): Сибир., Осташ. (Доп.), бѣлор. ю́кнуць (юркнуть, стукнуть, ударить), ю́кать (громко стучать): Яренск. (Титовъ), Великоуст. (Протопоповъ), ср. выше юркнуть (§ 9). *Югну́ти* (шмыгнуть, уйти): Полтавск. (Закревскій), ср. ергону́ть (ударить, потереть): Петроз. (Слов. Акад.), ёргать (ёрзать, тереть, драть): Пермск. (Даль). **Юзну́ться*, отсюда ю́знутьсе (сильно удариться): Вытег. (Филим.), юзгаться (возиться на одномъ и томъ же мѣстѣ): Тобол. (Зобнинъ, Жив. Ст. 1900), ср. ерзану́ть (ударить, толкнуть): Ряз. (Слов. Акад.), ёрзать, ерза́ть. **Юсну́ть*, отсюда юснуть (сильно ударить въ ухо): Псков. и Осташ. (Доп.), ю́скать и ю́стить (ѣсть): тамъ же, ср. ёрскать (скоблить, ударять): Вытег. (Слов. Акад.), сербск. р̑скати (ѣсть, разгрызать съ шумомъ).— Быть можетъ, ёкну́ться: Тихв., екну́лся: Слобод. (Слов. Акад.), бѣлор. ёкнуць (ударить) также восходятъ къ αrknûti.

б. Сочетанія р, л + гласная на мѣстѣ болѣе древнихъ αr, αl.

§ 17. Примѣры, гдѣ ла, ра замѣнили αl, αr. *Пласну́ть* (ударить): Перм. (Волеговъ), ср. полосону́ть, полосова́ть, а также полысну́ть (§ 34). **Прасну́ти* отсюда отсюда пра́снути (бросить съ силой), пра́скати (трещать, грохотать), малор., ср. па́рснуть (§ 4) и ниже (§ 24) попара́сканий (треснувшій, надорванный). *Трахну́ти* (сильно ударить), малор. (Слов. Шейковск.), отсюда тра́хнуть (сильно ударить): Рыл., Судж. (Оп.), бѣлор. тра́хаць, тра́хнуць; тра́хнуть (удариться): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. малор. торо́хнути, торо́хкати, а также ниже тара́хнуть (§ 24). **Фрасну́ти*, отсюда фра́снути (ударить), малор., ср. фа́рснуть (рвануть): Псков. и Осташ. (Доп.); корень вырз-, откуда при из-

вѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ скажемъ въ слѣдующей главѣ, вьрс-, вьрц-.

§ 18. Примѣры, гдѣ ры, лы замѣнили ɑr, ɑl. *Прыхну́ти, откуда при́хнути, при́хати (фыркать), малор., ср. малор. пи́рхати, пирхну́ти (то же), западнорусск. пы́рхать (фыркать): Даль, малор. запи́рханый (страдающій удушьемъ), попирхну́тися, великор. поперхну́ться, перши́ть, а также словенск. prhati (фыркать). *Трыка́ть* (будить): Самар. (Садовниковъ), ср. ниже тырыка́ть (§ 40), ты́ркнуть (§ 7).— *Хлызну́ть, отсюда схлы́зить (незамѣтно уйти): Вытег. (Филим.), ср. хо́лзать (ходить взадъ и впередъ): Владим. (Доп.), (шататься, хлябать): Спасск.-Казан. (Доп.), ср. ниже хлы́здать (§ 34). *Углызну́ть* (утонуть): Костром. (Оп.), ср. голзону́ть, го́лзать: (скользить, вывертываться изъ рукъ): Вытег. (Кулик., Филим.), прогользина (полынья): Шенк. (Оп.).

§ 18[1]. Примѣръ, гдѣ ли замѣнило ɑl. *Хлизди́ть, отсюда хли́здить (не стоять на мѣстѣ, трусить): Великоуст. (Протоповъ), схли́здить (обмануть въ игрѣ): Каин. (прогр. № 117), ср. выше схлы́зить (§ 18).— Примѣръ, гдѣ ре замѣнило ɑr. *Трека́ть*, отсюда трёкать (бить, колотить), дотрёкаться (достучаться): Великоуст. (Протопоповъ), трёкнуться (удариться, треснуться): Шадр. (Зыряковъ).

в. *Нефонетическая замѣна сочетаніями ар, ыр и т. д.*

§ 19. Какъ видно изъ предыдущихъ примѣровъ, весьма обычною замѣною ɑr, ɑl въ положеніи передъ удареніемъ являются сочетанія ар, ал, ыр, ур и т. д., заимствованныя изъ такихъ формъ, гдѣ эти сочетанія развились подъ вліяніемъ ударенія. Ср. *варза́ть* (шалить): Кадник. (Доп.), (разрывать безъ толку): Порх., Новорж. (Доп.), заварза́ть (запачкать): Вят., Покров. (Слов. Акад.), варза́ть и варза́кать (худо писать, толсто прясть): Шадр. (Зыряковъ), каварза́кать (марать, пачкать, плохо прясть): Уржум. (Магницк.); варга́нить (плохо сказать или сдѣлать): Ряз. (Ловцовъ); шварну́ть (рвануть): Псков. и Осташ. (Доп.); малор. харчі́ти (храпѣть), захарча́ти (начать храпѣть), харча́ть (хри-

пѣть): Великоуст. (Протопоповъ); окарза́ть (испортить): Шенк. (Плечевъ); тарза́ть (терзать, таскать): Великоуст. (Протопоповъ); шабарка́ть (хлопотать о пустякахъ, дѣйствовать безтолково): Уржум. (Магницк.); подтарха́ться (подтыкаться): Арханг. (Михайловскій); шабарча́ть (шумѣть): Кунгур. (Бум. Срезн.); *гурча́ть* (ворчать, бурлить): Псков. и Осташ. (Доп.), малор. загуркоті́ти, нагуркоті́ти (загремѣть, зашумѣть); прикурну́ть (съежиться и присѣсть въ уголокъ): Волог. (Обнорск.), ср. малор. прикорхну́ти (то же), корну́ть (прилечь для отдыха): Шуйск. (Гарегинъ); малор. туркота́ти, туркоті́ти (стучать, ворчать); шурка́ть (швырять): Оренб. (Оп.), малор. шурну́ти (шаркнуть); малор. смурну́ти (ударить), ср. бѣлор. сморгану́ць (дернуть); шурхну́ть (кинуть): Псков. и Осташ. (Доп.), бѣлор. шурха́ць (отбрасывать съ негодованіемъ); бѣлор. штурха́ць, штурхану́ць (толкать, бросать); укурну́ться (окунуться): Шадр. (Третьяковъ) и др., вы́курнуть (вынырнуть): Перм. (Волеговъ); бѣлор. *швырга́ць*, швыргну́ць (бросать); скавырза́кать (сдѣлать какъ-нибудь, на скорую руку): Покров. (Мухановъ); кувырда́чить (зашивать): Старорус. (Доп.); мыргну́ть (дать знать о чемъ-нибудь отрывистымъ звукомъ): Псков. и Осташ. (Доп.), великор. пырска́ть (выгонять изъ лѣсу звѣря); бѣлор. пырха́ць, пырха́ть (порхать): Петроз. (Иваницк.); гырча́ть (ворчать): Опоч. (Оп.); бѣлор. чиркну́ць (ударить); ширку́нъ (бубенчикъ): Арханг. (Доп.); малор. тирмо́сити при термо́сити и тормо́сити (трясти, тормошить); бѣлор. тыркну́ць (сунуть, тыкнуть), малор. втиркну́тися (всунуться, вмѣшаться); бѣлор. тырча́ць (торчать); малор. пирхну́ти (фыркнуть); малор. штирхону́ти (пробуравить, проколоть съ силою); бѣлор. *мирга́ць*, миргну́ць (моргать, мигать); тильма́чить (настоятельно приказывать): Жиздр. (Добров.), ср. выше токма́чити (§ 14), тема́чить (§ 15); бѣлор. *дзевба́ць*, дзевбану́ць (клюнуть, ударить); тельпе́нь, тельпе́шъ (дородный ребенокъ): Псков. и Осташ. (Доп.); тельпи́ть (блюсти): Колым. (Богоразъ); забельши́ть (истратить, промотать): Курск., Руз., Смол., Тамб. (Оп.), (испортить, повредить): Жиздр. (Добров.), ср. ж-бе́вхнути

(сильно толкнуть), указанное въ § 8; *тюльпе́нь* (толстый, неповоротливый человѣкъ): Боровск. (Черныш.), тюльпа́ (драка): Колым. (Богоразъ), ср. выше те́льпень (§ 8) и ниже телепе́нь, телепе́га, тили́пнуть.

II. Сочетанія съ долгими плавными.

§ 20. Мы видѣли въ § 1, что сочетанія ᾰr, ᾰl̓, явившіяся результатомъ сокращенія (нефонетическаго) сочетаній ьr̄, ъl̓̄, оr̄, оl̓̄ и т. д., могли замѣняться сочетаніями ᾰr̄, ᾰl̓, съ r̄, l̓̄, заимствованными изъ продолжавшихъ свое существованіе сочетаній ьr̄, ъl̓̄, оr̄, оl̓̄ и т. д. Замѣна (нефонетическая) краткихъ плавныхъ долгими въ сочетаніяхъ ᾰr, ᾰl̓ отразилась на переходѣ неударяемой гласной ᾰ передъ плавной,—гласной, бывшей, какъ мы видѣли, полукраткой и потому подлежавшей выпаденію, — въ краткую гласную того же ряда, которую мы обозначимъ тою же буквой ᾰ. Эта гласная, въ противоположность полукраткой гласной передъ r, l̓, не подлежала выпаденію въ положеніи не подъ ударе́ніемъ; она стремилась во всякомъ положеніи къ переходу въ гласную полнаго образованія; ср. переходъ краткихъ ъ и ь подъ ударе́ніемъ и безъ него въ *о* и *е*, въ противоположность полукраткимъ ъ и ь, выпадавшимъ въ положеніи не подъ ударе́ніемъ. Переходъ ᾰ полукраткаго въ ᾰ краткое передъ удлинившеюся плавною особенно ясно указываетъ на количественное различіе обоихъ ᾰ въ положеніи, съ одной стороны, передъ краткой, а, съ другой, передъ долгой плавной: ᾰr перешло въ ᾰr̄ въ результатѣ вліянія на ᾰr сочетаній ъr̄ съ краткимъ, а не полукраткимъ ъ.

§ 21. Подобно тому какъ краткое ᾰ подъ ударе́ніемъ въ сочетаніяхъ съ краткими плавными принимало окраску слѣдовавшаго за нимъ звука, то же ᾰ безъ ударе́нія въ сочетаніяхъ съ долгими плавными принимало окраску слѣдовавшаго за нимъ звука. Звукъ этотъ являлся слѣдствіемъ тѣхъ фонетическихъ измѣненій, которымъ подверглись долгія r и l̓. Въ положеніи послѣ ᾰ они такъ же, какъ послѣ *о*, *е* и ъ, ь, развивали изъ себя

гласную, т. е. ѓ и ѝ переходили въ сочетанія г и ѝ + гласная. Качество этой гласной въ положеніи за *о*, *е* и *ъ*, *ь* обусловливалось, какъ мы видѣли, этими предшествовавшими долгимъ плавнымъ звуками: оѓ переходило въ ого, ъѓ въ ъгъ, ьѓ въ ьгь и т. д. Между тѣмъ качество гласной, развивавшейся изъ долгихъ г и ѝ послѣ *а*, обусловливалось вліяніемъ слѣдовавшихъ за ѓ и ѝ гласными звуками: я объясняю себѣ это различіе такъ, что въ сочетаніяхъ оѓ, еѓ, оѝ и т. д. звуки были между собою однородны, благодаря ассимиляціонному процессу, сблизившему ихъ между собой еще въ предшествующую эпоху (въ ог *о* и *г* были лабіализованны, въ ег *е* и *г* палатализованны и т. д.), между тѣмъ въ сочетаніяхъ *а*ѓ, *а*ѝ *а*, какъ мы видѣли, не принадлежало ни къ лабіализованнымъ, ни къ палатализованнымъ гласнымъ, ѝ было лабіализованно, а ѓ лабіализованно или палатализованно, въ зависимости отъ происхожденія сочетанія *а*г (откуда *а*ѓ)—изъ ог, ъг или ег, ьг. Впрочемъ, гласная, развивавшаяся изъ долгихъ плавныхъ, принимала звукъ гласной слѣдующаго за долгими плавными слога только тамъ, гдѣ на эти долгія плавныя не падало ударенія.

§ 22. Подъ ударенiемъ ѓ, ѓ', ѝ переходили послѣ *а* въ сочетанія ра́, ря́, ла́; гласная *а*, имъ предшествующая, ассимилируясь этимъ гласнымъ *а*, переходила въ *а* и 'а; такимъ образомъ вмѣсто *а*ѓ, *а*ѓ', *а*ѝ явились ара́, ря́ (откуда и еря́), ала́. Объ измѣненіи долгихъ плавныхъ подъ нисходящимъ ударенiемъ см. ниже въ § 23. Передъ ударенiемъ ѓ, ѓ', ѝ переходили въ сочетанія р, л + гласная, тожественная съ гласной слѣдующаго слога, т. е. въ р, л + *а* (*я*) или *у* (*ю*) или *о* (*ё*) или *е* или *и* или *ы*; передъ слогомъ съ неслоговыми *ъ*, *ь*, *і* на мѣстѣ ѓ, ѝ являлись ры, лы. Гласная *а* передъ слогами ра, ла, ру, лу и т. д. измѣнялась въ *а*, *у*, но передъ ры, лы, въ силу, быть можетъ, однородности *а* и *ы*, она, диссимилируясь, переходила въ *о*. Появленіе сочетаній ара, еря, уру, урю, улу, оры, олы и т. д. на мѣстѣ *а*ѓ, *а*ѝ, *а*ѓ' можно назвать третьимъ полногласіемъ. Приведу примѣры этого третьяго полногласія.

А. Сочетанія $\alpha\bar{r}$, $\alpha\bar{l}$, $\alpha\bar{r}^{i}$ подъ удареніемъ.

§ 23. Сочетанія съ долгими плавными были извѣстны подъ двумя видами удареніями, подъ восходящимъ и нисходящимъ (ср. различіе между воро́на и во́ронъ). Указанное выше измѣненіе этихъ сочетаній въ ара́, ала́, еря́ имѣло мѣсто, какъ кажется, только подъ восходящимъ удареніемъ. Подъ нисходящимъ же удареніемъ являлось, повидимому, о́ры, о́лы, непосредственно изъ а́ры, а́лы, въ силу указанной въ § 22 диссимиляціи *α* и *ы*. Долгія *r*, *ł* измѣнились въ ры, лы независимо отъ качества гласной слѣдующаго слога вслѣдствіе того, что удареніе находилось не на слѣдующихъ за ними слогахъ, а на предшествующей гласной. Примѣры для оры, олы указаннаго происхожденія. *Бо́рышень*, шня (потроха, внутренность убитой скотины): Псков. Порхов. и Осташ. (Доп.), ср. бо́рошень (рухлядь, пожитки): Камч., Сибир. (Оп.); также *бо́рышно, откуда малор. борише́нний, при бо́рошно, бороше́нний (мучной): Слов. Желех.; оры изъ $\alpha\bar{r}$, замѣнившаго αr, а это вмѣсто $o\bar{r}$, сократившаго r въ такихъ формахъ, какъ ƀorxъłó (то же значеніе, ср. § 24). *По́лымя*, великор., между прочимъ въ окающихъ говорахъ: Владим. (Чернышевъ), Великоуст. (Протопоповъ), по́лымё: Пошех. (Мат. Ак. Н. № 171); ср. также въ бѣлор.: по́лыме при по́ломе (Слов. Носовича); у Даля полымя́сто. **Го́лымя*, отсюда голымя́ (открытое море, море вдали отъ береговъ): Арханг. (Даль), голымень (глубокая вода): Арханг. (Никоновъ), ср. для ударенія го́ломя (открытое море): Арханг. (Шренкъ), го́ломень: Петроз. (Кулик.), го́ломянь: Арханг. (Подв.). *Шо́лымя* (возвышенная середина гумна): Арханг. (прогр. № 155), ср. шо́ломя (горка, пригорокъ, холмъ): Арханг., Вят. (Даль), (верхняя часть кровли): Пошех. (Мат. Ак. Наукъ № 171). Поэтому и *мо́лынья*: Ставроп.-Самар. (прогр. № 130), заимствовавшее свое удареніе изъ формъ вин. и дат. падежей (ср. мо́лонья), см. ниже молынья́ (§ 34).

§ 24. Примѣры замѣны $\alpha\bar{r}$ и $a\bar{l}$ подъ восходящимъ ударе-

ніемъ сочетаніями ара́, ала́[1]). *Бара́бать* (рыть): Вят., Казан. (Оп.), (говорить безъ толку, перебирать, приводить въ безпорядокъ): Вят. (Васн.), забара́бать (захватить, взять): Вят., Казан. (Оп.), бара́баться (чесаться): Юрьевъ-Владим. (Мат. Ак. Н. № 15), бара́блить (перебирать пальцами): Симб. (Оп.), бара́блиться (барахтаться): Кашин. (Смирновъ), сбара́блять (собрать въ кучу): Пошех. (Мат. Ак. Н. № 169), ср. словенск. bȓbati (рыть, поднимать пыль, ударять), сербск. бр̏бљати (болтать, вынюхивать, искать носомъ), словенск. brbljáti (болтать). *Бала́бола* (пустомеля, болтунъ), (пустяки, дребедень): Даль, отсюда и балабо́ла (болтунъ, болтушка): Олон. (Доп.), балабо́лить (говорить пустяки): Тихв., Верейск. (Оп.), изъ bał̄boła, а это вмѣсто bołboła, ср. чешск. blaboliti, blaboniti (болтать вздоръ, пустяки), а также боло́бонъ (пустомеля): Росл. (Оп.). *Бала́кать*, великор. и бѣлор., бала́кати, малор., ср. бо́лкнуть (сказать): Княгин. (Мат. Ак. Н. № 101), малор. пробо́вкнути (глухо проворчать), а также польск. bełkać (колыхать), bełknąć (буркнуть, проговорить), bełkotać (бормотать), чешск. blknouti (полыхнуть, вспыхнуть), blkotati (болтать). *Бала́хтать* (плескать ливмя, выливать, выплескивать): Волог. (Даль) изъ *бълкъ-тати, ср. предыдущее; сюда же бала́хтина (всякая выбоина въ дорогѣ): Царскосел. (Бум. Срезн.) бала́хтаться (плескаться въ водѣ): Симб. (Мотовиловъ), бала́хта (лягушка): Новгор. (арх. Антоній). *Бара́хло* (хламъ, шарабара, буторъ, скарбъ): Даль, барахло́: Шенк. (Оп.), (всякое движимое въ домѣ имущество, рухлядь): Арханг. (Подв.), Колым. (Богоразъ), ср. бо́рошень (всякое домашнее обиходное имущество): Мезен. (Подв.), (разныя мелочи, сложенныя вмѣстѣ, особенно дорожныя): Камч., Сибир. (Оп.), борошни́шко (пожитки): Пересл.-Владим. (Доп.); бара́хло восходитъ къ *бо́рхъло, сокра-

1) Въ глагольныя формы на -ati сочетанія arà, ałà проникли изъ формъ совершеннаго вида на -ъnùti: бара́бать подъ вліяніемъ бара́бнуть, которое изъ bαrbъnuti съ долгимъ ударяемымъ r; восходитъ къ bъr̄bъ̯nuti. Это bъr̄bъ̯nuti съ долгимъ *r* измѣнилось, подъ вліяніемъ bъrbnuti съ краткимъ *r*, въ bα̯r̥bъ̯nuti, откуда bαrbъnuti и далѣе, подъ вліяніемъ продолжавшаго существовать bъr̄bъ̯nuti, въ bαr̄bъ̯nuti, перешедшее въ бара́бнуть (ср. § 2).

тившему свое *р* подъ вліяніемъ *борхъло́. *Бара́хтаться*, великор., между прочимъ въ знач. бороться: Шадр. (Зыряковъ), Ряз. (Ловцовъ), пихать другъ друга, сдвигать съ мѣста: Кур. (Мат. Ак. Н. № 88), карабкаться: Шуйск. (Гарелинъ); взбара́хтаться (вскарабкаться): Перм. (Луканинъ), отсюда малор. барахта́тися, ср. бѣлор. боро́хтаць (ворочать, сдвигать съ трудомъ), боро́хтацца (возиться, бороться): восходитъ къ borĥъtati, при чемъ, какъ увидимъ ниже, borĥъ можетъ быть аористическою формой отъ borti (бороть). *Бутара́жить* (будить, безпокоить): Псков. (Жемчужина), взбутара́житься (чрезвычайно рано встать): Новгор. (арх. Антоній), сбутара́житься (заволноваться, затревожиться): Заонеж. (Пѣвинъ); отбутара́жить (избить, отколотить): Уржум. (Магницк.), отсюда съ переходомъ *т* въ *д* подъ вліяніемъ предшествующаго *б*: будара́жить: Мещов. (В. Чернышевъ), будара́га (тревога и человѣкъ, производящій тревогу): тамъ же, будара́жничать (производить безпорядокъ): Моск. (В. Чернышевъ), взбудара́жить: Курск. (Мат. Ак. Н. № 88); ср. то́ргать, а также буторга́ (смута, безпорядокъ): Сарат. (Шахм.), куторга́ (сильный порывъ вѣтра): Перм. (Волеговъ), кутерьга́ (вьюга, метель): Яренск. (Титовъ), заку́торжиться (запротивиться): Дон. (рпсь Моск. Этн. общ.). * *Бутара́хнуть*, отсюда будара́хнуть (налить что-либо черезъ край и поспѣшно): Курск. (Мат. Ак. Н. № 88), ср. ниже тара́хнуть, торо́хнуть. *Вара́згаться* (мараться): Яросл. (Доп.), (копаться, возиться надъ приготовленіемъ чего-нибудь): Тарус. (Рождественскій), ср. выше ва́рзгать, ва́згать, воздыря́ть (§§ 4, 11, 14). **Гара́снуть* (ударить), отсюда и гара́сить: Калуж. (Даль).; гара́снуть вмѣсто гара́стнуть, ср. горста́ть, (загребать частями), чешск. hrstati (бросать горстями) (?). *Кара́бить* (боронить, скородить): Тамб. (Оп.), кара́бкаться, малор. кара́бкатися (лѣзть цѣпляясь), кара́пться (лѣзть куда-нибудь): Шуйск. (Гарелинъ), кара́бчить (воровать): Уржум. (Магницк.), Симб. (Орловъ), скара́бсить (украсть): Слобод. (прогр. № 141), ср. коро́бить, угрорусск. ускоро́бчити (выдалбливать): Верхратск. Знадоби I, укоробчи́ть (украсть): Дон. (Калмыковъ), а также

словенск. krábati (скрести, скоблить) при škrábati, чешск. krabiti (дѣлать бугристымъ, кочковатымъ). *Карáскаць* (тащить въ гору), бѣлор., карáскацца (лѣзть), прикарáскацца (привязаться, пристать), малор. відкарáскатися (вырваться), скарáскатися чого (утратить), ср. курскать (грызть): Яренск. (Куклинъ), кúрскытать (то же): Пуд. и Петроз. (Кулик.). *Малáцнути*, малáцкати (бить, колотить) малор., сюда же хмалáстати, хмалáснути (сильно ударить) съ приставнымъ хъ-, ср. молотúть, чешск. mlacnouti koho (ударить), а также малор. молцикáти (бить, стучать) и молосувати вм. *молоцувáти (бить, мучить): малац-, молоц- восходятъ къ *moĺcъ, аористической формѣ отъ корня moĺt, откуда основа moĺti- (молотить). *Марáкоситъ* (мелькать въ потёмкахъ): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. меркасúть (затемнять, мелькать): Псков. и Осташ. (Доп.), мерéкать (мерещиться, бредить): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. также чешск. mrknouti, mrkotati (моргать, мигать). *Малáнья* (молнія): Арханг. (Подв.), бѣлор. малáнка (молáнка у Носовича): Пинск. (прогр. сѣверномалор. № 1), Дисн. (въ знач. зарница, прогр. бѣлор. № 6), малáшка (Ворон.: молáшка въ Доп., стр. 325); изъ такихъ формъ, какъ арханг. малáнья, ала переносилось и въ формы съ удареніемъ на концѣ; ср. сѣверновеликор. маланьá: Кирилл. (прогр. №№ 163, 167, 215), Чердын. (прогр. № 258), Бѣлоз. (прогр. №№ 162, 165, 191), Каргоп. (Кулик.), Кунгур. (Бум. Срезн.), Перм. (Волеговъ), Шуйск. (Гарелинъ), Судогод. (Соловьевъ), Вытег. и Нерех. (Оп.), Кадник. (Шайтановъ, Жив. Ст. V, 392); сюда же, быть можетъ, относятся **моланьа**, вмѣсто маланья, въ Паис. сб. нач. XV в. (Мат. для древнерусск. слов. Срезневскаго) и **мьланьимъ** вмѣсто маланьямъ, въ Палеѣ по сп. 1406 г. (изд. учен. Тихонравова, стр. 5). *Малáвитъ* (*промелькнуть, *показаться) образовано отъ недоказаннаго, впрочемъ, *малáвья, *малавьá (ср. моловьá: Каргоп. у Кулик.); отсюда малáвитъ (блазнитъ, пугаетъ нечистая сила): Волог. (Шайтановъ, Жив. Ст. V, 392); малавить, помалавило мнѣ (показалось на одинъ мигъ что-то, о чемъ не могу дать себѣ и отчета): Верховаж. (Мат. Ак. Н. № 29,

удареніе не указано); у Даля, съ указаніемъ Волог., моловúть, помоловúло (причудилось, померещилось). *Марáскаться* (капризничать, привередничать, быть слишкомъ разборчивымъ): Арханг. (Оп. и Подв.), ср. морскова́то (трудно): Пудож. (Кулик.), а также морщúть, малор. мóрщити и указанныя выше въ § 14 мóскати и москота́ть. *Пала́хнути* (вспыхнуть), пала́хненє малор., отсюда также спалахну́ти, палахті́ти, палахкоті́ти, ср. полохті́ти въ томъ же значеніи, а также чешск. pláchati, pláchnouti въ знач. полоскать (ср. въ русск. полоска́ть о сильномъ пламени, заполоска́ть), см. выше спахну́ти (§ 11) и ниже полыхну́ть (§ 34). *Попара́сканий* (треснувшій, надорванный), малор. ср. малор. поро́ска (щель, трещина), поро́снути (разсыпаться прахомъ), а также указанныя выше па́рснуть (§ 4) и пра́снути (§ 17). *Тала́кать* (болтать, разговаривать): Нижегор. (Добролюбовъ), ср. толкова́ть, а также толо́чить и толочúть (баляснчать): Псков. и Осташ. (Доп.). *Тара́кати* (болтать): угрорусск. (Верхратскій, Знадоби, II), тара́кать (то же): Тул., Орл. (Даль), затара́каться (заболтаться): Мещовск. (В. Чернышевъ), ср. наторка́тца (наговориться): Осин. (Богоявленск.) и ниже торыка́ть (§ 34). **Тара́чить*, отсюда атара́чить (обшить каймою, оторочкою): Болхов. (Добровольск.), ср. торочúть, торо́чка, оторо́чка. *Тара́мкаться* (брести, плестись): Колым. (Богоразъ), ср. выше (§ 4) та́рмати въ знач. рвать, спутывать, сбивать. *Тала́пати* (плескать жидкимъ, мутить воду, пачкать), малор., затала́пати (запачка́ть), ср. ниже (§ 28) зателе́пати (запачкать). *Тала́шиться* (суетиться, метаться): Тамб. (Даль), ср. толошиться (Сарат.) при толочúться (толпиться, толкаться гдѣ-нибудь, Даль); восходитъ къ тълх- (малор. што́вхати, бѣлор. товха́ць) и толх-, существовавшимъ при тълк- (толкать), и толк- (толо́ка). *Тара́хнуть* (ударить), малор. тара́хнути, тара́хкати, тарахкоті́ти (колотить, кидать, шумѣть), тарахті́ти (шумѣть), ср. малор. то́рох (стукъ), торо́хнути, торо́хкати, торохкоті́ти, торохті́ти (то же, что предыдущія); торо́хнуть (сильно ударить): Тамб., Рыл., Судж. (Оп.), торохтúцца (торопиться): Молож. (Мат. Ак. Н. № 167). *Тара́щить*, малор.

тара́щити (тараща́ть), угрорусск. тара́щити (тащить): Шейк., растара́щить руки (растопырить): Колым. (Богоразъ), тара́щиться (идти, ползти куда-нибудь): Олон. (Кулик.), (лѣзть высоко): Шуйск. (Гарелинъ), ср. торо́щиться (безпокоиться, хлопотать): Волог., Тихв., Верхотур. (Оп.), (топорщиться): Псков. и Осташ. (Доп.), (ворчать): Тобол. (Живъ. Ст. 1900), (сбираться куда-нибудь съ досадою): Перм. (Волеговъ); сюда же, быть можетъ, относится польское troskać, troszczyć (озабочивать, печалить). *Чубара́хнуть* (сильно ударить): Старорусск. (Мудролюбовъ), (упасть въ ноги): Великоуст. (Протопоповъ), чубарахнулся (упалъ): Ряз. (Влазневъ), чубарахъ его черезъ себя: Костром. (Груздевъ), чубарахъ его отсюда: Пошех. (Мат. Ак. Н. № 169), бѣлор. чубара́хъ, чубара́хаць, чубара́хнуць, ср. словацк. brchat' sa (взбираться, карабкаться, Слов. Мичатка, стр. 297), малор. бу́рхати, набу́рхати (втюрить, Слов. Уманца и Сп.), побу́рхивать (хлопать): Вытег. (Кулик.). *Шала́хнуться* (шелохнуться): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. шелну́ть и ше́лнуть (шелохнуть): Сибир. (Даль), а также ниже шелехну́ть, шолохну́ть, шелы́хнуть. *Шара́хнуть* (сильно ударить, броситься въ сторону), шара́хнуться, шара́хать (сильно бить): Терск. (Водарскій), малор. шара́хкати, шарахну́ти (кинуться въ сторону), ср. бѣлор. шо́рхаць, шо́рхнуць (производить шорохъ), а также бѣлор. шоро́хаць, шоро́хнуць, шоро́хнуцца, великор. шеро́хнуться (кинуться въ сторону): Оренб. (Оп.); сюда же относится, повидимому, чешск. štrachati (кидать), štrachati se (кидаться съ шумомъ въ сторону).

§ 25. Примѣры замѣны $\alpha\bar{\imath}^{1}$ подъ восходящимъ удареніемъ сочетаніемъ еря́, непосредственно изъ ря́. *Дерябнуть* (ударить): Касим. (Оп.), Владим. (Даль), Вят. (Васнец.), Арханг. (прогр. № 155), Перм. (Луканинъ), (выпить порядочно): Ряз. (Ловцовъ), дерябезнуть (ударить): Том. (Доп.), дирябать (царапать): Псков. (Горожанскій); дерябка (озорница, задорная баба): Покров. (Мухановъ), (борона изъ корней ели): Владим. (Лебедевъ); от-

сюда и деря́бить (вздорить): Борович. (Доп.), (сильно чесать): Симб. (Оп.), (царапать): Великолуцк., Тамб. (Оп.), сдеря́бить (содрать, сцарапать): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. дербу́ниться (чесаться): Спасск.-Казан. (Доп.), Кашин. (Смирновъ), дерби́ть (чесать, драть, теребить): Костром. (Даль), а также чешск. drbnouti (ударить), drbati (тереть, чесать, ударять), drboliti (царапать). *Кочеря́га* (кочерга): Холмск. (прогр. № 54): явилось изъ уменьш. *кочеря́жь̯ка. *Кутеря́га* (вьюга, метель): Яренск. (Куклинъ), ср. кутерьга́ (то же): Великоуст. (Протопоповъ). **Меря́кнуть* (околдовать, очаровать, напустить туману), отсюда замеря́чить (начать околдовывать, обманывать у Гл. Успенскаго, см. Слов. Академіи), меря́ченіе (названіе нервной болѣзни): Ворон. (Слов. Акад. подъ замерячить), ср. у Даля мере́чить (замышлять недоброе), ме́рекъ (призракъ, видѣніе): Псков. и Осташ. (Доп.), мере́кать (мерещиться, бредить): тамъ же; см. выше, въ § 24, мара́косить. *Теря́бкать* (царапать, ѣсть): Псков. и Осташ. (Доп.), отсюда и теря́бить (то же): тамъ же, растеря́ба (одѣтый въ худое, изорванное платье): Вязник. (Харизаменовъ), ср. тереби́ть (жадно ѣсть): Росл. (Оп.), бѣлор. цереби́ць (чистить, рубить, ѣсть), теребну́ть (потеребить): Перм. (Луканинъ), малор. обтере́бити (ошелушить), тере́бнути (толкнуть), а также выше тя́бкать (§ 15[1]). *Черя́пнуть* (ударить): Болхов. (Горожанск.: чиря́пнуть), зачеря́пати (зачерпнуть), малор., ср. че́рпать, бѣлор. чере́пнуць, чере́паць.

§ 26. Изъ примѣровъ, приведенныхъ въ § 8, видно, что ъł, oł въ положеніи передъ слогомъ съ *е* измѣнялись не только въ ạ̯ł̣, откуда αł, но и въ ạ̯ḷⁱ, откуда αlⁱ, ср. те́льпень, *те́лькнеть, откуда те́лькать; αlⁱ, подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, могло переходить въ αl̄ⁱ, ср. ниже еле (§ 28); подъ удареніемъ αl̄ⁱ измѣнялось въ еля́, непосредственно изъ яля́. Примѣры еля́ на мѣстѣ αl̄ⁱ подъ восходящимъ удареніемъ. *Меля́дникъ* (мелкій лѣсъ): Меленк. (Мат. Ак. Н. № 22), ср. молодня́къ (молодой лѣсъ, поросль), малор. молодни́к (то же). **Селя́пнуть*, отсюда,

вслѣдствіе смѣшенія корней сълп- и тълп- (ср. ниже § 28)[1]), теля́пнуть (стащить, украсть): Псков. и Остащ. (Доп.), стеля́пать (то же): тамъ же, ср. ниже стиля́пнуть, бѣлор. зацеле́пнуць, зацелепа́ць (зачерпывать), селепа́ць (проворно черпать, хлебать). *Теля́пень* (грузный, толстый человѣкъ): Росл. (Оп.: тиля́пень), ср. выше те́льпень (§ 8) и ниже телепе́нь; сюда же растеля́пило (разнѣжило): Нерех. (Оп.). **Тсля́снуть*, *теля́скать, отсюда подцыля́стать (украсть): Кур. (Оп.), какъ подцы́брить при подтибрить: Тамб., ср. тили́снуть въ значеніи украсть (§ 31). **Теля́хнуть*, отсюда, какъ увидимъ ниже (§ 45[2]), тюля́шить (идти неповоротливо): Черепов. (Доп.), при телеши́ть (то же): тамъ же (§ 28), ср. малор. теле́хнути (§ 28), а также удвоенную основу телелях- (§ 48).

Б. Сочетанія $\alpha\bar{r}$, $\alpha\bar{l}$, $\alpha\bar{r}^{l}$ передъ удареніемъ.

§ 27. Сочетаніе $\alpha\bar{r}$ передъ слѣдующимъ *а* измѣнилось въ ара. Примѣръ. *Тараба́нить* (сильно тащить): Олон. (Оп.), Каргоп. (Кулик.), Онеж. (Подв.), Колым. (Богоразъ), тараба́нить и тарабо́нить: Новгор. (Соловьевъ), малор. тараба́нити (нести, тащить преимущественно что-нибудь большое); ср. прежде всего тара́бить (таскать, носить): Лодейн. (Кулик.), притара́бить (притащить):тамъ же, гдѣ ара́ изъ тара́бнуть (ср. § 24); далѣе то́рбать рубить, напр. говядину): Кирилл. (арх. Антоній), расто́рбать (переворачивать): Заонеж. (Пѣвинъ), то́рба (неповоротливый, толстый человѣкъ): Ряз. (Ловцовъ)[2]), ср. еще словенск. tŕbati (бѣжать рысью), tŕba (остолопъ, болванъ), trbȁn (обрубленный пенекъ дерева), trbósniti (ударить). *Покараба́титься* (покоробиться): Болхов. (Сахаровъ), ср. коро́бить и выше (§ 24) кара́бить.

---

1) Эти корни смѣшивались издавна. Ср. старосл. въстлапляти (укрощать, опровергать): Сборн. 1073 при въслапляти (удерживать): Панд. Антіоха XI в.

2) То́рбать (распугивать весломъ рыбу): Онеж. (Подв.), (хлопать по водѣ особаго рода толкушкой): Пудож., Вытег. (Кулик.) едва ли не финск. tarvon (die Fische plätschernd ins Netz scheuchen).

§ 28. Сочетанія αr̄, αr̄ⁱ, αl̄ передъ слѣдующимъ *е* измѣнились въ ере, еле. Примѣры. * *Деребне́ть*, 3 ед., отсюда дерибну́ть (ударить): Псков. (Савицкій) и сдереба́ть (содрать): Холмск. (Оп.), дере́бить (драть, царапать, кричать): Ряз., Волог. (Доп.), ср. выше деря́бнуть (§ 25). * *Дерезне́ть*, 3 ед., отсюда дерезнуть, ср. дєрєꙁнꙋ 3 ед. Сильв. сб. XIV в. (Жит. Бор. и Гл. Нестора, изд. Бод. 23). * *Пелескне́ть*, отсюда бѣлор. пелескану́ць, пелеска́ць и пеле́скаць, пеле́снуць, пелескану́цца, вспелеска́цца при полосну́цца, полоска́цца, ср. великор. полоска́ть, полосну́ть, малор. полоска́ти, полока́ти. * *Пелесне́ть*, отсюда бѣлор. пелесану́ць (хлыстнуть, ударить), а также пелесова́ць, обпелесова́ць (наказать плетью), ср. великор. полосова́ть, полосону́ть, малор. полосува́ти. *Селезёнка*, древнерусск. селезена́, малор. селезї́нка, непосредственно изъ sαlⁱzenъka, которое вмѣсто sα̯l̥ⁱzenъka изъ sołzenъka (ср. выше стр. 328). **Селепне́ть*, отсюда бѣлор. селепану́ць, селепа́ць (проворно черпать, хлебать, хлестать), малор. обселе́питися (напиться), селепи́тися (пристать къ кому-нибудь, привязаться), ср. ниже солупну́ць (§ 37), малор. солопи́ти, ви́солопити, висоло́плювати (высовывать языкъ), а также малор. со́вп (рыболовная сѣть), сербск. су̑п (родъ рыболовной изгороди); какъ было указано (§ 26), начальное *с* въ этихъ словахъ чередуется съ *ц*, вѣроятно, подъ вліяніемъ образованій какъ подселепити, отселепити и т. д.; такъ явились бѣлор. целепну́ць, целепа́ць (ударить, торопливо черпать), зацеле́пываць, зацелепа́ць, зацеле́пнуць (зачерпывать), нацелепа́ть (нахватать, натаскать) и др.; чередованіе целеп- и селеп- повело къ смѣшенію селеп- съ телеп-, ср. ниже телепну́ть. **Телепне́ть*, отсюда малор. теле́пнути, теле́пати (трясти, болтать, тихо идти, пачкать), зателе́пати (запачкать), стелепну́ти (стряхнуть), утеле́пати (натрясти), втелеплю (Слов. Дювернуа, подъ болгарскимъ словомъ втлапѭ: внѣдрю, внушу), телепа́ться (болтаться, качаться): Южн. и Зап. (Даль), потелепа́ться (пойти): Судж. (Оп.), телепо́шить (идти не разбирая пути): Уржум. (Магницк.), зателёпа (вялый, нерасторопный): Юхнов. (Доп.), телёпа (безтол-

ковый человѣкъ): Кадник. (Шустик.), отелёпышъ (толстякъ, увалень): Шенк. (Титовъ), ср. толпыхну́ть (толкнуть): Псков. и Осташ. (Доп.), бѣлор. товпи́ць (втискивать въ толпу); по смѣшенію съ селеп-, находимъ се́лепъ (здоровый ребенокъ): Юрьев.-Владим. (Мат. Ак. Наукъ № 15), ср. слѣдующее слово. *Телепе́га* (довольно толстая, здоровая женщина): Княгин. (Мат. Ак. Наукъ № 101), Нижегор. (Добролюбовъ), ср. толпе́га (толстуха): Кашин. (Смирновъ), толпе́га и толпы́га (высокаго росту дѣтина): Псков. и Осташ. (Доп.), тулпе́га (неповоротливая, непроворная женщина или дѣвица): Руз. (Оп.), малор. товпі́га (неловкій, нескладный мужчина: Закревскій), толпа́ и толпея́ (толстая женщина): Моск. и Яросл. (Доп.); ср. еще выше теля́пень (§ 26), те́льпень (§ 8) и ниже телепе́нь (§ 29). * *Телехне́ть*, отсюда малор. теле́хнути (сильно стукнуть), телеши́ть (неповоротливо идти): Череп. (Доп.), ср. бѣлор. товха́ць, товхну́ць, товхану́ць, глаг. частица товхе́нь, малор. што́вхати, штовхо́нути, а также выше тевхати (§ 8) и *теля́хнуть (§ 28). *Шелехне́ть*, малор., отсюда малор. шелехну́ти; шелехну́ться (тронуться съ мѣста): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. шелохну́ться и выше шала́хнуться (§ 24).

§ 29. Сочетанія *αĭ* перешли въ еле также передъ *ъ* краткимъ, не полукраткимъ, т. е. передъ тѣмъ *ъ*, которое измѣнилось впослѣдствіи въ *е*. Примѣры. **Меленея́*, вмѣсто чего меленья́ (молнія): Устюжн.-Новгор. (Петровыхъ, прогр. № 28), ср. выше мала́нья (§ 24) и ниже молынья́ (§ 34). *Телепе́нь* (род. телепня́, дородный ребенокъ): Псков. и Осташ. (Доп.), Соликам. (Словцовъ), бѣлор. целепѐнь (неповоротливый толстякъ, обрубокъ), отсюда и те́лепень (толстякъ): Владим. (Мат. Ак. Наукъ № 17), Кашин. (Смирновъ), Орл. (Мат. Ак. Наукъ № 125), оте́лепень (здоровый малютка): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше те́льпень (§ 8), теля́пень (§ 26), телепе́га (§ 28). *Телепе́нь* (род. телепня́, языкъ колокола, дуракъ, пустомеля), малор., отсюда и малор. те́лепень, великор. те́лепень (языкъ колокола), (ударъ

ладонью): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше телёпнути, телёпати (трясти, болтать).

§ 30. Сочетанія *аѣ* передъ слѣдующимъ *ѣ* переходили въ ѣлѣ. Примѣры. **Тѣлпѣга*, ср. выше телепёга, которое, быть можетъ, и содержало ранѣе ѣ (§ 28). **Тѣлѣпнѣте*, 2 л. мн. пов., отсюда *тѣлѣпнýти, малор. тілíпати (болтать, шевелить, приводить въ движеніе), тілíпатися и тілíпáтися (болтаться, мотаться), тілíп-тілíп (междометіе для выраженія момента, когда что-нибудь болтается, мотается), ср. выше телёпнути (§ 28).

§ 31. Сочетанія *аѓ*, *аѣ* передъ слѣдующимъ *и* переходили въ ири, или. Примѣры. *Тилизни́*, отсюда и тилизнýть (ударить, хватить вина): Сибир. (Доп.), ср. ниже *толызнýть (§ 34). **Тилисни́*, отсюда тили́снуть (ударить): Владим. (В. Черныш.), Колым. (Богоразъ), (украсть, ошеломить): Калуж. Новотор. (Оп.); сюда же тили́скать (красть, ошеломлять): Калуж. (Оп.), (рвать): Вят. (Доп.), (ѣсть втихомолку): Псков. и Осташ. (Доп.), дать тили́ску (т. е. таску): Вытег. (Кулик.); *тилисни́ вмѣсто *tołskní, ср. бѣлор. толоскáць (таскать за волосы, толкать и таскать вмѣстѣ), верхнелуж. tłuskać, tłusnyć (давить, прищемлять) вмѣсто ожидаемаго tłoskać, болг. тлáскамъ, тласнѫ (толкаю, толкну). *Утирибни́*, отсюда утирибнýть (оцарапнуть): Псков. и Осташ. (Доп.), тери́бать (царапать, отщипывать, ѣсть): тамъ же, ср. выше теря́бкать (§ 25). **Тилипни́*, отсюда *тилипнýть, тилипáть (очень скоро ѣсть, уплетать молча): Петергоф. (Буличъ), (ѣсть понемножку): Владим. (Чернышевъ), стилипáть (украсть): Псков. и Осташ. (Доп.); тилип- вм. силип-, ср. § 26 подъ *селя́пнуть. **Чирикни́*, отсюда чири́кнуть (ловко ударить): Раненб. (Оп.), (украсть): Левитовъ, II, 94 (ты бы часы-то у него и чирикнулъ), бѣлор. чири́кнуць (пильнуть, рѣзнуть), чири́къ (хвать, хлопъ), отчири́каць, отчири́кнуць (отрѣзать, дать колкій отвѣтъ), ср. выше чáркати (§ 4), чи́кнуть (§ 13).

§ 32. Сочетанія *аѓ*, *аѣ* передъ слѣдующимъ *у* переходили въ уру, улу. Примѣры. *Сурукнýть* (толкнуть, ударить): Псков. и

Осташ. (Доп.), цуру́кнуть (съ діалект. замѣной *с* черезъ ц, ср. цапо́гъ въ томъ же говорѣ: выпить, хватить вина): Орл. (Сполоховъ), ср. ниже сурыкну́ть (§ 39), усыри́кивать (§ 40), сарычить (§ 38). **Тулусну́ть*, отсюда тулу́снуть (ударить), ср. тили́снуть (§ 31). **Турукну́ть*, отсюда малор. туру́кати (стучать, грохотать, твердить одно и тоже), туру́кать (наушничать): Курск., Ворон. (Даль), натуру́кать (наклепать): Курск. (Мат. Ак. Н. № 88), ср. ты́ркнуть (§ 6), туркота́ти (§ 19), ниже торыка́ть (§ 34). **Шурукну́ть*, отсюда пошурукта́ть (поковырять, прочистить пальцемъ горло въ бутылкѣ): Уржум. (Магницк.), ср. шо́ркать (тереть), шоркону́ть, шо́рнуть (ударить): Пудож. (Кулик.), шурка́ть, шуркну́ть (бросать, швырять): Симб. (Моговиловъ), а также ша́ркать (§ 4).

§ 33. Сочетанія *αr̄*, *αl̄* передъ слѣдующимъ *o*, а также передъ *ъ*, измѣнившимся впослѣдствіи въ *o*, переходили въ оро, оло. **Горокону́ть*, отсюда горо́нить (горчить, отзываться горькимъ): Уральск. (Даль), Онеж. (Подв.), ср. ниже горы́нить (§ 34) и сербск. гр̏кнути (отдавать горечью). **Морогова́ть*, отсюда моро́говать (брезгать, привередничать): Перм. (Даль), ср. мо́рговать: Сѣверн., Восточн. (тамъ же), а также ма́ргать (§ 4), мы́ргнуть (§ 6). **Толокону́ть*, отсюда толону́ть, толону́ться: Псков. и Осташ. (Доп.). * *Торокону́ти*, отсюда малор. доторокну́ти (при доторкну́ти: подтолкнуть). *Холопону́ть*, отсюда холону́ть, холо́нить (вѣтеръ ходитъ во время вѣйки): Елецк. (Стаховичъ), ср. выше хы́лпнуть (§ 6) и указанное тамъ холпи́тъ, ховпи́тъ (подуваетъ легкій вѣтеръ). **Щелокону́ть*, отсюда малор. щавокну́ти (произвести шумъ, издать звукъ), очевидно явившееся подъ вліяніемъ *щевкну́ти, ср. ниже щелыка́ть (§ 34); сюда же щелокта́ть (щекотать): Ворон. (Хованскій), щелохта́ться (брызгаться, плескаться): Болховск. (Сахаровъ). **Шерохону́ть*, отсюда бѣлор. шорóхнуць, шорóхнуцца (произвести шумъ, двинуться съ шорохомъ), шерóхнуть (зашелестить, Даль), шерóхнуться (кинуться въ сторону): Оренб. (Оп.), ср. рядомъ бѣлор. шóрхаць, шóр-

хнуць (шаркать, производить шорохъ), шерхну́ць (сдѣлать шероховатымъ), малор. пошерхну́ти (стать шершавымъ), а также выше шара́хнуть, шара́хнуться (§ 24). **Шелохну́ть*, отсюда шелохну́ть, бѣлор. шоло́хаць, шолохну́цца (шатать, производить шелестъ), шело́хнуться: Арханг. (Подв.), ср. рядомъ шелну́ть и шо́лнуть: Сибир. (Даль), а также выше шала́хнуться (§ 24).

§ 34. Сочетанія *ar̄*, *al̄* передъ выпавшими впослѣдствіи *ъ* и *ь* (открытыми, а передъ *j*—закрытыми) переходили въ оры, олы. *Борыхма́ться* (сопротивляться): Порх. (Доп.), барыхма́ться (возиться): Псков. и Осташ. (Доп.) изъ *borhъ-màti sę, ср. бѣлор. боро́хтацца (бороться, возиться) и указанное въ § 24 бара́хтаться. *Ворызгну́ть* (ловко, сильно ударить): Ряз. (Доп., варызгну́ть), отсюда ворызга́ть (ѣсть по немногу): Пересл.-Влад. (Оп.), (ѣсть, хлебать съ жадностью): Псков. (Савицкій), заворы́згать (начать искать чутьемъ): Владим. (Доп.), заворызга́ться (заплескаться въ водѣ): Новгор. (Слов. Акад.), вары́згаться (пачкаться): Гжат. (Оп.), заварызга (грязная, неопрятная женщина): Мещов. (Чернышевъ) и др.; ср. вара́згать (§ 24), ва́рзгать (§ 4) и т. д. Сюда же хворы́здать (громко и скоро хлебать): Ворон., Сарат. (Доп.), съ приставнымъ хъ-. *Ворыхну́ть* изъ *vorhъ-nùti, отсюда бѣлор. вары́хнуць, вары́хаць, отглаг. частица вары́хъ (шатать), ворыхнуться (пошевелиться, удариться): Псков. и Осташ. (Доп.), ворыха́ть (кидать, класть безъ толку): тамъ же, ср. ворохну́ть (Даль), малор. зворохну́ти, великор. ворошúть, воро́хать: Олон. (Даль), а также *верёхать, вирёхать (ворочать, переворачивать съ силой): Великоуст. (Протопоповъ). * *Горыхну́ть*, отсюда горы́нить (то же, что выше, въ § 33, горонить): Даль [2]. **Колызну́ть*, отсюда колы́знуть (ударить): Петроз. (Кулик.); * колызну́ть восходитъ къ *kъlzъnùti, ср. бѣлор. ковзану́ць (ударить, толкнуть), польск. kiełznąć (взнуздать, укротить). **Корыхну́ть*, отсюда корыха́ть (нѣмо говорить): Черепов. (Герасимовъ), ср. кы́рхать (быть нездоровымъ): Опоч. (Оп.) по § 6, ка́рхать (болѣть): Осташ. (Доп.) по § 4, а также чешск. krchlati (кашлять).

Кочеры́жникъ, малор. кочери́жник при коче́ржник, коче́рник (мѣсто для кочерги), ср. кычаре́жникъ (уголъ гдѣ стоятъ кочерги, вилки и др.): Смол. (Солнцевъ). **Молызгну́ть*, отсюда умолы́згивать (торопливо ѣсть, скоро хлебать): Судог. (Мат. Ак. Н. № 25), ср. помо́лзовать (часто ѣсть): Кем. (Шешенинъ). *Молынья́* (молнія): Кадник. (Шахм.), Кирилл. (прогр. № 170), Бѣлоз. (прогр. № 158), Весьег. (прогр. №№ 122, 217), Муром. (прогр. № 100), Мышк. (прогр. № 71), Шенк. (прогр. № 83), Пошех. (Мат. Ак. Н. № 169), Осташ. (прогр. № 84); уже въ Радзивилл. спискѣ лѣтописи XV в. подъ 941 и 1024 гг. **молынна, молынья**; въ Задонщинѣ по списку Ундольскаго XVII в. № 632: **трепѣщоутся сѝнные молыньѝ** (л. 177, сообщено П. К. Симони); у Даля отмѣчено еще ворон. молы́нье съ перенесеннымъ удареніемъ. *Норыхта́ться* (набиваться): Руз. (Оп., нарыхта́ться), изъ *norhъtàti sę, ср. норохти́ться (собираться, порываться, храбриться, у Даля). *Полынья́*, сѣверно- и южновеликор., напр. Кунгур. (Бум. Срезн.), Арханг. (Шренкъ), полымья: Владим. (Розовъ), у Даля полыня́стая и полыньи́стая рѣка, ср. полонья́: Шенк. (Плечевъ), поланья́ (говоръ съ аканіемъ): Горбат. (Мат. Ак. Н., № 105), ср. малор. и донск. поло́нка (полынья), поло́нка, ополо́нка (небольшая прорубь): Колым. (Богоразъ), польск. płonia, płoń, płonka (прорубь), словенск. planja (чистое плоское пространство, мѣсто). *Полысну́ть* (разодрать, разорвать): Нижегор. (Добролюбовъ), располысну́ть (то же): тамъ же, ополысну́ть (ударить хлыстомъ): Вят. (Магницк.), располысну́ть (разорвать): Пенз. (Доп.), отсюда полы́снуть (сильно ударить): Волог. (Обнорск.), Екатеринб. (Ярковъ, Жив. Ст. IX, 529), ополыса́ть (сжечь, содрать кожу, лубъ): Вят. (Васн.) и т. д., ср. полосону́ть, полосова́ть, а также указанное выше (§ 28) бѣлор. пелесану́ць. **Полыскну́ть*, откуда полыска́ть (бить, ударять): Кашин. (Смирновъ), (рвать на части): Самар. (Садовниковъ, 177), исполыска́ть (изсѣчь розгами): Вят. (Васнец.), ср. полоска́ть (выжигать о пожарѣ): Псков. и Осташ. (Доп.), заполоска́ть (пойти полосами объ огнѣ, Слов. Акад.). *Полыхну́ть* (ударить, кинуть, Даль),

(вспыхнуть), полыхну́ло пламя: Болхов. (Сахаровъ), полыхну́ть изъ ружья: тамъ же, заполыхну́ть (захватить пламенемъ, пожаромъ), отсюда полыха́ть (пылать, жарко горѣть): Ворон. (Доп.), Симб. (Мотовиловъ), лампа полыха́етъ: Калуж. (В. Чернышевъ), заполыха́ть (Слов. Акад.) и т. д., см. выше (§ 24) пала́хнути. **Порыскну́ть*, отсюда порыскъ платье (разорвалъ), порыскъ въ рожу (ударилъ): Костром. (Груздевъ), ср. порскъ въ него полѣномъ: тамъ же, а также па́рскать (рвать) § 4, пы́рснуть (протнуть) § 6. **Солыпну́ть*, отсюда бѣлор. отглаг. частица соли́пъ (о высовываніи языка), а также съ перемѣной с на ц (ср. § 26) цалыпну́ць, цалыпа́ць, цали́пъ (хватить, цапнуть), выцали́пываць (выхватывать), ср. малор. ви́солопити (высунуть языкъ), солопи́ти, см. выше *селя́пнуть (§ 26), селепану́ць (§ 28). *Скорынья́*, ср. **оударилъ его сказыць за скорынью** въ Житіи Андрея Юрод. по прологу XIII в. (Св. и Зам. № 87, с. 176), ср. ст.-сл. **скранил**, древнерусск. **скоронымъ** въ Палеѣ XIV в., **скоронь** въ Жит. Андр. Юрод. *Толысну́ть* (сильно ударить): Псков. и Осташ. (Доп.), отсюда талы́скать (изнашивать платье): Орл. (Мат. Ак. Н. № 125), ср. выше тулу́спуть (§ 32) и тили́снуть (§ 31). **Торыкну́ть*, отсюда торыка́ть (будить, толкать): Симб. (Мотовиловъ), Вышневол. (Оп.), Самар. (Садовниковъ), Юрьев.-Владим. (Мат. Ак. Н. № 15), (бить торчмя сзади): Псков. и Осташ. (Доп.), подторыка́ть, подторы́кивать (подбивать): Пересл.-Владим. (Мат. Ак. Н. № 23) и т. д., ср. то́ркнуть, то́ркать, наторка́ть (уговорить): Болхов. (Горожанскій) и выше ты́ркнуть (§ 6), туру́кати (§ 32). **Торыжни́къ*, отсюда тары́жничать (торговать мелочью или старьемъ): Калуж. (Оп.), тары́жка (барышъ, прибыль, выгода): Наровч. (Оп.), ср. церковнославянск. торжни́къ, словенск. tržnîk и др. ** Столыпну́ться*, отсюда столыпа́тися (стоять толпами): Петроз. (Барсов. Прич. сѣв. края, I), ср. толпа́, толпи́ться, а также указанныя выше те́льпень (§ 8), телепе́га (§ 28). *Толыкну́ть*, толыкну́ться, столыкну́ться (толкнуть, столкнуться): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. толка́ть, малор. товко́нути, то́лнуть: Тихв. (Оп.), ср. выше те́вкати (§ 8). *Хворыстну́ть*,

отсюда охворы́снуть (ударить хворостиной, а также сказать непріятность): Шуйск. (Гарелинъ), ср. прохворости́ть (порядочно высѣчь): Гжат. (Мат. Ак. Н. № 159). **Холызну́ть*, отсюда холы́здать (шляться въ дверь взадъ и впередъ): Юрьев.-Влад. (Мат. Ак. Н. № 15), ср. хо́лзать (ходить взадъ и впередъ): Владим. (Доп.), холзыка́ть (скользить): Псков. и Осташ. (Доп.), (шататься, хлябать): Вят. (Оп.), малор. хо́взнути, хо́взати (скользить). *Шелыхну́ть* (тронуть, пошевелить): Псков. и Осташ. (Доп., шалыхну́ть), отсюда шелы́хнуться (шелохнуться): Осташ. (Доп.), шелыха́ть (колыхать): Арханг. (Доп.), Псков. (Савицк.), ср. шелохну́ть и выше шала́хнуться (§ 24), шелехну́ти (§ 28). ** Шерыкну́ть*, отсюда *шерыка́ть, шарыка́ть (шаркать: новая метла по двору шарыкаетъ): Боровск. (Чернышевъ). ** Шморыхну́ть* и *сморыгну́ть, отсюда смоpы́гнуть (толкнуть): Пересл.-Влад. (Мат. Ак. Н. № 24), шморыха́ть (тереть, шаркать ногами): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. малор. розшмо́ргнути (распоясать, снять кожу), шмо́ргнути (убѣжать), бѣлор. просморгну́ць (продѣть, протереть). ** Щелыкну́ть*, отсюда щелыка́ть (щелкать): Кашин. (Смирновъ), (дорого брать за что-нибудь): Княгин. (Мат. Ак. Н. № 101), щелы́чить (болта́ть, разговаривать): Вят. (Васн.), ср. щелкать, бѣлор. щовка́ць, що́вкнуць.

§ 35. Въ началѣ слова вмѣсто олы находимъ алы. Примѣръ. *Алынья́* (корова): Владим., Костром. (Оп.), ср. старослав. алънии. Вмѣсто ожидаемыхъ алы, ары видимъ нерѣдко еры, елы (см. § 37[2]), а также яры (§ 39[1]).

В. Смѣшанные типы.

§ 36. Кромѣ указанныхъ въ предыдущихъ §§ соотвѣтствій сочетаніямъ $\alpha\bar{r}$, $\alpha\bar{l}$, частью еще въ общерусскомъ языкѣ, частью уже въ позднѣйшую эпоху, послѣ распаденія его, возникали и другія сочетанія, какъ слѣдствіе вліянія замѣстителей αr, αl съ краткими r, l на замѣстителей αr, αl съ долгими r, l, т. е. сочетаній ар, ул, ыр, ел, ир и т. д. на сочетанія ара́, улу, ири, еле,

оры и т. д. Кромѣ того, эти послѣднія сочетанія подвергались вліянію сочетаній ор, ол, ер, прямыхъ замѣстителей ър, ъл, ьр, и оро, оло, ере — замѣстителей ор, ол, ер. Вліянія эти зависѣли отъ того, что тѣ и другія сочетанія были извѣстны въ различныхъ формахъ одного и того же слова и даже въ тожественныхъ формахъ. Остановлюсь сначала на вліяніи ор, ол, ер и оро, оло, ере на сочетанія, возникшія вслѣдствіе третьяго полногласія; затѣмъ перейду къ вліянію, оказанному на послѣднія сочетанія, со стороны формъ съ ар, ул, ыр и т. д. Первое изъ этихъ вліяній сказалось на замѣнѣ первой гласной въ полногласныхъ сочетаніяхъ гласною *о* или *е*; второе — на замѣнѣ этой же первой гласной гласными *а*, *у*, *и*, *ы*.

§ 37. Примѣры замѣны сочетаній ара́, ала́ сочетаніями ора́, ола́. *Будора́жить*: Новгор. (Соловьевъ), взбудора́жить: Волог. (Оп.), Яренск. (Титовъ), ср. будоро́жить: Тихв. (Оп.); болѣе обыкновенно будара́жить, бутара́жить (§ 24). *Гола́вль* (рыба Cyprinus Dobula), гола́въ: Зубцов. (прогр. № 108), гала́вь: Козлов. (прогр. № 135), ср. рядомъ форму голо́вль (Даль), го́лоль (вм. головль): Псков. (Доп.), малор. го́ловль (Squalius Dobula) и го́лубель (Leuciscus Dobula), которое едва ли не вмѣсто *го́лыбель, какъ того требуетъ § 23 [1]); ср. еще параллельное образованіе: великор. голо́вень (Даль), бѣлор. голове́нь, малор. го́ловень. *Хора́брый* въ нашихъ былинахъ вмѣсто болѣе обыкновеннаго хоро́брый. — Примѣры замѣны сочетаній уру, улу сочетаніями ору, олу. **Ворухну́ть*, отсюда бѣлор. повору́хнуцца (повернуться нечаянно), воруха́ць (искать въ головѣ), малор. воруши́ти и ворушѝти, ворушня́, ворухли́вий, заворуши́тися, зворуши́ти; великор. воруша́ть (трогать): Юрьев.-Влад. (Мат. Ак. Н. № 15). **Долубну́ть*, отсюда бѣлор. долуба́ць (долбить, колупать), ср. довби́ць, малор. довба́ти. **Корубну́ть*, отсюда малор. закору́блий (окоченѣвшій, оцѣпенѣвшій), заскору́бить (нѣсколько, немного под-

1) Подобную же замѣну о́лы (указаннаго въ § 23 происхожденія) черезъ о́лу находимъ въ го́лубецъ: Осин. (Богоявленскій) и др. при го́лбецъ (подполье): Осин. (Богоявленскій); также въ бо́лузни (мозоли): Заонеж. (Пѣвинъ).

мерзнуть): Росл. (Оп.), ср. заскоро́бить (сдѣлаться жесткимъ, затвердѣть): Тихв. (Оп.), а также выше кара́бить (§ 24). *Солупну́ць* (высунуть языкъ, лизнуть), бѣлор., отсюда бѣлор. солу́пъ (отглаг. частица), высолупа́ць, вы́солупиць, а также цолу́пнуть (ударить): Петроз. (Кулик.), ср. выше цалы́пнуць (§ 34). **Корузну́ть*, *скорузну́ть, отсюда малор. закору́злий (окоченѣвшій, оцѣпенѣвшій), заскору́злий (сбивчивый, безтолковый), скору́житися (затвердѣвать, сморщиваться), великор. заскору́знуть (загрубѣть): Кашин. (Смирновъ), (сильно засохнуть, затвердѣть): Холмск. (Оп.), заскору́злый (затвердѣвшій, засохшій): Твер. (Оп.), (грязный): Псков. и Осташ. (Доп.), скору́зликъ (соплякъ): Псков. и Осташ. (Доп.), оскору́злый (засохлый): тамъ же; ср. корзова́тый (неровный, шероховатый, рябой): Сѣверн. (Даль), корза (очень рябой): Заонеж. (Пѣвинъ). * *Шморугну́ть*, отсюда малор. швору́жити вм. *шмору́жити (тереть), ср. обшмо́ргати (снять кожу) и выше *шморыхну́ть, *сморыгну́ть (§ 34).

§ 37[1]. Примѣры сочетаній ери, ели вмѣсто ири, или недостовѣрны. *Телипну́ть* (щипнуть): Осташ. (Доп.), утелипа́ть (уйти): Порхов. (Доп.), *опели́скивать* (опелёсывать, ѣсть не говоря ни слова): Псков. и Осташ. (Доп.) могутъ читаться и съ *или*, въ виду совпаденія е и и въ неударяемомъ слогѣ въ псковскихъ говорахъ. — Примѣръ замѣны сочетанія ѣлѣ черезъ елѣ. **Тельскну́ть*, отсюда малор. втели́щити (втащить), утели́щити (втюрить, влить, всыпать), тели́щити (нести съ трудомъ), ср. выше толысну́ть (§ 34).

§ 37[2]. Въ началѣ словъ еры, елы обыкновенно замѣняютъ ожидаемыя, согласно § 35, алы, ары. Примѣры. *Ерыкну́ть* (ударить): Моск. (Слов. Акад.), отсюда ерыка́ть (сквернословить, а также хлестать): Псков. (тамъ же), еры́чить (бить, колотить): Старорус. (тамъ же), проерыкался (промотался): Оренб. (Лосіевскій) ср. еркну́ть, еркону́ть (ударить, стегнуть), сербск. р̀кати, р̀кнути (храпѣть); см. § 9. **Ерызну́ть*, отсюда ерызнуть (сильно ударить, огрѣть): Наровч., Тамб., Вят. (Слов. Акад.), ерызнуться

(упасть, Даль), ср. ерзну́ть, ёрзнуть (быстро двинуться), ерзану́ть (ускользнуть, ударить): Ряз. (Слов. Акад.), ёрзать, ёрзаться. *Ерыхну́ть* (ударить, Даль), отсюда еры́хнуть, ерыха́ть (Слов. Акад.). **Елызну́ть*, отсюда елы́знуть (ударить), елы́згать (ударять): Вят. (Слов. Акад.), ёлзать (ползать, елозить): Перм., Твер. (Слов. Акад.), елзыка́ть (подаваться впередъ): Вят. (тамъ же).— Равнымъ образомъ находимъ въ началѣ словъ ери, ели, елу вмѣсто ожидаемыхъ ири, или, улу. Примѣры. *Ерика́ть* (голосить): Новотор. (Слов. Акад.), ср. выше ерыка́ть; ерика́ть изъ формы *ерикну́ть, *ерикни́. *Ели́знуть* (ударить): Симб. (Слов. Акад.), ср. выше елы́знуть; ели́знуть изъ *елизни́. **Елузну́ть*, отсюда елузга́ть, елу́згать, елу́зить (царапать, дѣлать полоски на полу или столѣ): Яренск. (Слов. Акад.), ср. елы́знуть, елы́згать.

§ 38. Примѣры сочетаній ару, алу и ары, алы вмѣсто уру, улу и оры, олы. **Варугну́ти*, отсюда малор. вару́цкати (марать, гадить), обвару́цкати, ср. вара́чкать (пачкать): Кашин. (Смирновъ), (худо писать): Пошех. (Мат. Ак. Н. № 169), вара́чкаться (путаться въ какомъ-нибудь дѣлѣ): тамъ же, а также вара́каться (пачкаться): Гжат. (Оп.), вара́кать (дѣлать что-нибудь неудачно или неуспѣшно): Княгин. (Мат. Ак. Н. № 101); ара̀ вм. ър согласно § 24. **Гаружни́ути*, отсюда малор. гару́катися (браниться), ср. га́ркатися (то же), а также выше га́ркать (§ 4). **Карубну́ти* и *скарубну́ти, отсюда малор. заскару́бнути, заскарубі́ти (затвердѣть), пошкару́бнути (покрыться корою), ср. *корубну́ть (§ 37), а также малор. заска́рблий (Слов. Желех.). **Шкалубну́ть*, отсюда малор. шкалу́бати (ковырять), шкалу́бина (дыра, щель, трещина), скалу́ба (трещина), ср. малор. зашколо́битися (занозить себя), ска́лка вм. *ска́лбка (заноза); едва ли не сюда же малор. ска́бка (заноза), то же въ Судж. и Росл. (Оп.), заска́бить (занозить): Росл. и Судж. (Оп.); скаб вм. skaѢ, согласно § 11; ср. еще ска́лба (береста, кора): Великол., Опоч., Холмск. (Оп.). — *Барыхма́ться* (бороться съ кѣмъ-либо, возиться): Петроз. (Кулик.), ср. выше борыхма́ться (§ 34). **Варызну́ть*, отсюда заварыз-

гать (запачкать): Петергоф. (Слов. Акад.), варызга́ть (ѣсть скоро): Новгор. (Соловьевъ), вары́знуть (вспыхнуть гнѣвомъ): Владим. (Лебедевъ), ср. заварзы́кать (запачкать): тамъ же. **Гарыкну́ти*, отсюда малор. гари́кати (кричать, бранить), ср. выше гару́катися, а въ § 4 га́ркать. **Марыкну́ти*, отсюда малор. марикува́ти собі (жаловаться), ср. морокува́ти (ворчать), бѣлор. мороковаць (роптать, жить незавидно), великор. мороковáть (понимать, смыслить), а также малор. мо́ркнути (проворкотать) и ми́ркнути (проворчать), бѣлор. промы́ркнуць (пробормотать), (по § 6), великор. шу-ма́ркать (§ 4). **Палыскну́ть*, отсюда палыса́ть (рвать, раздирать): Тихв. (Оп.), (драть, сѣчь): Великоуст. (Протопоповъ), отпылыса́ть (то же): тамъ же, палы́снуть (ударить): Вят. (Оп.), ср. полыснýть (§ 34). **Палыскну́ть*, отсюда палыска́ть (сильно горѣть): Перм. (Оп.). **Сарыкну́ть*, отсюда пересары́чить (слишкомъ много накласть): Старорусск., Осташ. (Доп.), пересары́чить (ударить): Нерех. (Оп.), ср. выше сурукнýть (§ 32) и ниже сурыкнýть (§ 39). ** Чубарысну́ть*, ** хабарысну́ть, отсюда чибары́снуть (ударить): Перм. (Волеговъ), хабары́снуть (стукнуть, ударить, упасть): Соликам. (Словцовъ), ср. шеберсти́ть (щекотать): Шуйск. (Гарелинъ), шеборско́й (бойкій, развязный): Покров. (Мухановъ), шаборсти́ть (шарить, трогать): Пошех. (Мат. Ак. Н. № 169). **Чубарыхну́ть*, отсюда чубары́хнуть (броситься съ неосторожностью въ воду): Старорусск. (Мудролюбовъ), ср. чубара́хнуть (§ 24).

§ 39. Примѣры сочетаній ура́, уры, улы, ури вмѣсто ара́, оры, олы, ири. *Будура́жиць*, взбудура́жиць (возмущать, пробуждать), бѣлор., ср. выше будара́жить, бутара́жить (§ 24). *Гура́ститься* (грустить): Яросл. (Мат. Ак. Н.), ср. сербск. гр̏стити се, згр̏штити се (тошнить). *Кура́хтаться* (быть неповоротливымъ, непроворнымъ): Псков. (Савицкій), кура́хта (неповоротливая, также больная женщина): тамъ же, ср. куро́хтаться вмѣсто *коро́хтаться (ворочаться и стонать, о ребенкѣ): Мещов. (Черныш.), а также выше корыха́ть (§ 34), ка́рхать (§ 4), кы́рхать (бо-

лѣть): Осташ. (Доп.). *Чебура́хнуть* (кинуть, бросить): Бѣжецк. (Оп.), Шуйск. (Гарелинъ), (упасть): Псков. (Савицкій), чебура́хъ (свалился, упалъ): Нижегор. (Мат. Ак. Н. № 102), чибура́хнуть, чибура́хъ: Псков. и Осташ. (Доп.), чибура́хнуть (упасть): Кунгур. (Бум. Срезн.), чубура́хнуть (брякнуть): Кур. (Мат. Ак. Н. № 88), (упасть): Онеж. (прогр. № 41), чухъ-чубурахъ (коекакъ, не думавши): Козлов. (прогр. № 135), чипура́хнуть вм. чибура́хнуть (тамъ же), ср. выше чебара́хнуть (§ 24). — *Бурыхма́ться* (бороться): Псков. (Доп.), ср. выше борыхма́ться (§ 34). *Буры́хтать* (часто окунаться или болтаться въ водѣ): Тамб. (Оп.), ср. бара́хтаться (§ 24). * *Вурызну́ть*, отсюда вурыздать (поспѣшно хлебать): Наровч. (Оп.), ср. варыздать (то же): Тамб. (Оп.) и ворызгну́ть (§ 34). *Сурыкну́ть* (толкнуть, нечаянно ударить): Валд., Псков. и Осташ. (Доп.), подсурыкивать (подзадоривать): Новгор. (Лавровъ, Ж. С. V, 381), ср. выше сурукну́ть (§ 32) и *сарыкну́ть (§ 38). **Тулысну́ть*, отсюда тулы́снуть (ударить): Осташ. (Доп.), ср. толысну́ть (§ 34). **Турыкну́ть*, отсюда турыка́ть (понукать): Псков. и Осташ. (Доп.), растурыка́ть (разбудить): Кашин. (Оп.), растурыкивать (заниматься пустословіемъ): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше туру́кать (§ 32), торыка́ть (§ 34). **Чебурыхну́ть*, отсюда чебурыхнуть (опрокинуться): Тобол. (Оп.), ср. выше чебура́хнуть. * *Шмурыхну́ть*, * смурыкну́ть, * смурыгну́ть, * шмурыгну́ть, *чмурыхну́ть, отсюда шмурыха́ть (тереть, шаркать ногами): Псков. и Осташ. (Доп.), шмурыгать, ошмурыгать, прошмурыгать (тереть, вытирать): Обоян., Псков. и Осташ. (Доп.), смурыгать (тереть жесткимъ): Тамб. (Оп.), смурыжить (ощипывать что-нибудь разомъ): Ельн. (Филоновъ), обсмурыжиться (измочалиться): Уржум. (Магницк.), смурыка́ть (то же): Вышневол. (Оп.), чмурыха́ть (стирая бѣлье, тереть его): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. шморыха́ть, сморы́гнуть (§ 34). — Примѣръ для сочетанія ури вм. ири. **Чебурихну́ть*, отсюда чибури́хнуть, чибури́хъ, чипурихнуть: Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше чебура́хнуть и чебурыхнуть.

§ 39[1]. Примѣры для сочетаній юры, яры вм. еры въ началѣ слова. *Юрыкну́ть* (толкнуть, ударить): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. ерыкну́ть (§ 37[2]). **Ярыскну́ть*, отсюда ярыскнуть (скрыться, убѣжать): Черепов. (Герасимовъ), ср. ёрскать (ударять, стегать): Вытег. (Кулик.), (скоблить, чистить): Вытег. (Филим.), а также выше ю̀снуть (§ 16).

§ 40. Примѣры сочетаній ылу, ыры, ыри, ыли, ылѣ вмѣсто улу, оры, ири, или, ѣлѣ. **Сылупну́ть*, отсюда цылупа́ть (кушать): Владим. (Оп.), цылупайте (кушайте): Владим. и Судог. (Мат. Ак. Н. № 19), ср. выше солыпнуть, цалы́пнуць (§ 34).— **Вырызну́ть*, отсюда хвырыздать (ѣсть): Сарат. (Оп.), ср. хворы́здать (громко и скоро хлебать): Ворон., Сарат. (Доп.), хворызда́ть: Псков. и Осташ. (Доп.), нахварыздаться (наѣсться): Тамб., Осташ. (Оп.), фары́скать (ѣсть): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше ворызгну́ть (§ 34), вурыздать (§ 39), ва́рзать (§ 4); сюда же относится, конечно, ковы́рыздать (кое-какъ плести лапти или шить): Юрьев.-Владим. (Мат. Ак. Н. № 15), ср. ва́рзгать въ значеніи пачкать, марать, варза́ть (дѣлать что-либо неопрятно): Новолад. (Доп.), варза́ться, варза́каться (дѣлать что-нибудь неуспѣшно и неудачно): Княгин. (Мат. Ак. Н. № 101), а также ко́верзни (плохо сплетенные лапти): Псков. (Савицк.), кывярзе́нь (родъ лаптя): Смоленск. (Солнцевъ). ** Вырыхну́ть*, отсюда вырыха́ть (говорить пустое): Судог. (Мат. Ак. Н. № 25), ср. ворыха́ть, наворыха́ть (кидать, класть безъ толку): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. § 34. **Тырыкну́ть*, отсюда тырыка́ть (будить): Новотор. (Оп.), тыры́кать (пустословить, врать): Вят. (Даль), тырыкать (постоянно ругаться): Яренск. (Куклинъ), тырыку́нья (ворчунья): тамъ же, натырыкать (научить, наставить на путь): Ряз. (Ловцовъ), ср. выше тара́кати (§ 24), турыка́ть (§ 39). **Цырыкну́ть*, отсюда цырыка́ть (нарѣзывать черточки, писать царапая): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. бѣлор. цы́ркать (доить), отцыркну́ць (отдоить), выцы́ркиваць (выдаивать), а также церкать (доить): Болхов. (Сахаровъ), малор. це́ркати, ви́-

церкати (доить, выдоить). *Чубырыхну́ть, отсюда чупырыхъ въ ноги: Нерч. (Мат. Ак. Н. № 181), ср. чебура́хнуть, чебурыхнуть (§ 39).—*Сырикну́ть, отсюда усыри́кивать (бѣжать, скоро идти торопясь): Пинеж. (Пругавинъ), ср. усы́ркивать (идти скорымъ шагомъ): Арханг. (Доп., Михайловскій), а также выше сурукну́ть (§ 32), сурыкну́ть (§ 38). *Тылисну́ть, отсюда тыли́снуть (сильно ударить): Сарат. (Оп.), ср. толы́снуть и др. (§ 34). — *Пылъсну́ти, отсюда малор. опилиса́тися (привязываться), ср. впелеси́тися (привязаться), а также выше полысну́ть (§ 34) и ниже упелю́скатися (§ 45). *Тылъпну́ти, отсюда тиліпа́тися (шататься, качаться, напр. у Квитки I, 182), ср. выше теле́пнути (§ 28).

§ 41. Кромѣ того, смѣшанные типы возникали вслѣдствіе вліянія сочетаній ал, ар, ул, ур, ир, ил и т. п. на сочетанія перваго и второго полногласія—оро, ере. Я могу указать на случаи, гдѣ а́ло, въ результатѣ указаннаго вліянія, замѣняло о́ло. *Па́ломінь*, малор. (Слов. Желех.) при и вмѣсто по́ломінь, очевидно, подъ вліяніемъ *па́лмя (по § 4). *Та́ломить* (твердить, повторять одно и то же): Уржум. (Магницкій); та́ломить вм. *то́ломить, а это подъ вліяніемъ *толомова́ть изъ *tɑlmováti (по § 33); ср. тълмвъ толми́ть (толковать, объяснять, твердить): Даль; та́ломить предполагаетъ *та́лмать (по § 4). — Сюда же относится, вѣроятно, *ма́лонья*, вмѣсто чего читаемъ ма́ланья: Волог. (Макаровъ, Опытъ простонароднаго словот., гдѣ приводится и поговорка: «Мала́ньи (т. е. Меланіи) молоть, а ма́ланьѣ жечь, ужъ такое дѣло и дива нѣтъ!»); ма́лонья замѣнило мо́лонья подъ вліяніемъ *ма́лна, ср. мо́лна: Онеж. (Подв.), которое явилось по § 4.

§ 42. Наконецъ, рядъ новыхъ смѣшанныхъ сочетаній обязаны происхожденіемъ взаимному вліянію различныхъ сочетаній, появлявшихся въ силу закона о третьемъ полногласіи. Съ одной стороны, палатальное произношеніе *р*, *л* передавалось изъ однихъ сочетаній въ другія: такъ ара́, ала́ (§ 24), улу (§ 32), олу (§ 37), алу, ару (§ 38) переходили въ аря́, аля́, улю, олю,

алю, арю подъ вліяніемъ сочетаній ере, еле, ири, или; съ другой стороны, изъ однихъ сочетаній въ другія могла передаваться палатальность предшествующихъ имъ согласныхъ: такъ вмѣсто ура́ (§ 38) являлось юра́ подъ вліяніемъ ере, ири. Кромѣ того, въ нѣкоторыя сочетанія проникала палатальность какъ предшествующей согласной, такъ и плавной: вмѣсто уру, улу являлись юрю, юлю, рядомъ съ ерю, елю, гдѣ видимъ еще большее приближеніе къ ере, еле. Наконецъ, вмѣсто еля́ (§ 26) являлось юля́.

§ 43. Примѣры сочетаній аря́, аля́ вмѣсто ара́, ала́. *Баля́кать* (говорить много и несвязно): Шадр. (Третьяковъ), ср. выше (§ 24) бала́кать. *Галя́кати* (кричать на кого-нибудь), малор., ср. гала́чить (браниться): Нерех. (Оп.), малор. загала́катися (заболтаться), а также га́льчать (говорить): Арх. (Оп.), гдѣ ал по § 4, откуда и га́лчить (кричать): Бобров. (Оп.); ср. еще го́лчить (говорить, разсказывать): Кирилл. (Мат. Ак. Н. № 113), Бѣлоз. (тамъ же, № 111),голчѣть (кричать): Чухлом. (Оп.) и др. **Гаря́кнуть*, отсюда горя́нить (отзываться горечью, горьчить): Петерг. (Буличъ), ср. выше горы́нить (§ 34), горо́нить (§ 33) и сербск. гр̏кнути. *Каря́бать* (чесать, царапать): Петроз. (Кулик.), Скоп. (Будде), скаря́бать (царапать): Рыл., Судж. (Оп.), оскаря́бнуть (оцарапнуть): Рыл. (Оп.), оскаря́бать (оцарапать): Мещов. (Черныш.), оскаря́блый (засохшій): Псков. и Осташ. (Доп.), шкаря́бать (царапать): Обоян. (Доп.); палатализація проникла изъ случаевъ какъ черя́бать (царапать): Морш. (Оп.), чиря́бать: Холмск. (Оп.), Скоп. (Будде), чаря́баться: Боровск. (Черныш.), гдѣ еря́ явилось по § 25; ср. кара́бить (§ 26), заскару́бнути (§ 38); въ раскоря́бина (кривое дерево): Молож. (Мат. Ак. Н. № 167) ора́ замѣнило аря́ такъ же, какъ ора́ замѣняло ара́ (§ 37). *Скаля́бать* (изогнуть): Псков. и Осташ. (Доп.), оскаля́бина (неуклюжій, неповоротливый человѣкъ): Петроз. (Кулик.), скаля́бина (прыщикъ): Руз. (Оп.), каля́ба (калѣка, человѣкъ съ физич. недостаткомъ): Симб. (Орловъ); скаля́бать вм. ожидаемаго

*скала́бать, ср. выше шкалу́бати, шкалу́бина (§ 38); вліяніе шло отъ *щелеб-. *Царя́пать* (царапать): Сарат. (Шахм.), ср. цара́пать, цара́пкать: Яросл. (Мат. Ак. Н. № 168), малор. розцара́пати; явилось подъ вліяніемъ *черя́пать (которое согласно § 25), ср. чаря́пать: Боровск. (Черныш.), малор. ви́чарапатися (выкарабкаться), гдѣ обратно ара замѣнило еря, ср. еще цира́пать: Пенз., Сарат. (Оп.).

§ 43[1]. Примѣры сочетаній улю, олю вмѣсто улу, олу. **Гулюкну́ти* вм. *гулукну́ти, отсюда малор. гулю́кати (кричать на кого-нибудь), загулю́кати (оглушить крикомъ), ср. выше галя́кати. **Голюкну́ти* вм. *голукну́ти изъ *гулукну́ти, отсюда малор. голю́кати (кричать на кого-нибудь), ср. предыдущее.— Примѣръ для сочетанія арю вмѣсто ару. **Гарюкну́ти* вмѣсто *гарукну́ти, отсюда малор. гарю́катися (ссориться, спорить) при гару́катися (то же) и гари́кати (бранить, кричать), см. § 38.

§ 44. Примѣръ замѣны сочетанія ура́ сочетаніемъ юра́. *Протюра́хаться* (промотаться, проиграться): Орл. (Мат. Ак. Н. № 124), ср. търх- въ подторха́ться (подобрать платье): Арханг. (Доп.), подторну́ться (поднять, поправить платье): Устюжн. (АГО.), тьрх- въ истерха́ться, отерха́ться (обноситься): Нижегор. (Доп.), отерьха́й (неопрятный, въ изодранной одеждѣ человѣкъ): Соликам. (Словцовъ), отерхо́тникъ (имѣющій разорванную одежду): Руз. (Оп.); сюда же относятся, конечно, малор. ти́рхати (разбрасывать), ти́рхавіти (худѣть, ослабѣвать), гдѣ ыр изъ формы *ты́рхнуть по § 6.

§ 45. Примѣры замѣны сочетаній уру, улу сочетаніями юрю, юлю. *Растюрюха́ться* (небрежно распустить на себѣ одежду): Обоян. (Оп.), ср. протюра́хаться (§ 44). *Тюлюпа́ть* (хлебать): Княгин. (Мат. Ак. Н. № 101), бѣлор. зацеле́пываць, зацелепну́ць (съ мягкимъ ц, зачерпывать) ср. цылупа́ть (кушать) по § 40 вм. цулупа́ть, и сдѣланное въ § 26 замѣчаніе о смѣшеніи корней сълп- и тълп-.

§ 45[1]. Примѣры замѣны сочетаній юрю, юлю сочетаніями ерю, елю. **Телюскнýть*, отсюда малор. телю́скатися (привязываться), втелю́скатися, упелю́скатися (привязаться, прицѣпиться), опелю́скивать (ѣсть не говоря ни слова): Псков. и Осташ. (Доп.), опелю́щивать (ѣсть съ жадностью): Бѣжецк. (Оп.), ср. малор. впелеси́тися (привязаться), опили́скивать (ѣсть съ жадностью): Волог., Тул. (Оп.), опелёсывать (ѣсть не говоря ни слова): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше полыснýть (§ 34), пелесанýць (§ 28), малор. опилиса́тися (§ 40) и др. **Телюпнýть*, отсюда телюпа́ть грязь (мѣсить грязь, вязнуть): Владим. (Доп.), малор. телю́патися (шататься, трястись), ср. теле́патися въ томъ же значеніи (§ 28); тилюпа́ть (съ и вм. е, ѣсть понемногу): Моск. (Черныш.); относится къ указанному выше въ § 45 тюлюпа́ть, цылупа́ць. **Телюскнýть*, отсюда малор. телю́щити (обильно испражняться) у Шейковскаго, втелю́щити (утащить), втелю́щувати (вдалбивать, вбивать въ голову), ср. прежде всего втели́щити (втащить), тели́щити (обильно испражняться, а также тащить, нести съ трудомъ) у Шейковскаго же (ср. § 37[1]), а также толыснýть (§ 34), тулýснуть (§ 32). *Отерюха́ться* (обноситься): Обоян. (Доп.), ср. выше растюрюха́ться и въ § 44 протюра́хаться.

§ 45[2]. Примѣръ для сочетанія юля́ вм. еля́. *Тюля́шить* (идти неповоротливо): Череп. (Доп.), ср. телеши́ть (то же): тамъ же (§ 28), а также ниже удвоенную основу телелях- (§ 48).

III. Удвоенныя основы съ третьимъ полногласіемъ.

§ 46. Общерусскій языкъ, въ числѣ прочихъ весьма многочисленныхъ основъ съ удвоеніемъ коренной части, получилъ изъ общеславянскаго языка удвоенныя основы съ слоговыми r и ĺ: общеслав. tъr̥- tъr̥xati, tъl̥-tъl̥snǫti, а также съ сочетаніями or̄, ol̄ и т. д.: por̄-por̄xati. Отсюда въ общерусскомъ tъrtъrxati, tъĺ-tъĺsnuti, por̄por̄xati. Въ образованіяхъ какъ tъrtъr̄xъ̆nuti, tъĺ-tъl̄xъ̆nuti, por̄por̄xъ̆nuti долгія r, ĺ, согласно предыдущему, могли сокращаться подъ вліяніемъ такихъ образованій какъ tъrxъ̆nǔti,

tъłxъnùti, połxъnùti. Сокращаясь, r̄ и ł̄ переходили въ ṛ, ḷ, а предшествующія гласныя въ ạ; затѣмъ сочетанія ạṛ, ạḷ измѣнялись въ ar, ał. Такъ получились tъrtarxъ̯nuti, tъłtałxъ̯nuti, połpałxъ̯nuti и т. д.; въ первой части этихъ сложеній tъr, tъł, poł замѣнялись черезъ tar, tał, pał подъ вліяніемъ второй ихъ части. Слѣдовательно, указанныя формы переходили въ tartarxъ̯nuti, tałtałxъ̯nuti, pałpałxъ̯nuti. Какъ и простыя основы, удвоенныя измѣнялись въ двоякомъ направленіи: или плавныя сохранялись въ нихъ краткими, или онѣ удлинялись подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, какъ tъr̄xъ̯nuti, tъł̄kъ̯nuti, poł̄xnuti и poł̄xъ̯nuti.

§ 47. Удвоенныя основы съ краткими плавными измѣняли ał, ar подъ удареніемъ въ ал, ар, ул, ур, ел, ер, ир, ил и т. д. въ зависимости отъ гласной, слѣдовавшей за второю частью сложенія (ср. § 3). Сочетанія ar, ał въ первой части сложенія, ассимилируясь слѣдующему слогу, переходили вслѣдъ затѣмъ тоже въ ал, ар, ул, ур, ел, ер, ил, ир и т. д. Такимъ образомъ, вмѣсто tartàrxati, pałpàłxati, tałtàłknetь и т. д., явились *тарта́рхати, *палпа́лхати, *телте́лхнеть. Въ этихъ типахъ согласная въ началѣ второй части сложенія исчезала или, быть можетъ, она ассимилировалась предшествующей плавной. Такъ явились *тара́рхати, *пала́лхати, *теле́лхнеть. Примѣры, подтверждающіе подобныя измѣненія. *Пала́вхати*, малор., т. е. пала́лхати (пылать, Слов. Желех.), ср. выше пала́хнути (§ 24), полыхну́ть (§ 34), а также па́вхати вм. па́лхати (§ 4). *Хала́вкати*, малор., т. е. хала́лкати (жадно проглатывать), прохала́вкнути (жадно проглотить), ср. ха́лкать (жадно ѣсть, уплетать, глотать цѣликомъ): Волог. (Даль), наха́лкался (напился): Красноуф. (прогр. № 137), бѣлор. ха́вкаць, сха́вкаць (хватать ртомъ, быстро глотая), вы́хавкаць, вы́хавкнуць (выпить залпомъ); ср. также польск. chełkać (плакать всхлипывая). **Телелхнеть*, отсюда *телелхнути, малор. теле́вхати (бросать съ силой на землю), ср. те́вхати (по § 8, въ томъ же значеніи), а также теле́хнути (по § 28; сильно стукнуть), телеши́ть (идти неповоротливо): Череп. (Доп).

§ 48. Удвоенныя основы съ долгими плавными измѣняли $\alpha\bar{r}$, $\alpha\bar{l}$ во второй части сложенія въ ара́, уру, или, олы и т. д. въ зависимости отъ условій, указанныхъ въ §§ 22 и слѣд. Сочетанія αr, αl первой части сложеній переходили, сообразно съ только что указаннымъ въ предыдущемъ §, въ ар, ур, ил, ол и т. д., въ зависимости отъ гласныхъ второй части сложеній. Такъ являлись *тартара́хнути, *телтеля́хнути, *тилтилисну́ть и т. п. Отсюда, вслѣдствіе выпаденія согласной въ началѣ второй части сложенія или ассимиляціи ея предшествующей плавной, получались: тарара́хнути, телеля́хнути, *тилилисну́ти и т. д. Примѣры такихъ измѣненій. *Тарара́хнути*, малор. и великор. (тарара́хнуть, напр. Орл., Тамб., Моск.), тарара́хнуться (упасть): Кирилл. (арх. Антоній), Мещов. (Черныш.), ср. тара́хнуть (§ 24). *Тарара́кати* (повторять одно и то же), малор., ср. угрорусск. тара́кати (болтать), тара́кать (болтать): Тул., Орл. (Даль). *Заталала́кать* (заговорить часто): Кологрив., Варнав. (Оп.), сюда же толола́кать (пустословить): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. толо́чить и толочи́ть (балясничать): тамъ же, а также толкова́ть, толкъ и т. д. *Таля-ля́кать* (говорить для препровожденія времени): Осинск. (Богоявленскій), ср. предыдущее слово. *Встелеля́хнуть*, встелеля́хивать (побѣжать): Сарат. (Доп.), встелеля́хивать (довольно скоро бѣжать): Сарат., Симб. (Оп.), телеля́шить (ходить далеко пѣшкомъ): Волог. (Иваницкая), втелеля́шить (пуститься въ бѣгъ): Кадник. (Н. Поповъ), (втащить въ грязь, въ болото): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. тюля́шить вм. *теля́шить (идти неповоротливо): Череп. (Доп.), а также малор. теле́хнути (стукнуть, сильно ударить), бѣлор. товха́ць, малор. што́вхати. **Телелехну́ть*, непосредственно изъ формы *телелехне́ть, отсюда *стелеле́шивать, вмѣсто чего, послѣ диссимиляціи между обоими л, стерелешивать (бѣжать, ср. «гли, баба-то какъ стерелешиватъ!» у Рѣшетникова, Подлиповцы, изд. Павленкова 1890 г., I, 46), ср. телеши́ть (идти неповоротливо): Череп. (Оп.), § 28, а также предыдущее слово. **Тилилисну́ть*, непосредственно изъ формы тилилисни́, отсюда тилили́снуть (ударить): Кашин. (Смирновъ),

(украсть): Петроз. (Кулик.), ср. тили́снуть (§ 31). **Турурукну́ть*, отсюда малор. туруру́кати (повторять одно и то же, а также ворчать, шумѣть), ср. выше тарара́кати. **Тололыкну́ть* (изъ *толтолыкну́ть), отсюда тололы́кать (пустословить): Псков. и Осташ. (Доп.), ср. выше заталала́кать.— Вмѣсто оры, олы находимъ иногда ары, алы, отсюда арары, алалы (ср. § 38). Примѣры. *Тарары́кать* (пустословить): Тихв., Вышневол. (Оп.), ср. выше тарара́кати, туруру́кати. *Салалы́чить* (ябедничать, сплетничать), отсюда и салалы́ка (ябедникъ, сплетникъ): Верейск. Оп.), ср. подсалы́чивать (подзадоривать): Псков. и Осташ. (Оп.): *сълк- едва-ли не подъ вліяніемъ *тълк-, ср. выше *сълп- при *тълп-; алы, алалы въ этомъ и предыдущемъ словѣ, быть можетъ, обязано аканію.

Въ слѣдующей и послѣдней главѣ настоящаго изслѣдованія я предполагаю дать систематическій обзоръ тѣхъ измѣненій, которымъ подверглась каждая изъ разсмотрѣнныхъ, а также и опущенныхъ въ предшествующемъ очеркѣ, но относящихся сюда основъ. Здѣсь же рѣшаюсь вернуться еще разъ къ вопросу, почему въ русскомъ языкѣ осталось сравнительно мало слѣдовъ второго полногласія, почему въ большинствѣ говоровъ, а частью и во всѣхъ вытѣснены такія формы, какъ *волок вмѣсто вълкъ, *гороб вм. гърбъ, *чорот вм. чьртъ и т. п. Одна изъ причинъ указана выше: она лежитъ въ томъ различіи между удареніями полногласныхъ и неполногласныхъ формъ, которое было слѣдствіемъ отпаденія или выпаденія ъ, ь. Другая причина можетъ быть слѣдующая. Краткость плавной косвенныхъ падежей вызывала сокращеніе плавной въ именительномъ въ словахъ какъ vъl̄kъ̯, gъr̄bъ̯, čьr̄tъ̯ и т. д. Но слѣдствіемъ сокращенія плавной были, какъ мы видѣли, переходъ ея въ слоговую плавную и редукція предшествующей гласной: указанные имен. падежи переходили въ vα̯ḷ̣kъ̯, gα̯ṛbъ̯, čα̯ṛtъ̯, откуда далѣе vαłkъ̯, gαrbъ̯,

čarťъ. Эти формы, разумѣется, не могли ассоціироваться съ формами vъĺka, gъrba, čьrta косвенныхъ падежей, а потому и исчезали, замѣняясь новообразованіями vъĺk, gъrb, čьrt съ краткими плавными. Вотъ другая причина вытѣсненія полногласныхъ формъ.

Въ нѣсколькихъ русскихъ словахъ сохранились слѣды только что предположенныхъ нами формъ, подобныхъ *vaĺkъ, *garbъ и т. п. Приведу одно изъ такихъ словъ. Это шара́шь въ значеніи первый ледъ по рѣкѣ, шуга, сало (Даль: шара́шь идетъ, шара́шь цѣпка въ морозъ), шара́хъ въ знач. творогъ (Кирилл. у.: арх. Антоній, Арх. Геогр. Общ.). Рядомъ въ томъ же значеніи, что шара́шь, шеро́шь (Даль), малор. шере́ш, а также великор. шерёшь (колоть, замерзшая грязь): Тамб. (Оп.), шо́рошь (мелкій разбитый ледъ, Даль), а также шаршъ (Даль). Трудно сомнѣваться въ томъ, что эти слова восходятъ или къ общерусскимъ šerъšь, šerъxъ (первое полногласіе), или къ общерусскимъ šьrъšь, šьrъxъ, откуда šьrъšь, šьrъxъ; ср., съ одной стороны, малор. ше́рехъ (тонкая ледяная кора), шере́шитися (покрываться льдомъ, о рѣкѣ), а съ другой, малор. ше́рхнути (подмерзать слегка), великор. «ужъ Ока шерхнетъ» (Даль). Я думаю, что шара́шь нельзя возвести къ šerъšь, род. šerъši; но его можно объяснить изъ šьrъšь, род. šьrъši; šьrъšь, вслѣдствіе сокращенія плавной, переходило въ šarъšь, откуда šarъšь. Это šarъšь или вытѣснялось параллельною формой šьrъšь, дошедшей до насъ въ видѣ шерёшь (со вторымъ полногласіемъ), или само вызывало новообразованія въ косвенныхъ падежахъ. Въ мужескомъ родѣ šarъšь вызвало šarъša, šarъšu; род. šarъša переходило по § 4 въ ша́рша, отсюда современное шаршъ, род. ша́рша: Волж. (Даль). Въ женскомъ родѣ šarъšь, подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, удлиняло плавную: šarъšь; это šarъšь подъ нисходящимъ удареніемъ переходило, согласно § 23, въ *шо́рышь; изъ этой формы объясняется, думаю, современное шо́рошь; подъ восходящимъ же удареніемъ (возникавшимъ подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, какъ šьrъ̀ši вм. и при šьrъši) šarъšь переходило, согласно

§ 24, въ шара́шь. Также точно šьr̄xъ̯ измѣнилось, благодаря сокращенію r, въ šα̯ṛxъ̯, откуда šαrxъ̯, измѣнявшееся подъ вліяніемъ родственныхъ образованій въ šαr̄xъ̯ и далѣе въ шара́хъ.

V.

Дополненія и исправленія къ предыдущему изслѣдованію.

Возстановляя форму тѣхъ общеславянскихъ сочетаній, къ которымъ восходятъ русскія оро, ере, оло, ело, старославянскія ра, рѣ, ла, лѣ, польскія го, ŕе, ło, le и т. д., я долго колебался между двумя возможностями: 1) общеславянскій языкъ могъ имѣть въ сочетаніяхъ tort, tert, tolt, telt долгія, но не слоговыя плавныя, 2) онъ могъ измѣнить въ этихъ сочетаніяхъ долгія неслоговыя плавныя въ долгія слоговыя плавныя. На обѣ эти возможности было въ свое время указано Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, при чемъ онъ рѣшительно склоняется къ тому, что уже въ общеславянскомъ языкѣ плавныя въ названныхъ сочетаніяхъ были слоговыми, почему формы отдѣльныхъ славянскихъ языковъ восходятъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ tor̥t, tol̥t, ter̥t, tel̥t съ долгими r̥, l̥ (ср. между прочимъ изложеніе мнѣнія Фортунатова у Ф. Сольмсена въ Archiv für slav. Philologie, т. XXIV, 568 и сл.). Въ предыдущемъ изслѣдованіи я остановился на предположеніи, что русскія полногласныя сочетанія восходятъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ tort, tolt, tert, telt съ долгими, но не слоговыми *r*, *l*. Думаю, что явленія, которыми сопровождалось измѣненіе этихъ сочетаній въ другихъ славянскихъ язы-

кахъ, не предполагаютъ существованія въ нихъ слоговыхъ плавныхъ: перестановка гласной и плавной могла имѣть мѣсто и въ сочетаніяхъ съ плавной неслоговой. Но русскія полногласныя сочетанія дѣйствительно легче всего объяснять, вслѣдъ за Фортунатовымъ, изъ сочетаній гласная + слоговая плавная. Вотъ почему я оставляю для общеславянской эпохи возстановленныя выше, въ предыдущемъ изслѣдованіи, сочетанія tort, tert, tolt, telt съ долгими *r*, *l*, предполагая, что въ общерусскую эпоху они перешли въ сочетанія tort, tert, to‿lt съ плавными долгими и слоговыми. Это предположеніе ведетъ за собой рядъ поправокъ къ предложенному выше описанію судьбы относящихся сюда сочетаній въ русскомъ языкѣ (явленія перваго и второго полногласія), но поправки эти оказываются необходимыми и по другой причинѣ: объясненіе процесса измѣненія tort, to‿lt, tъrt и т. д. въ t͡o‿rt, t͡o‿lt, предложенное выше въ IV главѣ, натянуто и совершенно неудовлетворительно.

Общеславянскія сочетанія to‾rt, to‾lt, te‾rt, te‾lt, съ одной стороны, tъ‾rt, tъ‾lt, tь‾rt, tь‾lt съ другой подверглись въ общерусскую эпоху однороднымъ измѣненіямъ, быть можетъ, вслѣдствіе того количественнаго различія, которое замѣчалось между обѣими составными частями этихъ сочетаній; а именно и въ тѣхъ и въ другихъ сочетаніяхъ неслоговые элементы (въ первыхъ — плавныя, во вторыхъ—гласныя) стремились стать слоговыми. Вмѣсто первыхъ изъ сочетаній слѣдствіемъ этого стремленія явились сочетанія «гласная (быть можетъ, нѣсколько редуцированная) + слоговая плавная»; вмѣсто вторыхъ сочетаній въ результатѣ того же стремленія явились сочетанія «слоговая гласная + неслоговая (какъ слѣдствіе редукціи) плавная». Общеслав. ko‾rva, zo‿lto, be‾rgъ, me‾lko перешли въ ko‾ra, zo‿to, be‾rgъ, mo‿lko.

Сочетанія o‾r, o‾l, e‾r жили въ общерусскую эпоху въ теченіе довольно продолжительнаго времени, какъ это мы укажемъ ниже. Но еще до распаденія общерусскаго языка слоговыя плавныя, ассимилируясь предшествующимъ гласнымъ (*o*, *e* съ оттѣнками ихъ), переходили въ го, ło, ге. Вмѣсто указанныхъ сочетаній

явились еще въ общерусскомъ языкѣ oro, oło, ere: korò̀va, zò-łoto, bèregъ, mołokò (первое полногласіе).

Какъ указано, вмѣсто общеславянскихъ сочетаній tъ̯̄t, tъ̯̀t, tь̯̀t, tь̯̄t въ общерусскомъ языкѣ явились tъrt, tъ̯̀t, tьrt: общеслав. zь̯̄no, xъ̯̀ma, vь̯̀ka, gъ̯̄dło перешли въ zьrno, xъ̯̀ma, vъ̯̀ka, gъrło. Переходъ r̯̄, l̯̀ въ *r*, *ł* былъ слѣдствіемъ редукціи, которой подверглись долгія слоговыя плавныя вслѣдствіе пріобрѣтенія предшествующими неслоговыми гласными слогового характера. Но подобная редукція не имѣла мѣста тамъ, гдѣ въ слѣдующемъ слогѣ находились полукраткія или слабыя редуцированныя гласныя (ъ, ь)[1]: въ положеніи передъ такимъ слогомъ вмѣсто ь̯̄, ъ̯̄, ъ̯̀ являлись сочетанія ьr̯̄, ъr̯̄, ъl̯̀ (ср. переходъ общеславянскихъ or̄, er̄, ol̀ въ or̯̄, er̯̄, ol̯̀). Такъ перешли общеславянскія vь̯̄xъ, vь̯̀kъ, dь̯̀gъ въ общерусскія vьr̯̄xъ, vъl̯̀kъ, dъl̯̀gъ. Сочетанія ъ̯̀, ъ̯̄, ь̯̄ жили въ общерусскомъ языкѣ въ теченіе довольно продолжительнаго времени и измѣнились въ ъ̀ъ, ъгъ, ьгь въ ту самую эпоху и по той же причинѣ, какъ сочетанія ō̯, ē̯, è̯, вмѣсто которыхъ явились, какъ мы видѣли, oro, ere, oło. Такъ измѣнились, напримѣръ, vь̯̄xъ, vъ̯̀kъ, dъ̯̀gъ въ vьгьхъ, vъ̀ъkъ, dъ̀ъgъ (второе полногласіе).

Что же касается только что упомянутыхъ сочетаній ъг, ъ̀, ьг (являвшихся вмѣсто ъ̯̄, ъ̯̀, ь̯̄ въ слогѣ не передъ слабыми ъ, ь), то они въ общерусскомъ языкѣ оставались безъ измѣненія и уже впослѣдствіи переходили въ or, ol, er вслѣдствіе общей замѣны ъ, ь (сильныхъ) гласными *o*, *e* въ русскомъ языкѣ (зерно, холма, волка, горло).

Равнымъ образомъ остались безъ измѣненія тѣ общеславянскія сочетанія or, ol, er, которыя были получены еще въ общеславянскую эпоху въ результатѣ сокращенія сочетаній or̄, ol̄, er̄ при условіяхъ, указанныхъ выше въ III главѣ. Ср. общеслав. gornostajь, čelvь̀kъ (при čel̯̀vь̀kъ), skorlupà — общерусск. gorno-

1) Слабыя ъ, ь, въ отличіе отъ сильныхъ набираются курсивомъ.

stajь, čelъvěkъ (при čelověkъ), skorľupa также общерусск. pólťьskъ (назв. города Полоцка, ср. Полтескъ въ Лавр., Ипат. при род., дат. Połotьska, Połotьska, ср. рѣку Połota); также Połčáne (Ипат. Полчане, жители Полоцка), при Połočane (изъ Połčàne). Но общая замѣна oр̄, eр̄, oл̄ черезъ ого, еге, оло вызывала въ родственныхъ словахъ и формахъ по аналогіи ого, еге, оло и на мѣстѣ сочетаній ог, ег, ол: такъ мòлодость замѣнило молдость подъ вліяніемъ мòлодъ.

Законы, вызывавшіе сокращеніе долготы въ общеславянскомъ языкѣ (они указаны выше въ III главѣ), продолжали свое дѣйствіе и въ общерусскую эпоху. И въ общерусскомъ языкѣ долгота не могла проникнуть въ слогъ передъ удареніемъ, отстоящій отъ него черезъ одинъ или два слога; равнымъ образомъ долгота не была терпима передъ слогомъ съ восходящимъ (долгимъ) удареніемъ; наконецъ, долгота не допускалась въ первомъ ударяемомъ слогѣ многосложнаго слова. Но въ общерусскомъ языкѣ самая форма сочетаній съ краткими плавными, соотвѣтствовавшихъ сочетаніямъ съ долгими плавными, должна была измѣниться. Подобно тому какъ въ позднѣйшую эпоху полногласныя сочетанія проникали туда, гдѣ фонетически они не могли бы возникнуть (ср. указанный выше случай — мòлодость), сочетанія ог, ол, ег, еще въ общеславянскомъ сократившіяся изъ oр̄, oл̄, eр̄, измѣнились въ общерусскомъ языкѣ не фонетически, а подъ вліяніемъ аналогіи, въ другія сочетанія въ ту эпоху, когда общеславянскія oр̄, eр̄, oл̄ переходили здѣсь фонетически въ oр̆, eр̆, oл̆. Т. е. при долгихъ сочетаніяхъ oр̄, eр̄, oл̄ возникалъ особый видъ краткихъ сочетаній, подобно тому какъ при oр̄, eр̄, oл̄ въ болѣе древнюю эпоху существовали ог, ег, ол, или какъ при ā, ī, ū однѣхъ формъ, однихъ образованій существовали въ другихъ формахъ, въ другихъ образованіяхъ ă, ĭ, ŭ. Переходя къ вопросу о томъ, какой же видъ могли имѣть эти краткія сочетанія, возникавшія при долгихъ вида oр̄, eр̄, oл̄, замѣтимъ, что въ

сущности общерусскія оr̥̄, оl̥̄, еr̥̄ были сочетаніями изъ двухъ сонантовъ: сообразно съ этимъ, краткія сочетанія, имъ соотвѣтствующія, должны были представлять двѣ части, изъ которыхъ каждая должна была быть сокращеніемъ соотвѣтствующихъ частей долгаго сочетанія. И дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, долгимъ сочетаніямъ оr̥̄, оl̥̄, еr̥̄ въ общерусскомъ языкѣ соотвѣтствовали краткія αr̥, αl̥: α обозначаетъ редуцированный звукъ, явившійся въ результатѣ сокращенія гласныхъ *е*, *о*, а r̥, l̥—это краткая слоговая плавная, которой въ долгихъ сочетаніяхъ соотвѣтствовала долгая слоговая плавная. Какъ указано выше, происхожденіе подобныхъ сочетаній αr̥, αl̥ могло быть фонетическимъ: когда, напримѣръ, общеславянское poīmę перешло въ общерусскомъ въ pol̥̄m'a, форма pòłmene (р. ед.) измѣнилась, для того чтобы не потерять своей ассоціативной связи съ формой именительнаго падежа, въ pαłmene, причемъ чередованіе pol̥̄m'a—pαl̥mene было вполнѣ аналогично съ чередованіемъ vȳm'a — vȳmene. Но при этомъ необходимо оговорить возможность возникновенія αr̥̄, αl̥̄ и путемъ фонетическаго сокращенія сочетаній оr̥̄, оl̥̄: при pol̥̄m'a возникло новообразованіе pol̥̄mene (на мѣстѣ общеславянскаго połmene); это pol̥̄mene сокращалось въ pαl̥mene вслѣдствіе того, что долгія гласныя, долгія сочетанія не были терпимы въ общерусскомъ, какъ и въ общеславянскомъ языкѣ, въ ударяемомъ первомъ слогѣ многосложнаго слова. Еще одно замѣчаніе: редуцированная гласная α передъ слоговой плавной теряла свой слоговой характеръ; вмѣсто αr̥, αl̥ являлись α͡r̥, α͡l̥.

И такъ на мѣстѣ общеславянскихъ or, oł, er въ соотвѣтствіи долгимъ сочетаніямъ оr̥̄, оl̥̄, еr̥̄, явились въ общерусскомъ языкѣ сочетанія α͡r̥, α͡l̥. Такія сочетанія имѣли мѣсто, напримѣръ, въ неравносложномъ склоненіи словъ, какъ pol̥̄m'a (pα͡l̥mene), ver̥̄m'a (vα͡r̥mene); далѣе въ склоненіи и измѣненіи словъ съ подвижнымъ удареніемъ: sol̥̄zènu вин. ед. (sα͡l̥zenà въ им. ед.); при чередованіи въ словѣ за слогомъ, содержащимъ сочетанія съ плавной, сильныхъ и слабыхъ ъ и ь: pol̥̄nъjà (при pα͡l̥nьi͡à), skor̥̄nъjà

(при skα̯r̥nьi̯à); однородны случаи какъ pol̥̄snùti или и pol̥̄sъnùti (при pα̯l̥̄sъnùti), tor̥̄xnùti или и tor̥̄xъnúti (при tα̯r̥xъnùti).

Сочетанія α̯r̥, α̯l̥̄ являлись и на мѣстѣ сочетаній ъr̥̄, ъl̥̄, ьr̥̄ при тѣхъ же условіяхъ, какъ на мѣстѣ сочетаній or̥̄, ol̥̄, er̥̄, т. е. въ слогахъ, подлежавшихъ сокращенію. Сочетаніямъ ъr̥̄, ъl̥̄ и т. д. въ долгихъ слогахъ стали соотвѣтствовать сочетанія α̯r̥, α̯l̥̄ въ силу указаннаго выше процесса. Случаи, сюда относящіеся, однородны съ только что разсмотрѣнными, гдѣ сокращенію подверглись сочетанія съ гласными *o*, *e*: ср. mъl̥̄nьjà (при mα̯l̥̄nьi̯à), gъl̥̄bьca (при gα̯l̥̄bьcà), ръr̥̄xъnùti (при pα̯r̥xъnùti), tъl̥̄kъnùti (при tα̯l̥̄kъnùti) и т. д. [1]).

Рядомъ съ сочетаніями α̯r̥, α̯l̥̄ указаннаго происхожденія въ языкѣ явились въ скоромъ времени и αr̥̄, αl̥̄ (съ слоговыми α): а именно α̯r̥, α̯l̥̄ подвергались удлиненію, когда за ними, въ силу тѣхъ или другихъ нефонетическихъ причинъ, являлись слабыя ъ, ь вмѣсто сильныхъ. Такъ въ skα̯r̥nьi̯à, pα̯l̥̄nьi̯à, mα̯l̥̄nьi̯à, gα̯l̥̄bьcà, pα̯l̥̄sъnùti, tα̯r̥xъnùti, tα̯l̥̄kъnùti сильныя ъ, ь могли замѣняться слабыми подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій skor̥̄nьjà, pol̥̄nьjà, mъl̥̄nьjà, gъl̥̄bьcà, pol̥̄sъnùti, tor̥̄xъnùti, tъl̥̄kъnùti. Эта замѣна имѣла слѣдствіемъ удлиненіе сочетаній α̯r̥, α̯l̥̄ потому, что вообще сонанты были долги передъ слогомъ съ слабыми ъ, ь; удлиненіе же ихъ сказалось какъ на плавной, такъ и на предшествующей неслоговой редуцированной гласной, которая становилась при этомъ слоговою. Такъ явились въ общерусскую эпоху skαr̥̄nьjà, pαl̥̄nьjà, mαl̥̄nьjà, gαl̥̄bьcà, pαr̥̄xъnùti, tαl̥̄kъnùti и т. п.

Сочетанія αr̥̄, αl̥̄ измѣнялись еще въ общерусскую эпоху

1) Мы не можемъ здѣсь останавливаться на условіяхъ, при которыхъ въ нѣкоторыхъ словахъ и образованіяхъ происходило чередованіе слабыхъ и сильныхъ ъ и ь: частью эти условія были фонетическія, ср. слабыя ъ, ь передъ j, сильныя передъ i̯ (о чередованіи j и i̯ см. выше, въ главѣ I); частью же это чередованіе возникало вслѣдствіе позднѣйшаго вытѣсненія сильными ъ, ь слабыхъ ъ, ь: tъl̥̄kъ̀netь, pol̥̄sъ̀nemъ вм. tъl̥̄kъnètь, pol̥̄sъnètь подъ вліяніемъ tònemъ, tònetь при tonùti; а отсюда и tъl̥̄kъnùti, pol̥̄sъnùti съ сильными ъ.

одновременно съ измѣненіемъ о̯р̄, о̯л̄ въ ого, оло (первое полногласіе) и ъ̯р̄, ъ̯л̄ въ ъгъ, ълъ (второе полногласіе). Дѣйствительно, одновременно съ появленіемъ перваго и второго полногласія, должно было развиться полногласіе и въ сочетаніяхъ α̯р̄, α̯л̄, которыя переходили при этомъ въ αгα, αлα (третье полногласіе). О дальнѣйшемъ измѣненіи этихъ новыхъ сочетаній, зависѣвшемъ отъ измѣненія гласной α, сказано выше въ §§ 20—22 IV-й главы. Часть этихъ измѣненій могла имѣть мѣсто и послѣ распаденія общерусскаго языка, а именно въ ту эпоху его жизни, когда происходила между прочимъ замѣна сильныхъ ъ и ь гласными *о* и *е*.

Сочетанія α̯р̄, α̯л̄ могли просуществовать въ языкѣ еще дольше, чѣмъ соотвѣтствующія сочетанія съ долгими плавными. Послѣ перехода сочетаній о̯р̄, о̯л̄, ъ̯р̄ и т. д., т. е. сочетаній съ которыми α̯р̄, α̯л̄ находились въ ассоціаціи, эти послѣднія измѣнились въ αг, ал, т. е. въ сочетанія съ слоговымъ α и неслоговою плавною, въ силу того самаго процесса, который вызвалъ переходъ ъ̯р̄, ь̯р̄, ъ̯л̄ въ ъг, ьг, ъл. Подъ удареніемъ слоговое α измѣнялось затѣмъ въ ту гласную полнаго образованія, которая находилась въ слѣдующемъ слогѣ (ср. §§ 3—9 IV-й главы). Въ положеніи же не подъ удареніемъ α, въ силу своей слабости не могло помѣшать выпаденію слѣдующихъ г, л, вызванному стеченіемъ согласныхъ (tαrt переходило въ tαt, ср. выпаденіе г въ trt изъ trьt: кстити, Псковъ и нѣк. др.). Дальнѣйшее измѣненіе неударяемаго α зависѣло отъ ассимиляціи его гласнымъ слѣдующаго слога. Примѣры указаны выше въ §§ 10—19 IV-й главы.

Приведенными замѣчаніями я хотѣлъ исправить нѣкоторыя части моего изслѣдованія, особенно же начало IV-й главы, посвященной сложному вопросу о вновь возникавшихъ въ русскомъ языкѣ сочетаніяхъ съ краткими и долгими плавными. Для облегченія обзора представленныхъ въ этой главѣ примѣровъ,

приведу ихъ здѣсь въ систематическомъ порядкѣ и дополню еще нѣкоторыми[1]).

Общерусск. boḹboł-, boḹbon-. Ср. чешск. blaboliti (болтать вздоръ, пустяки), blaboniti (то же). Русск. болобон- (§ 24), бала́бол- и балабо́л-: § 24.

Общерусск. boṝxъł-, boṝšъn-. Ср. ст.-слав. брашьно, сербск. бра̏шно. Русск. борошн- (§ 24), барахл-: § 24, борышн-: § 23.

Общерусск. boṝxъt-, boṝxъm-. Ср. общерусск. boṝti (бороти), при чемъ boṝxъ- является, быть можетъ, аористическою формой отъ этого глагола. Русск. борохт- (§ 24), барахт-: § 24, бурыхт-: § 39, борыхм-: § 34, барыхм-: § 38, бурыхм-: § 39.

Общерусск. bъłk-, bъlkot-. Ср. польск. bełkać (мутить, колыхать), bełknąć (буркнуть, проговорить), bełkotać (бормотать), чешск. blknouti (колыхнуть, вспыхнуть), blkotati (болтать). Русск. болк-, чуболк- (§ 8), белк-: § 8, балак-: § 24, балахт-: § 24, баляк-: § 43, бокот- (бокотливий въ малор. слов. XVII в., изд. Житецкимъ въ Очеркѣ лит. ист. ч. I, прилож., въ значеніи косноязычный): § 14.

Общерусск. bъłx-. Ср. польск. bełch (водоворотъ), bełchliwość (запальчивость). Русск. болх- (§ 8), бельх-: § 19, жбелх-: § 8, бех-: § 15, бебех-: § 15, жбых- и шебых-: § 13.

Общерусск. bъrb-. Ср. словенск. bȓbati (рыть, поднимать пыль, ударять), brbljáti (болтать), сербск. бр́бљати (болтать, вынюхивать), болг. бръбо́лѭ (болтаю). Русск. бараб-: § 24, бароб- (бароблить: перебирать пальцами, Тамб., Оп.): ср. § 41.

Общерусск. bъrk- и bьrk-. Ср. словенск. bŕkati (толкать, отталкивать), чешск. brkati (порхать), brknouti (спотыкнуться), сербск. бр́кати (приводить въ безпорядокъ), болг. бръ́камъ (ищу, мучу, смущаю). Русск. борк- (§ 5), берк- (§ 15), бурк-: § 5, шабарк- и хабарк-: §§ 4, 19, бырк- (обырка́ться: пріучиться, привыкнуть, Симб. и Тамб., Оп. при обу́ркаться: то же, Тихв.,

---

1) Наиболѣе сомнительныя сопоставленія оставлены въ сторонѣ.

Тамб., Новотор., оборка́ться: тоже, Волог., Пенз., Тул., Тамб.): § 6.

Общерусск. bъrst- и bьrst-. Русск. шеборст-, шеберст- (§ 38), чубарыс(т)-, хабарыс(т)-: § 38.

Общерусск. bъrt- и bьrt-. Ср. словенск. brtávsati (шлепать, бросать). Русск. шуборт-, шоборт-, шкереберт- (§ 5), бурт- (малор. забурти́ти: вбить, втолкнуть, жбурті́ти: упасть съ шумомъ): § 5, шкабурт-: § 5.

Общерусск. bъrx- или bьrx- (?). Ср. словацк. brchať sa (взбираться, карабкаться). Русск. бурх-: § 5 (и 24), чубарах-: § 24, чубарых-: § 38, чебурах-, чибурах-, чубурах-, чипурах-: § 39, чебурых- § 39, чибурих-: § 39, чупырых-: § 40, чубух-: § 12, чубых-: § 13.

Общерусск. sьrk-. Болг. прѣкамъ (цѣжу, дою). Русск. церк- (§ 40), цырк-: § 6 (и 40), цурк- (бѣлор. цу́ркнуць: течь, струиться): § 5, цырык-: § 40.

Общерусск. sьrp-. Русск. царап-: § 24 (и 43), царяп-, цирян-: § 24 (и 43).

Общерусск. čerp- и čьrp-. Русск. черп-, череп- (черпать, бѣлор. чере́пацъ), чарап-: § 24 (и 43), чаряп-: § 43, черяп-: § 25.

Общерусск. čьlp-. Русск. челп- (малор. човпсти: идти рысью, бѣлор. човпцы: нести), чалап- (малор. чала́пати: идти по грязи, брести; дочала́пати: съ трудомъ доплестись): § 24, челеп- (чигиринск. чеме́пати: тяжело ходить, тащить ноги по грязи, Закревскій): § 28.

Общерусск. čьrh-. Русск. чурх- (малор. чурхну́ти: убѣжать, улепетнуть): § 5, чарах- (малор. чарахну́ти: сильно ударить): § 24, чиририх- (чирири́хнуть: упасть, Порх., Доп.): § 48; чех- (чёхнуть, вы́чехнуть: вдругъ, сразу вылить, Пинеж., Мат. Ак. Н. № 6): § 15.

Общерусск. čьrk-. Русск. черк (§ 4), чарк-: § 4, чирк-: §§ 13, 19, чирик-: § 31, чик-: § 13.

Общерусск. čьrs-. Русск. черс- (§ 12), чус-: § 12, чес-: § 15.

Общерусск. dъlb-. Ср. словенск. dólbsti, польск. dłubać. Русск. долб- (долбить), делб-: §§ 8, 19, долуб-: § 37.

Общерусск. dьrb-. Ср. чешск. drbnouti (ударить), drbati (тереть, чесать, ударять), drboliti (царапать). Русск. дерб- (§ 25), деряб-: § 25, дереб-: § 28.

Общерусск. dьrz-. Ср. ст.-слав. дръзнѫти, старочешск. drznouti. Русск. дерз- (дерзать), дерез-: § 28.

Общерусск. go̯lmen-. Русск. голомен- (§ 23), голымен-: § 23.

Общерусск. go̯lvьlь. Русск. го́ловль (§ 37), голя́вль: § 37, го́лубель: § 37.

Общерусск. gъlk-. Ср. чешск. hluk, hlučeti, польск. zgiełk, словенск. gôlk, gôlkati, болг. глъкъ, глъчѫ (шумлю, браню). Русск. голк- (§ 43), гальч, галч-: § 4 (и 43), галак-: § 24 (и 43), галяк-: § 43, голюк- и гулюк-: § 43[1].

Общерусск. gъlz-. Русск. голз- (§ 13), гылз- (гы́лзать: скользить, Арханг., Оп.; ги́лзать: то же, Вытег., Филим.): § 6, голыз-: § 34 (и 18), глыз-: § 18, гыз = гиз-: § 13.

Общерусск. gъrg-. Ср. словенск. gŕgati и grgotáti (ворковать), сербск. гргу́тати (то же). Русск. горгота́ть (громко смѣяться, Олон., Кулик.), гирг- (ги́рготать: то же, Олон., Даль): § 6, гу́рг- (гу́ргать: стучать, гремѣть, Яренск., Оп.).

Общерусск. gъrk-. Ср. чешск. hrkati (харкать, кричать, трещать), словенск. gŕkati (ворковать, кричать, визжать). Русск. гарк-: § 4, гурк-: §§ 5, 19, гырк-: §§ 6, 19, гарук-: § 38, гарык-: § 38, гарюк-: § 43[1].

Общерусск. gъrk-. Ср. сербск. гр̏кнути (горкнуть). Русск. горк- (§ 33), горок-: § 33, горык-: § 34, гаряк- и горяк-: § 43.

Общерусск. kočьrg-. Русск. кочерьга (§ 25), кочеряг-: § 25, кочерыг-: § 34.

Общерусск. ko̯rb-. Ср. чешск. krabiti (дѣлать бугристымъ, кочковатымъ), словенск. krábati, škrábati (скрести, скоблить). Русск. короб- (§ 24), караб-: §§ 24, 27, каруб-, скаруб-, шкаруб-: § 34, коруб- § 37, каряб-, скаряб-, шкаряб-: § 43, коряб-: § 43, скарб-: § 4 (и 38).

Общерусск. kъłz-. Ср. польск. kiełznąć (взнуздать), kiełznąć się (оступиться, промахнуться). Русск. колз- (§ 34), колыз- § 34, клез- (малор. клезну́ти: ударить): § 17.

Общерусск. kъrk-. Ср. чешск. krkati (каркать). Русск. карк-: § 4 (и 5), курк-: § 5.

Общерусск. kъrk-. Ср. сербск. кр̏кнути (пикнуть), словенск. kŕknіti (пикнуть), kŕknіti (околѣть, высохнуть, зачахнуть), болг. кръ́камъ, кръ́кнѫ (хриплю при издыханіи). Русск. корк- (§ 15), кырк-: § 6, керк-: § 8 (и 15), курк-: §§ 5, 19 (и 12), ку(к)-: § 12, кык = кик-: § 13, кек-: § 15.

Общерусск. kъrsk-, kъrst-. Русск. курск- и курст- (курстать, покурстать: подбить, поджечь, поощрить, Бѣлозер., М. А. Н. № 160): § 5 (и 24), кырск = кирск-: § 6 (и 24), караск-: § 24, курост- и куруст- (ку́ростать, курустать: грызть, Олон., Кулик.): § 32.

Общерусск. kъrх-. Ср. чешск. krchlati (кашлять), болг. кръхукамъ (хриплю). Русск. корх- (§ 4), карх-: § 4, кур(х)-: § 19, кырх-: § 6 (и 4), корых-: § 34, курах(т)-: § 39, курох(т)-: § 32 (и 39).

Общерусск. kъrz-. Ср. словенск. kŕzati (рѣзать тупымъ ножомъ), сербск. кр̏зати (стачивать, обтачивать). Русск. корз- (§ 4), карз-: §§ 4, 19, коруз-: § 37.

Общерусск. moḷt-. Ср. чешск. mlacnouti (ударить). Русск. молот- (молотить), молц- (§ 24), молос- (§ 24), малац- и хмалас-: § 24.

Общерусск. mъłnьja. Ср. сербск. му́ња, словенск. mółnja, ст.-слав. млъниꙗ. Русск. мо́лнья, молна (§ 34), ма́лна: § 4 (и 41), мо́лынья: § 23, молынья́: § 34, мала́нья: § 24, меленья́: § 29, ма́лонья: § 41.

Общерусск. mъłz-, mъłzg-. Русск. молз- (§ 34), молызг-: § 34.

Общерусск. mъrd-. Ср. чешск. mrdati (двигать изъ стороны въ сторону, махать), словенск. mr̂dati (то же), сербск. мр̏дати (работать безъ умѣнія), болг. мръ́дамъ (шевелю, сую). Русск.

морд- (смордать: снимать, стирать, Петроз., Кулик.), мурд- (му́рдать: мять, истязать, Петроз., Кулик., мучить, Вытег., Оп., изму́рдить: искалѣчить, измучить, Петроз., Кулик., му́рдать: шибко хлебать, Юрьев.-Владим., М. А. Н. № 15): § 5.

Общерусск. mъrg-. Ср. чешск. mrhati (мотать, тратить). Русск. морг- (§ 4), марг-: § 4, мырг-: § 6, морог-: § 33.

Общерусск. mъrg-. Ср. чешск. mruhati. Русск. морг- (моргать), мырг-: §§ 6, 19, мирг-: §§ 7, 19.

Общерусск. mъrk-. Ср. словенск. mŕkati, mŕkniti (бормотать, пикнуть), čmŕkati, čmŕkniti (пить глотками, издавать чуть слышные звуки). Русск. морк- (§ 4), шумарк-, хамарк-: § 4, чумарк-: § 4 (и 11), мырк- и мамырк-: § 6, чемырк- и шмырк-: § 6, морок-: § 38 (и 33), марык-: § 38.

Общерусск. mъrsk- и mьrsk-. Ср. чешск. mrskati, mrsknouti (хлестать, бросать), нижнелуж. marskaś, верхнелуж. morskać, mórnyć (то же). Русск. морск-, мерс(к)- (§ 24), мараск-: § 24, моск-: § 14.

Общерусск. mъrx-. Ср. словенск. čmŕha (der Muckser). Русск. шумарх-: § 4 (и 11), шумах-: § 11.

Общерусск. mъrx-. Русск. шморых-: § 34, шмурых- и чмурых-: § 39, чмых- и чимых-: § 13.

Общерусск. mьrk-. Ср. чешск. mrkotati, mrknouti (мигать, моргать). Русск. мерк- (§ 24), марак-: § 24, мерек-: §§ 28 (24 и 25), меряк-: § 25.

Общерусск. no̯rxъt-. Русск. норохт-: § 34, норыхт-: § 34.

Общерусск. o̯lnja. Ср. ст.-слав. алънии. Русск. алынья́: § 34.

Общерусск. po̯lmen-. Ср. ст.-слав. плама, сербск. пла̏мен. Русск. поломен- (§ 23), полымен-: § 23, полумен- (по́лумя, укр., Верхратский, Знадоби для пізн. I, 40—41): § 37, паломен-: § 41.

Общерусск. po̯lnьja. Ср. польск. płonia, словенск. plánja (открытое плоское мѣсто). Русск. полынья́: § 34.

Общерусск. po̯lsk-. Русск. полоск- (полоскать), пелеск-: § 28,

пелиск- вм. пилиск-: § 37[1], полыск- (полы́скаться: плескаться, полы́скать: ударять по водѣ, Рост., Волоцк.): § 34, палыск-: § 38.

Общерусск. po̯ĭs- при po̯ĭsk-. Русск. полос- (полосовать), пелес-: § 28, полыс-: § 34, палыс-: § 38, пылѣс-: § 40, пелюск-: § 45, пилиск-: § 31 (и 45[1]), плас-: § 17.

Общерусск. po̯ĭx-. Ср. чешск. pláchati, pláchnouti (полоскать). Русск. палх-: § 4, палах-: § 24, полых-: § 34, палалх-: § 47, пах-: § 11.

Общерусск. po̯ĭz- и po̯ĭzg-. Ср. словенск. plajzíkati (пылать, ярко горѣть). Русск. пазг-: § 11, плызг-: § 18 (и 11).

Общерусск. ръгsk-. Ср. чешск. prskati (брызгать, трещать, фыркать), словенск. pŕskati (опрыскивать, фыркать), сербск. пр̏скати, пр̏снути (прыскать), польск. parskać, parsknąć (прыскать, прыснуть, порскать, фыркнуть), верхнелуж. porskać, porsknuć (чихать), болг. пръскамъ (прыскаю). Русск. порск- (§ 6), пырск-: §§ 6, 19, пыск-: § 13.

Общерусск. ръгsk-. Ср. сербск. пр̏снути (хлопнуть), болг. пръскамъ (разбрасываю, расточаю). Русск. порск-, порс- (§ 4), копорс- (малор. копо́рснутися: биться, барахтаться), парск-: § 4, пырск-: § 6, копырс- (малор. копи́рснути: упасть съ шумомъ), чупырс- (бѣлор. чупы́рснуць: толкнуть): § 6, пурс- (малор. ви́пурснути: выскочить), параск-: § 24, порыск-: § 34, порос- (малор. поро́снути: разсыпаться прахомъ, поросну́ти: выскочить, упасть): § 33, прыс- (прыснуть: побѣжать, Пенз., Тамб., Оп., чупры́снуть: сильно ударить, Волог., Смол., Тамб., Твер., Оп., бѣлор. чупры́снуць: ударить по лицу): § 18.

Общерусск. ръгх-: Ср. словенск. pŕhati, pŕhniti (порхать, порхнуть), чешск. prchati, prchnouti (убѣгать, улепетывать), польск. pierzchać, pierzchnąć (то же). Русск. порх- (порхать), пурх-: § 5, перх-: § 8, пырх-: §§ 6, 19.

Общерусск. рыгх-. Ср. словенск. pŕhati (фыркать), болг. пръхамъ (фыркаю). Русск. перх- (§ 18), пырх-: § 6 (и 18, 19), прых-: § 18.

Общерусск. рьгх-: Ср. словенск. pr̂h, pŕhavica (горячая зола). Русск. парх-: § 4.

Общерусск. рьгz-. Ср. чешск. przniti (пачкать, безчестить), сербск. запр́знити (запачкать, возбудить ссору). Русск. копырз-, чупырз-: § 6.

Общерусск. skoḷb и šьkoḷb. Русск. школоб- (§ 38), скалб-: § 4 (и 38), шкалуб-: § 38, скаляб-: § 43, скаб-: § 11 (и 38).

Общерусск. skor̥nьja. Ср. ст.-слав. скраниꙗ, польск. skroń. Древнерусск. скороньꙗ, скорыньꙗ: § 34.

Общерусск. skъrk-. Русск. скорк- (скоркать: чесать, скоблить, Петроз. и Каргоп., Кулик.), скырк- (скы́ркать: чесать, скоблить, Олон., Барсовъ; скрести, Вят., Доп.): § 6.

Общерусск. smъrg- и šьmъrg-. Русск. сморг-, шморг- (§ 12 и 34), смург- и шмург-: §§ 5 (и 12, 19), сморыг- § 34, шворуг- вм. шморуг-: § 37, смурыг- и шмурыг-: § 39, смо(г)- и шмо(г)-: § 14, шмуг-: § 12, смыг-: § 13.

Общерусск. smъrk- и šьmъrk-. Ср. верхнелуж. smorkać (сморкать), польск. smarkać. Русск. сморк- (сморкать), смурык- (смурыка́ть: тереть жесткимъ, Вышневол., Оп.): § 39, шмырк- (шмыркать: шаркать, Псков. и Осташ., Доп.): § 6, смок- (насмо́ка): § 14.

Общерусск. soḷzen-. Ср. словенск. slẹzệna. Русск. селезёнка: § 28.

Общерусск. soḷp- и sъḷp. Ср. ст.-слав. въслапити, въслаплꙗти (отгонять, удерживать,, укрощать), сербск. су̑п (родъ рыболовной изгороди). Русск. солп- (§ 28), солоп- (§ 28), селеп-: §§ 26, 28, телеп- вм. селеп-: § 28, теляп- вм. селяп-: § 26, тилип- вм. силип-: § 31, тюлюп- вм. сюлюп-: § 45, тилюп- вм. силюп-: § 45[1], солып-: § 34, солуп-: § 37, сылуп-: § 40, слуп- (слупа́ться: облизываться, Росл., Оп.): ср. §§ 17 и 18.

Общерусск. sor̥xъt-. Русск. сорохт- (§ 14), сарахт- (малор. сарахті́ти, сарахкоті́ти: трещать, пылать, тяжело дышать): § 24, сохт-: § 14, сахт-: § 11, сухт- (сухтува́ти: спѣшить, скоро дѣлать): § 12.

Общерусск. sьrk-. Русск. сырк-: § 6 (и 40), сурук-: § 32, сарык-: § 38, сурык-: § 39, сырик-: § 40.

Общерусск. sъrk-, sъrkъt-. Ср. словенск. sŕkati (пить глотками), польск. sarkać (фыркать, сопѣть), чешск. srkati (пить глотками, плакать), сербск. сŕкати, сŕкнути (sorbere), болг. сръкамъ (хлебаю). Русск. сарк-: § 4, сырк-: § 6.

Общерусск. ščьlk-. Русск. щелк- (щелкать), щелок-: § 33, щелык-: § 34.

Общерусск. šelmen-. Русск. шоломен- (§ 23), шóлымен-: § 23.

Общерусск. šьlx-. Русск. шелх- (§ 24), шалах-: § 24, шелех-: § 28 (и 24), шелых-: § 34, шелох-, шолох-: § 33.

Общерусск. šьrg-. Русск. шург-: § 5 (и 12), шарг- (обшáргать: обшмыгать, захватить руками, Кашин., Смирновъ), шуг-: § 12.

Общерусск. šьrk-. Ср. словенск. štŕkati (хлестать, лопаться, трескаться). Русск. шерк- и шорк- (§ 4), шарк-: § 4, шурк-: §§ 5, 19, ширк-: § 19, шерык-: § 34, шурук-: § 32, шак-: § 11.

Общерусск. šьrx-. Русск. шерх- (§ 5), шарх- (бѣлоз. шáрхаць: шаркать, тереть, драть; шархъ: быстро бросился, Псков. и Остащ., Доп.), шурх-: §§ 5, 19, ширх- и шиширх-: § 6, шерох- и шорох-: §§ 33 (и 24).

Общерусск. teŗb-, teŗbžk-. Русск. тереб- (теребить), теряб-, терябк-: § 25, тириб-; § 31, тябк-: § 15[1].

Общерусск. toļsk-. Ср. болг. тлáскамъ, тлáснѫ, верхнелуж. tłuskać, tłusnyć (давить, жать). Русск. толоск- (§ 31), теляск- и теляст-: § 24, тилиск- § 31, тулуск-: § 32, толыск-: § 34, телѣск-: § 37[1], тулыс-: § 39, тылис-: § 40, телюск-: § 45[1], тилилис-: § 48, тыц-: § 13, тюс-: § 15[1].

Общерусск. toļx- и tъlx-. Русск. толох- (§ 24), талах-: § 24.

Общерусск. toŗsk-. Ср. польск. troskać (печалить, озабочивать). Русск. тороск- (§ 24), тараск-: § 24.

Общерусск. toŗx-. Русск. торох- (§ 5), которх-: § 14, тарах-,

бутарах-: § 24, штурх-: §§ 5, 19, штырх-: §§ 6 (и 13, 19), тарарах-: § 48, трах-: § 17, штух-: § 12, штых-: § 13, котох-: § 14.

Общерусск. tъĺk-. Ср. ст.-слав. тлъкнѫти. Русск. толк- (толкать), телк-: § 8, талак-: § 24, толок-: § 33, толык-: § 34, талалак-: § 48, таляляк-: § 48, тололык-: § 48, салалык- вм. талалык-: § 48, тюк-: § 15[1], тяк-: § 15[1].

Общерусск. tъĺkmač-. Русск. толкмач- (§ 14), токмач-: § 14, тукмач- (тукма́чить: бить, Псков., Копаневичъ), темяч-: § 15, тильмач-: § 19, тельмяш- (зательма́шить, Псков. и Осташ.: Доп.).

Общерусск. tъĺm-. Русск. толм- (§ 41), талм-: § 4 (и 41), талом-: § 41, тям-: § 15[1], тем-: § 15[1], тим-: § 15[1].

Общерусск. tъĺr-. Русск. талап-: § 24, телеп-: §§ 28, 24, тѣлѣп-: § 30, тылѣп-: § 40, телюп-: § 45, тяп-: § 15[1].

Общерусск. tъĺr-. Русск. толп- (толпе́й), тельп-: §§ 8, 19, тюльп-: § 19, телеп- и селеп-: §§ 28, 29, тѣлѣп-: §§ 28, 30, толып-: § 34.

Общерусск. tъĺx-. Русск. толх- (штовхаць, што́вхати), телх-: §§ 8 (и 47), телех-: § 28, телях-: § 26, тюлях-: § 45[2], телелех-: § 48, телелях-: § 48, тёх-: § 15[1], тюх-: § 15[1].

Общерусск. tъĺz-. Русск. тилиз-: § 31, толыз-: § 34.

Общерусск. tъrb-. Ср. словенск. tŕbati (бѣжать рысью), trbósniti (ударить). Русск. торб- (§ 27), тараб-: § 27.

Общерусск. tъrg- и tьrg-. Ср. ст.-слав. тръгнѫти, польск. targać, болг. тръ́гнамъ (дергаю). Русск. торг-, куторг-, которг- (§ 24), терг-, ку́терг- (§ 24), тырг- (тыргаться: стучаться, Кашин., Смирновъ), четырг- (перечетырживаться: передразниваться, Пошех. М. А. Н. № 169): § 6, тарг- (малор. та́ргати: рвать, тащить): § 4, тург- (малор. турготі́ти: стучаться въ дверь): § 5, бутараг-, будараг-: § 24, будорыг- (будоры́жина: тычокъ, колъ, Даль): § 34, будораг-: § 37, будураг-: § 39, кутеряг-: § 25.

Общерусск. tъrg-. Русск. торг- (торговать), торыг-: § 34.

Общерусск. tъrk-. Ср. чешск. trkati (бодать), сербск. тр́кати

(бѣжать), словенск. tŕkati, tŕkniti (стучать, толкать), болг. тръкамъ (тру). Русск. торк- (торкать), турк-: §§ 5, 19, тырк-: §§ 6, 19, тарак-: § 24, турук-: § 32, торок-: § 33, торык-: 34, турык-: § 39, тырык-: § 40, трык-: § 18, трек-: § 18[1], ток-: § 14.

Общерусск. tъrk-. Русск. торк- (то́ркать: укорять, говорить колко, вопреки: Псков. и Осташ. Доп.), тарак-: § 24, тарарак-: § 48, тарарык-: § 48, турурук-: § 48.

Общерусск. tъrm- и tьrm-. Ср. чешск. trmati и trmáceti (мучить, утомлять), польск. tarmosić się (тормошиться). Русск. тормос-, термос- (§ 4), терм-, кутерьм- (§ 4), тарм-: § 4, тырм-: §§ 6, 19, тарам-: § 24, том-: § 14, темес-: § 15.

Общерусск. tъrs-. Русск. торс- (§ 12), тус-: § 12.

Общерусск. tъrx- и tьrx-. Русск. терх- и торх- (§ 19), тарх-: § 19, тырх-: § 6 (и 44), тюрах-: § 44, тюрюх-: § 45, терюх-: § 45[1].

Общерусск. tъrz- и tьrz-. Ср. ст.-слав. тръзати. Русск. торз- и терз- (§ 19), тарз-: § 19.

Общерусск. voṛx-. Русск. ворох- (§ 34), верех-: § 28 (и 34), ворых-: § 34, ворух-: § 37, вырых-: § 40.

Общерусск. vъrk-. Русск. варак-: § 24 (и 38), варуц-: § 38.

Общерусск. vъrk-, hъvъrk-, šьvъrk-. Ср. словацк. fŕkati, fŕknuti (бѣжать), словенск. švŕkati (хлестать, прыскать), сербск. чврнути (толкнуть), болг. хвръкамъ (летаю). Русск. фурк-: § 5, фырк-: § 6, фирк-: § 7, швырк- (швыркать; малор. швúркати): § 6, шварк-: §§ 4, 19.

Общерусск. vъrk-, hъvъrk-, kuvъrk-, čьvъrk-. Ср. чешск. frkati (фыркать), словенск. fŕkati, fŕcati (фыркать), польск. обл. farkać (smarkać), сербск. фркати (ворчать, мурлыкать). Русск. ворк-, форк- (§ 4), фарк-: § 4, куварк-: § 4, чвырк- (чвы́ркать: хлебать, Оренб. Оп., чвы́ркать: пренебрегать предлагаемымъ, Старорусск., Доп.): § 6.

Общерусск. vъrsk-, hъvъrsk-. Русск. форск- (§ 6), фырск-: § 6, фурск-: § 5, фыс- (очефы́снуть: сильно ударить, Олон., Оп.).

Общерусск. vьrd-, šьvьrd-, kuvьrd-. Ср. сербск. шѐврдати, шѐврднути (двигаться взадъ и впередъ), вр̏дати, вр̏днути (уклоняться). Русск. кувырд-: §§ 6, 19.

Общерусск. vьrg-, hъvьrg-, šьvьrg-. Ср. ст.-слав. врѣгнѫти, чешск. vrhnouti (бросить, кинуться), верхнелуж. wjerhać, wjerhnyć (herumwälzen), сербск. вр̏гнути (класть, ставить), болг. хвръ́гамъ (бросаю). Русск. верг- (повергнуть), швырг-: § 19, варг-: §§ 4, 19 (и 11), фург- (фургать: бросать, Великолуц. и Тороп., Оп.), фурыг- (фурыга́ть: кидать что либо тяжелое, Псков. и Осташ., Доп.).

Общерусск. vьrz-, хъvьrz-. Русск. верз- (напр. куверзе́нь: катанье, Кинеш., Оп.), фарс-: § 4 (и 17), фрас-: § 17.

Общерусск. vьrz-, vьrzg-, vьrzd-, хъvьrzd-. Ср. чешск. vrzati, vržděti (скрипѣть, трещать), словацк. vrzat', vrzgat' (то же), словенск. vŕzati (трещать), сербск. чавр̏згати (оглушать разговоромъ или нашептываніемъ). Русск. варзг- и варз-: §§ 4, 19, вырз-: § 19, ворызг-: § 34, варазг-: § 24, варызг- § 38, хворызд-: § 34, варызд-: § 38 (и 39), вурызд-: § 39, хвырызд-: § 40, ковырызд-: § 40, вазг-: § 11, вуз- и вузд-: § 13, воз- и возд-: § 14.

Общерусск. хоr̄bьr-. Ср. ст. слав. храбръ, польск. chrobry. Русск. хоробр- (хоробрый), хорабр-: § 37, хабр-: § 11.

Общерусск. хvоr̄st-. Русск. хворост- (прохворости́ть; хворости́ть косой: косить, Псков., Копаневичъ), хворыст-: § 34, хараст- (малор. хара́стати: давить, мять): § 24.

Общерусск. хъl̓k-. Ср. польск. chełkać (плакать всхлипывая). Русск. халк-: § 4 (и 47), хелк- (малор. хе́вкати: имѣть одышку): § 8, хылк- (малор. хи́вкати: имѣть одышку): § 6, халалк-: § 47, хак- (малор. ха́кати при ха́вкати: дышать жабрами).

Общерусск. хъl̓r-. Русск. холп- (§ 6), хылп-: § 6, холо(п)-: § 33.

Общерусск. хъl̓st- и хоl̓st. Ср. польск. chłostać (сѣчь). Русск. холст- (малор. ховста́ти, хо́вснути: сѣчь, наховста́ти: надавать ударовъ, обуздать), халаст-: (малор. хала́стати: давить, мять): § 24.

Общерусск. хъl̓z-, хъl̓zd-. Русск. холз- (§ 18), холызд-: § 34, хлыз-: § 18, хлизд-: § 18[1].

Общерусск. хъrk-. Ср. польск. charkać (плевать, пить съ жадностью), charkać się (драться, грызться), словенск. hŕkati (харкать, храпѣть), чешск. chrkati (харкать, кашлять). Русск. хорк- (§ 4), харк- §§ 4, 19, хек- (малор. ухéкати: устать, при ухóркатися съ сходнымъ значеніемъ).

Общерусск. хъrz-. Русск. хорз- (хóрзать, хóрзаться: чваниться, важничать, Псков. и Осташ., Доп., сюда же вѣроятно: харзúть, харзúться: гнѣваться, сердиться, Великолуц., Оп.), харз- (хáрзить: задираться, гордиться, Псков. и Осташ., Доп.): § 4, хырз- (? хы́рзать: ерзать, Новорж., Доп.).

Общерусск. žeľb-. Русск. желоб- (малор. розжолобáти: расковырять), желыб- (желыбнýть: ударить, Псков., Доп., желыбáть: бить, колотить, Новорж., Порх., Доп., желыбáть: качать сильнѣе обычнаго, Вытег., Филим., желыбáться: качаться, Вытег., Филим., желыбáть: жадно ѣсть, Новорж., Порх., Доп.): § 34, жлиб- (áжлибать: ѣсть, Олон., Оп., наáжлибаться: наѣсть, Олон., Оп., áжлибать вм. ожлибáть съ западноолонецкимъ переносомъ ударенія): § 18[1].

VI.

Сочетанія гь, гъ, lь, l̓ъ.

Выше въ I главѣ[1]) разсмотрѣно общеславянское явленіе, состоявшее въ редукціи всѣхъ закрытыхъ и при томъ краткихъ гласныхъ, въ переходѣ ихъ въ редуцированные звуки ъ и ь. Въ связь съ этой редукціей поставленъ переходъ долгихъ r, l (а долгими они были въ положеніи передъ согласными), слѣдовавшихъ за ъ и ь (изъ й и ї), въ r̄, l̄ слоговыя, при чемъ предшествовав-

1) Извѣстія отд. р. яз. и сл. 1902, кн. 1-я.

шія имъ ъ и ь становились сами звуками неслоговыми: tĭr̆t, tŭl̆t и т. д. перешли въ tьr̆t, tъl̆t; ср. общеславянскія vьr̥хъ, vьl̥kъ, gъr̥dъ, хъl̥mъ и т. д. Переходъ неслоговыхъ r, l въ слоговыя я сравнилъ съ появленіемъ въ словенскомъ языкѣ слоговыхъ r, l въ сочетаніяхъ ri, li, ru, lu послѣ словенской редукціи краткихъ i, u (и вообще закрытыхъ краткихъ гласныхъ) и перехода ихъ въ звуки неполнаго образованія: ср. словенское, отчасти общераспространенное, отчасти діалектическое, произношеніе, какъ kr̥h или kъrh (род. krúha, хлѣбъ), dr̥gač или dъrgač (иначе), pr̥šwa или pъršwa (пришла), r̥déč или ъrdéč (красный), l̥djé или ъldjé (люди), na zéml̥ (на землѣ), pr̥játu при діалектическомъ porjatu (пріятель), горенск. ljë (вм. ljë, Valjavec) и т. п.[1]). При этомъ я отмѣтилъ различіе между условіями появленія слоговыхъ r, l въ общеславянскомъ и словенскомъ языкахъ: въ общеславянскомъ r̥, l̥ (долгія) замѣняли r, l (долгія) только *послѣ* редуцированной гласной, въ словенскомъ же редукція гласныхъ отразилась на слоговомъ характерѣ предшествующихъ имъ r, l[2]). Отмѣчая это различіе, я исходилъ изъ предположенія, что общеславянскія rь, lь, rъ, lъ, напр. въ словахъ grьmѣti, slьza, krъxa, glъtati, rъvati, lъžica и т. д., звучали съ неслоговыми плавными и слоговыми гласными.

Разсмотрю тѣ основанія, которыя не позволяли бы допустить для общеславянской эпохи произношенія r̥ь, l̥ь, r̥ъ, l̥ъ, въ только что приведенныхъ и имъ подобныхъ словахъ. Эти основанія мы находимъ прежде всего въ замѣчаемомъ во всѣхъ славянскихъ

1) Сходное явленіе извѣстно и въ тѣхъ чешскихъ говорахъ, гдѣ находимъ редукцію i и u: ср. діалект. slný (вм. silný), lde (вм. lidé), lpa (вм. lipa), bł (вм. był) и т. д. См. Gebauer, Hist. ml. I, 287—288.

2) Въ сочетаніяхъ гласныхъ съ плавными сонантомъ (слоговымъ звукомъ) является обыкновенно гласная, что зависитъ отъ бо́льшей звуковой полноты (Schallfülle) гласныхъ сравнительно съ плавными (Sievers, Grundzüge der Phonetik[5], § 426 и въ особенности еще § 526). Но въ соединеніи съ гласными неполнаго образованія (по отношенію къ голосу или артикуляціи) плавныя становятся легко сонантами, очевидно, въ силу сравнительно меньшей полноты звука такихъ неполнаго образованія гласныхъ. Общеславянскія ъ и ь были гласными неполнаго образованія: этимъ объясняется сонантическій характеръ плавныхъ, соединенныхъ съ ними въ одномъ слогѣ.

языкахъ переходѣ ъ, ь въ указанномъ положеніи въ гласныя полнаго образованія, замѣнявшія, по общему для каждаго изъ славянскихъ языковъ закону, слоговыя ъ, ь, при наличности извѣстныхъ условій, а именно при условіи нахожденія въ слѣдующемъ слогѣ такихъ ъ, ь, которыя подлежали выпаденію или отпаденію. Это обстоятельство приводитъ къ необходимости различать въ самомъ общеславянскомъ языкѣ ъ, ь, подлежавшія въ позднѣйшія эпохи утратѣ, *слабыя* или полукраткія ъ, ь, отъ тѣхъ ъ, ь, которыя въ позднѣйшія эпохи переходили въ гласныя полнаго образованія, отъ *сильныхъ* или краткихъ ъ, ь. Но слабыя или полукраткія *ъ*, *ь*[1]) были звуками слоговыми: это видно между прочимъ изъ того, что утрата ихъ сопровождалась растяженіемъ гласной предшествующаго слога въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. И вотъ согласное свидѣтельство всѣхъ славянскихъ языковъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что ъ, ь и послѣ *r*, *l*, при наличности указанныхъ выше условій, были сильными звуками, подлежавшими въ позднѣйшія эпохи замѣнѣ гласными полнаго образованія; слѣдовательно, можно бы думать, что при отсутствіи этихъ условій они должны были быть слабыми, полукраткими, но все же слоговыми звуками. Приведу примѣры замѣны ъ, ь гласными полнаго образованіями въ положеніи ихъ послѣ *r*, *l*.

Въ памятникахъ старославянскихъ видимъ, правда въ единичныхъ случаяхъ, **ре**, **ро**, **ле**, **ло** вм. **рь**, **ръ**, **ль**, **лъ**, за которыми въ общеславянскомъ языкѣ слѣдовали слабыя *ъ*, *ь* (или также ъ[1], ь[1], т. е. закрытыя ъ, ь, переходившія, какъ я теперь думаю, еще въ общеславянскомъ языкѣ въ сильномъ своемъ видѣ въ *ы*, *и*), напр. въ Маріинскомъ ев.: **лесть**, **легъко**, **прилепъшеи** (им. ед. м. р.), **въскресъ**, **бренне** (при **бръньемь**), **роптаахѫ**, ср. тамъ же **день**, **весь**, **шедъ**; въ Зографскомъ ев. **крештьшесѧ**, ср. тамъ же **шедъ**, **темьницѫ**; въ Ассеманіевомъ ев. **въскресь**, ср. тамъ же **дебрь**; въ Клоц. сборникѣ **кровьѭ** (два раза), **крестъ** (два раза), **крестьѣнь**, **въскресъшюмоу**, ср. тамъ же **ѵесть**, **вѣренъ**, **любовь**; въ Синайской пс. **слезъ** (род. мн.), **кровь**, **плоть** и др.

1) Ниже курсивомъ отличаю слабыя ъ, ь отъ сильныхъ.

То же въ позднѣйшихъ древнеболгарскихъ памятникахъ: Парем. Григоровича: **лекъ**, **ленъ**, **бренемъ**, **легка**, **лестнымъ**, Парем. Хлудов. XIII в. **лень**, **бреннемь**, Лѣт. Манассіи 1345 г.: **лекокъ**, Сборн. 1384 г.: **лекъ**, **въ легкотѣ**, **легка** (Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болг. яз., 35—36).

Въ современномъ болгарскомъ находимъ: лев, левски, лесть, лесно, лен, леко, діалект. лаж (лжецъ).

Въ сербскомъ, гдѣ сильныя ъ, ь правильно замѣнились звукомъ *а*: ра̂ж, ла̂ж, ла̏в, ла̏н, ла̏жак (род. ла̀шка, названіе марта въ Дубровникѣ), ла̂сан (ла̂сно, о, легкій, удобный).

Въ словенскомъ, гдѣ на мѣстѣ сильныхъ ъ, ь находимъ ə и (e)a, видимъ rəž, láhək (láhka, o), lâž и ləž, lân, ləb, lev.

Отсюда видно, что въ современныхъ южнославянскихъ языкахъ замѣна ъ, ь черезъ гласную полнаго образованія послѣ r, l допустима лишь въ положеніи r и l въ началѣ слова, не послѣ согласныхъ—и это въ противоположность старославянскому языку, гдѣ такая замѣна имѣла мѣсто и послѣ r, l съ предшествующей согласной. Это зависѣло отъ вытѣсненія сочетаній r, l + сильныя ъ, ь въ южнославянскихъ языкахъ слоговыми r, l (о происхожденіи которыхъ скажемъ ниже), заимствованными изъ родственныхъ образованій; вытѣсненіе это имѣло мѣсто преимущественно въ положеніи указанныхъ сочетаній послѣ согласныхъ: kr̥ъvь, kr̥bstъ, pl̥ъtь, sl̥bzъ (р. мн.) переходили подъ вліяніемъ kr̥vi, kr̥sta, pl̥ti, sl̥za (или еще kr̥̆vi, kr̥̆sta и т. д.) въ kr̥v, kr̥st, pl̥t, sl̥z (или еще въ kr̥̆vь, kr̥̆stъ и т. д.). Ср. совр. сербскія кр̂в, кр̂ст, су̏за̄, тр̂ст, словенскія kr̀t, kr̂v, kr̀st, pồlt (т. е. pô̧t), tr̂st, болгарскія кръстъ, кръвь, тръсть, плъть; ср. также въ старославянскихъ памятникахъ, напр. въ Мар. ев. **кровъ**, въ Клоц. сборникѣ **крстъ** (два раза), въ позднѣйшихъ, какъ напр. въ Ев. Григоровича XIV в. **плть** (два раза Обзоръ Лаврова, стр. 43). Впрочемъ, подобное же вытѣсненіе гъ, гь и т. д. черезъ r̥ (r̥̆, r̥̆) и т. д. имѣло мѣсто, хотя далеко не какъ общее явленіе, и въ началѣ слова: ср. сербск. р̂ж (Черногорск.), р̂т (вершина, остріе), словенск. r̂ž, r̀t, болгарск. ръжь и ържъ, ръть (небольшой холмъ),

лъвъ, лъжецъ (лъжцы), лъжко (діалект. названіе апрѣля), ср. въ Парем. Григор. лъкъ, въ Парейм. Хлудов. лъстна (Лавровъ, Обзоръ, стр. 35).

Перехожу къ другимъ славянскимъ языкамъ для указанія въ нихъ замѣны общеславянскихъ сильныхъ ь, ъ послѣ r, l гласными полнаго образованія.

Въ чешскомъ сильныя ъ, ь замѣнены гласною e, несмягчающею или смягчающею предшествующую согласную. Поэтому находимъ: krev, křest, blesk, trest' и třest', drev (род. мн. отъ drva), jablek (р. мн.), ohlechl (оглохъ), старочешск. stred (пчелиные соты), slez (р. мн.), plet (плоть), chřebta (р. ед.), blech (р. мн.); leb, lesk (изъ lьskъ), reptati, ret, rez (ржавчина), rež, lež, lest, lev и др. Такъ же какъ въ южнославянскихъ языкахъ, вмѣсто re, le видимъ въ чешскомъ, но впрочемъ только въ единичныхъ случаяхъ, и при томъ всегда послѣ согласныхъ, звуки r̥, l̥ (откуда въ чешскомъ lu), заимствованные изъ родственныхъ формъ: словацк. trst' при чешск. trest', třest', чешск. krt при моравск. kret (кротъ) подъ вліяніемъ krta; словацк. krst (крещеніе) при чешск. křest; chlup, словацк. chlp вм. chlep подъ вліяніемъ chl̥pu; kluk (клокъ) подъ вліяніемъ kluky и нѣк. др.; ср. также старочешск. plt при plet (Gebauer, Hist. mluvn. I, 174).

Въ польскомъ вмѣсто rъ, rь, lъ, lь съ сильными ъ, ь находимъ re, rze, łe, le: kret, krew', drew (р. мн.), trestka (трубочка), chrzest, древнепольск. chrzepta (Бодуэнъ, О древнепольск., с. 73); płeć, chłeptać; łeż, reż, len, lev, łeb, leść.

Въ лужицкихъ, гдѣ сильные ъ, ь переходятъ въ e и o, видимъ: нижнелуж. kłek и kłok, верхнелуж. kłok; нижнелуж. kšet, верхнелуж. knot (изъ krot); верхнелуж. kréj, нижнелуж. kšew'; верхнелуж. khřest, rož, lohki, lón, нижнелуж. rež, стар. діалект. łeżka (ложка); нижнелуж. plěś (мясо) имѣетъ lě вм. łe подъ вліяніемъ l въ косвенныхъ падежахъ.

Ни въ польскомъ, ни въ лужицкихъ языкахъ не имѣется случаевъ вытѣсненія re, le черезъ r, l, что̀ зависитъ отъ отсутствія въ этихъ языкахъ слоговыхъ r, l.

Въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ русскаго языка, гдѣ, какъ увидимъ, вмѣсто общеславянскихъ гъ, гь, ѣъ, ѣь съ ъ и ь несильными, вообще не являются ро, ло, ре, ле, послѣднія сочетанія правильно и постоянно замѣняютъ гъ, гь, ѣъ, ѣь съ сильными ъ, ь: бѣлор. крошка, кровный, хрост, обро́ць, обро́тка (недоуздокъ), глоць (т. е. глотнулъ, Быховск.: Романовъ, Бѣлор. сб. III, 213), кло́чча (клочья); малор. кров, крот, дрож, бло́шка, блошни́ця, род. мн. дров. Сравните также великорусскія: крот, трёх, слёз, крошка, блох, клок, дрожь, бровь, кровь. Въ начальномъ слогѣ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ находимъ ро, ло, ре, ле: рожь, ложь, лоб, лён, лесть, ревнив, рот.

Подобно южнославянскому вытѣсненію сочетаній г, l + гласная полнаго образованія слоговыми плавными, восходящими къ общеславянскимъ г, l + ъ, ь (несильными), подобно такому же явленію въ единичныхъ, впрочемъ, случаяхъ въ чешскомъ языкѣ, и въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ находимъ въ единичныхъ случаяхъ вытѣсненіе ро, ло, ре, ле указаннаго происхожденія сочетаніями ры, лы, ри, ли, восходящими, какъ увидимъ, къ общеславянскимъ сочетаніямъ г, l + ъ, ь (не сильныя). Ср. бѣлор. крышка вм. крошка подъ вліяніемъ крыха, дрыўми́ вм. дровми подъ вліяніемъ дрыва (Минск., прогр. Карскаго № 7), глытка вм. глотка подъ вліяніемъ глыта́ць (Орш., Сѣнн., прогр. Карскаго № 4), яблышный, яблычка вм. яблошный, яблочка подъ вліяніемъ яблыко. Въ малор. видимъ крів вм. кров, крівни́й (подъ вліяніемъ криви, крівяний), кри́шка, кри́хта, дриж, три́вність (при тре́вність), брівка и т. д.

Во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ замѣчается вытѣсненіе сочетаніями г, l + гласная полнаго образованія только что указаннаго происхожденія — сочетаній г, l + согласныя, восходящихъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ г, l + ъ, ь несильныя. Такъ въ болгар. подъ вліяніемъ лев является ле́вове, подъ вліяніемъ лен — ле́нен, ле́нян, подъ вліяніемъ лесно — ле́сен, подъ вліяніемъ лесть — лестѫ́. Въ сербскомъ находимъ: ра̏жи, ла̏жи, ла̀жа, ла̀жљив, ла̏ва (р. ед.), ла̏вица, ла̏нен, лакђа, ра̏жан, ла-

жичица (лажице въ древнесербск. гр. XV в., Майковъ, Ист. сербск. яз. 384). Въ словенскомъ ləbánja, ləbà, ləgâk, laníšče, lanę̑n, ləstən (хитрый) и др. Въ западнославянскихъ языкахъ распространеніе ге, ѣе, ře, ле замѣчается не только въ началѣ словъ, но и послѣ согласныхъ: чешск. lenu (р. ед.), lenĕný, lebek, lebi (род.), lebań (Морав.), lesknouti, blecha, blechatý, poslechnouti, rezavý, reze (р. ед.); польск. pokrewieństwo, leniec (уменьш. отъ len), drewienko;в ерхнелуж. lenowy, lenaty. Въ малор. отмѣтимъ блоха́, крова́вий, кро́ва (въ знач. кровь), кро́ви (род. п.), кровяни́й, бро́ва и брова́ (бровь), брова́тий, хрести́ти, хрести́ни, глота́ти, дро́ва и дрова́, дрожа́ти, тростина́, тростяни́й, хребе́т, рота́тий (при рта́тий), ложли́вий (лживый), лено́к, лёну и ле́ну (р. ед.), левеня́, лоба́н, лоба́тий; въ бѣлор. ло́ба (Минск., прогр. Карскаго № 7), лёну (Дисн., тамъ же, № 6), блаха́ (Слуцк., тамъ же, № 5; Новоалекс., тамъ же, № 11), храбе́тнуу косточку (Рогач., Романовъ, Бѣлор. сб. III, 357), хращоную (Быховск., тамъ же, с. 167) и т. п.

И такъ, данныя всѣхъ славянскихъ языковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ общеславянскихъ сочетаніяхъ r, l + ъ, ь—эти послѣднія были сильными (и конечно слоговыми) звуками при тѣхъ самыхъ условіяхъ, при которыхъ вообще произносились сильно ъ, ь, а именно передъ слогомъ, содержащимъ (слабыя) ъ̆, ь̆. Но этимъ врядъ ли предрѣшается вопросъ о произношеніи сочетаній r, l + ъ, ь вообще, т. е. и при такомъ положеніи въ словѣ, гдѣ ъ, ь не произносились сильно, а должны были звучать слабо: вопросъ о томъ, произносились ли сочетанія r, l + ъ̆, ь̆ несильныя съ слоговыми плавными и неслоговыми гласными или съ неслоговыми плавными и слоговыми гласными—остается открытымъ.

Противъ предположенія, что rъ̆, ѣъ̆, rь̆, lь̆ произносились въ общеславянскомъ языкѣ, когда ъ, ь не были сильными звуками, какъ r̥ь, ѣ̥ъ, r̥ъ, l̥ь, свидѣтельствуютъ западнославянскіе языки,

хотя, какъ увидимъ, совокупность представляемыхъ ими данныхъ не даетъ рѣшительныхъ аргументовъ въ пользу консонантическаго произношенія r, l въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ.

Въ современномъ чешскомъ и словацкомъ языкахъ всякое r и всякое l между согласными звучатъ какъ слоговые звуки: hltati, krvavý, krve, klvati, klnu, slza, trstěný, krtice, krstiti, oslnouti (ослп-), словацк. krstit', hlboký, hrdza (ржавчина), trvanie и т. д. Ср. дальнѣйшую вокализацію l въ словахъ какъ kluky (отсюда и kluk), діалект. sluza (напр. у Бартоша въ Dialektologie moravská, II, 165, 232), sloza (тамъ же, II, 207), старочешск. діалект. blucha (Gebauer, Histor. mluvnice, I, 295), діалект. hutnót' (Bartoš, II, 16), puku (pukŕ, Bartoš, I, 38), suze (тамъ же), sudza (I, 41), новочешск. klutati; отмѣтимъ еще лашское syĺza, гдѣ сходно измѣняется r̥: kryvě (р. ед.); валашск. kylnut', далѣе діалект. huĺtat'; ср. Gebauer, Hist. mluvn. I, 291, 295, 298. Но въ старочешскомъ, какъ это доказано на основаніи стихосложенія Гебауеромъ, r и l, восходящія къ общеславянскимъ rъ, rь, lъ, lь, произносились какъ согласныя, въ противоположность r и l, восходящимъ къ общеславянскимъ ъr̥, ьr̥ и т. д.: старочешск. krvavý (двусложное), tkadlcě (двусложное), klnu (однокл.), brdu (однокл.), krve (род. ед., однокл.), slza (однокл.). Ср. Hist. mluvnice, I, 59, 60 и др. Равнымъ образомъ въ современномъ чешскомъ вокализировались r, l въ концѣ словъ послѣ согласныхъ: старочешскимъ mohl, bratr, mysl (однокл.) соотвѣтствуютъ mohl̥, bratr̥, mysl̥, ср. діалект. vítyr, řekyl, padyl, pasyl (Bartoš, II, 248, 247), lekel se, sněděl (II, 127). — Въ связи съ консонантическимъ произношеніемъ r въ старочешскомъ стоитъ измѣненіе его подъ вліяніемъ слѣдующаго ь въ сочетаніяхъ rь въ ŕ, откуда далѣе ř: старочешск. břdu, hřbieti (лежать въ гробу), hřmieti, совр. чешск. hřbet, třtí (вм. trьstije), třtina (вм. trьstina), křtiti, křtu (р. ед. отъ křest), třmen и střmen, třpyt, старочешск. třmi (трьми), třpaslek (ср. старосл. трьпастъкъ, обезьяна); ср. еще въ концѣ слова vňutř, vnitř.

Изъ этихъ фактовъ можно бы вывести, вслѣдъ за Гебауе-

ромъ, что общесл. rъ, lъ и т. д. измѣнились въ чешскомъ въ r, l (неслоговыя), а отсюда сдѣлать заключеніе, что въ общеславянскихъ сочетаніяхъ r, l + z, ъ плавныя были консонантами. Но, во-первыхъ, насъ останавливаетъ общее для всѣхъ современныхъ чешскихъ говоровъ сонантическое произношеніе r, l въ соотвѣтствіи общеслав. r, l + z, ъ: не указываетъ ли это, что и въ старочешскомъ, по крайней мѣрѣ діалектически, были извѣстны r̥, l̥ въ разсматриваемыхъ случаяхъ. Во-вторыхъ, то обстоятельство, что въ старочешскомъ сочетаніи hr + согласная изъ rъ + согласная r произносился какъ слоговой звукъ (komon hyrzal въ Александріи по сп. XIII в., причемъ hyrzal, т. е. hrzal читалось за два слога, ср. Gebauer, I², 462), доказываетъ, что діалектически и въ старочешскомъ общеслав. сочетанія trъt, trьt и т. д. звучали какъ tr̥t. Въ-третьихъ переходъ rъ въ ř оказывается далеко не общимъ явленіемъ: въ старочешскомъ находимъ и brdu, brněti (польск. brzniеć), совр. trnož, trpaslík, strměti, škrhotati, діалект. chrbet (ср. Gebauer, Hist, mluvn. I, 338 и сл.); слѣдовательно, если только вообще ř не являлось подъ вліяніемъ ře въ родственныхъ формахъ (что̀ сомнительно), можно заключить о существованіи r̥ при ř, br̥du при břdu, и въ старочешскомъ [1]). Въ-четвертыхъ, нѣкоторыя написанія старыхъ памятниковъ заставляютъ думать о сонантическомъ произношеніи r, l въ разсматриваемыхъ случаяхъ уже въ отдаленныя эпохи жизни чешскаго языка: ср. krywe, ot tkadlyczie, slyzamy, slyzy, yabliki, blicha, osslynuly (ослѣпли), kyrwe, we kirwy, w kirwi, kirsta (р. ед.), silzy, zzylz, kruczycze (krtice); ср. еще mysel, mohel, przynesel, rzekel, dobir, bratir, nemohyl, kradyl, причемъ самъ Гебауеръ, изъ исторической граматики котораго взяты эти примѣры, думаетъ, что они свидѣтельствуютъ о живыхъ фактахъ стараго языка, о діалектическомъ произношеніи, подобномъ современному измѣненію r̥, l̥ въ ur, er, ly и т. д. въ разныхъ чешскихъ говорахъ. Правда, на стр. 299 Гебауеръ обращаетъ вниманіе на то, что we kirwi въ стихотвор-

1) Чешск. setrvati ведетъ насъ къ trvati съ консонантическимъ r, а strvati къ trvati съ сонантическимъ r.

номъ изложеніи Мученій Христовыхъ должно читаться въ два слога, далѣе что we kirwy, ze kirwe другихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ своимъ e въ предлогахъ, что r звучалъ какъ согласная, но кажется ничто не препятствуетъ предположить, что въ указанныхъ написаніяхъ отразились два говора — говоры оригинала и писца, писца, произносившаго v krvi, z krvi но писавшаго, вмѣсто w, z, we, ze, слѣдуя оригиналу, составитель котораго произносилъ ve krvi, ze krvi.

Сонантическое произношеніе начальныхъ r, l предъ согласными въ чешскомъ отрицается Гебауеромъ (напр. Hist. ml. I, 59); неясно, какъ въ виду этого понять рѣшительное утвержденіе Вондрака о томъ, что r, l въ чешскомъ въ началѣ слова передъ согласной произносятся какъ слоговые звуки: rdousiti, rtut', lstivý (Archiv XXV, 191). Что до древнечешск. listiwie, приводимаго Гебауеромъ (I, 299) и читаемаго въ стихѣ за два слога, то быть можетъ это описка или неудачное написаніе вм. lstiwie[1]); діалектическое łužica (Bartoš, Dialekt. II, 16, 46; Gebauer, I, 254) при l'ižica (Bartoš, тамъ же), užica (Bartoš, I, 14; II, 16, 5) указываетъ на возможность вокализаціи и начальнаго l передъ согласными.

И такъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что общеславянскія сочетанія r, l + ъ, ь, по крайней мѣрѣ послѣ согласныхъ, перешли въ чешскословацкомъ языкѣ въ r̥, l̥, при діалектическихъ r, l.

Въ польскомъ языкѣ слоговыхъ плавныхъ нѣтъ вообще; вмѣсто общеславянскихъ ъr, ьr, ъl, ьl и т. д. здѣсь явились сочетанія ar, ir, il, łu и др. Вмѣсто же общеславянскихъ rъ, rь, łъ, lь мы находимъ только r, rz, ł, l, т. е. простыя согласныя, которыя при томъ опускаются въ рядѣ группъ изъ неудобопроизносимыхъ вмѣстѣ согласныхъ: krwi (р. ед.), krwawy, drwa, drwić, trwać, trwoga, trwonić, krtań (изъ grъtanь), jabłko, (откуда jabko), łza (изъ slьza), płci (род. п.), plwać, klnąć, grzbiet,

1) Ср. peczylywost, gymyety, puohrzymyelo и др. Gebauer, Hist. mluvn. I, 227.

krszyć, krszyna, kszyna, chrztu (p. n.), chrzcić, trzcina, grzmieć, trzpiot, brnąć; pchła (изъ błcha), obfity, древнепольск. opfity (изъ oplwity), knąbrny при krnąbrny (изъ krъnąbrьny), rdzeń, zdrzeń (изъ strьdjьnь). Въ концѣ словъ видимъ также согласныя r, l: wróbl (древнепольск., ср. Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древнепольск. яз., с. 74), płótł, niósł, grzebł, piekł, szedł (діалект. ńuós, grys, krad, pad, sed). Въ началѣ словъ также согласныя: łgać, łkać, lsćiwy, lnu, lniany, rżany, rżeć, rdzawy, rdza. Но кажется, ошибочно было бы отсюда заключать, что польскій не сохранилъ никакихъ указаній на слоговой характеръ r, l въ общеславянскихъ rъ, łъ и т. д. Въ Флоріанской псалтыри XIV в. слово хребетъ пишется между прочимъ chirzybet (при chrzebet), скрежетать — scrszitalo, skrszitali, skrszitacz, skrzytacz (совр. zgrzytać); кромѣ того находимъ we kirwyech, opylwite, opylwitim, obpliwicze (при oplwita, oplwiczi), grzemecz (grьmѣti), ylszywego (льстиваго)[1]). Отмѣчу еще eł, er въ skrzydeł (древнепольск. zkrzidl, scrzidl), діалект. wiater (куявск.), el въ wróbel (древнепольск. wrobl), а также el въ древнепольск. elgotha, elgotam (льгота). Мнѣ кажется, и на основаніи данныхъ польскаго языка можно заключать о двоякомъ отраженіи въ немъ общеславянскихъ rъ, rь, łъ, lь послѣ согласныхъ: въ большинствѣ говоровъ явились согласныя r, ł, l, но въ нѣкоторыхъ r̥, l̥, ł̥, откуда ir, il, er, eł.

Въ обоихъ лужицкихъ языкахъ на мѣстѣ общеславянскихъ сочетаній r, l + ъ, ь находимъ согласныя r, l, выпадающія въ неудобопроизносимыхъ группахъ. Ср. въ верхнелуж. ržeć и žrjeć (дрѣжати), kŕćić, tŕmjeń, pleć (изъ plьváti), bleć (изъ blьvati), tkha (блъха), trać (трьвати), jiknak при jikrnak (рыбья самка); въ нижнелуж. džaś, klnu, kšćiś, ścina (trьstina), tšmjeń, łza или łdza (сльза), pcha (блъха), kšawny (верхнелуж. krwawny при krawny), slabny, діалект. srĕbny, srjebny (сѣребрьнъ), діалект. jabko. Такъ же въ концѣ словъ: верхнелуж. kmótr, nutŕ,

1) Leciejewski въ Archiv f. sl. Ph. VI, 510, 529; Бодуэнъ-де-Куртенэ, 173.

нижнелуж. kmotr, nutś, wjapś, mokś (urina), верхнелуж. pletł, нижнелуж. wjadł, pjakł, rjakł и т. д. Въ началѣ словъ: верхнелуж. łhać, łža, łžica, lnišćo, откуда lišćo, ržišćo, ržany, нижнелуж. rwaś, łgaś и łdgać, łžyca, rżyny. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оба лужицкіе языка представляютъ указаніе и на древнее слоговое произношеніе r̥, l̥:—это замѣна ихъ сочетаніями ył, il, ri, er, or, ły, łu. Ср. верхнелуж. hiltać (глотать), syłza, khribjet, kyrk (гортань, ппш. krk, ср. Mucke, c. 122), соотвѣтствующее не польск. kark, а польск. krzczyca (затылокъ, загривокъ), jabłoko и jabłyko, slěborny, herca (род. ед.: igrśca); нижнелуж. gerca (род. ед.), slaberny, jabłuko, діалект. kśibt, słyza. Ср. еще въ концѣ слова: нижнелуж. bober (при bobr), hugel (верхнелуж. wuhl), mógał (при mógł); и др. (Mucke, 143). Въ виду этихъ данныхъ я заключаю о двоякомъ измѣненіи общеславянскихъ rъ, rь, łъ, lь и въ лужицкихъ языкахъ: при r, l (согласныхъ), мы находимъ въ нихъ діалектически r̥, l̥, съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями.

Въ полабскомъ языкѣ вмѣсто общеслав. rъ, rь, łъ, lь мы правильно и постоянно находимъ rå, lå, какъ въ началѣ словъ, такъ и въ серединѣ послѣ согласныхъ: låze (лжетъ), råvat (рвать), råzé (мн. отъ råz: рожь); slådza и slåza, blåcha, dråva, bråvái (брови), blåve (къ blьvati), klåne (клянетъ); въ концѣ слова находимъ ål вм. łъ, напр. въ krodål (кралъ), jëdål (ѣлъ), er вм. rъ, rь, напр. въ dibber (добръ, т. е. düber), wipper (вепрь), wjoter (вѣтръ). Имѣя въ виду съ одной стороны вставку å между согласными, напр. въ kårắi (старослав. кръі), tårí, tårái (три, триѥ), съ другой стороны переходъ общеславянскихъ слабыхъ ъ, ь, выпадающихъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ å; напр. въ dånŭ́ (дъно), dắmė (дъметь), tåkat (тъкати), dåvó (дъва), såpót (съпати), kåtŭ́ (къто), трудно рѣшить, восходятъ ли полабскія rå, lå непосредственно къ rъ, łъ и т. д., или rå, lå замѣнили согласныя r̥, l̥, или наконецъ rå, lå стоятъ вмѣсто слоговыхъ r, l. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ, быть можетъ, судьба общеславянскихъ oI, eI въ полабскомъ: вмѣсто нихъ,

какъ извѣстно, находимъ lå, напр. въ mlắdy, mlắcnу (молочный), slắma, dlån, glắva, klås. Что такое это lå? Выводить его изъ ol̆ путемъ перестановки трудно, во-первыхъ, потому что ol̆ перестановкѣ не подверглось, во-вторыхъ, потому что въ результатѣ перестановки можно бы ожидать lo, откуда однако получилось бы lü, въ-третьихъ потому что lå замѣнило и el, между тѣмъ какъ er подверглось при перестановкѣ измѣненію въ ri или rë. Не слѣдуетъ ли возводить lå къ l̥, которое явилось бы изъ общеславянскихъ ol, el, вслѣдствіе перехода этихъ сочетаній въ ol̥, el̥ и послѣдовавшаго за симъ исчезновенія гласной передъ слоговой плавной? Если slåma восходитъ на sl̥ma (изъ solma), то slåza можетъ объясняться изъ sl̥za. Въ виду однако высказанныхъ выше сомнѣній относительно происхожденія å въ сочетаніяхъ rå, lå, оставляю въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи показанія полабскаго языка въ сторонѣ.

Разсмотрѣніе данныхъ, представляемыхъ западно-славянскими языками, приводитъ къ выводу, что общеславянскія rъ, rь, lъ, lь отразились въ нихъ вообще двояко: съ одной стороны, вмѣсто нихъ появились послѣ исчезновенія ъ, ь — согласныя r, l, съ другой же стороны они были замѣнены слоговыми r, l. Это указываетъ на двоякое произношеніе разсматриваемыхъ группъ еще въ общеславянскую эпоху: рядомъ съ rъ, rь, lъ, lь (съ слабыми ъ, ь) въ однихъ діалектахъ были извѣстны r̥̆, r̥̆, l̥̆, l̥̆ въ другихъ. Дѣйствительно, лужицкія или древнепольскія il, ul, ir, ri и т. д. указываютъ на l̥, r̥: но слоговыя плавныя не могли бы развиться изъ согласныхъ на почвѣ такихъ языковъ, которые вообще ихъ не знаютъ; вѣроятнѣе поэтому возводить эти слоговыя плавныя къ эпохѣ общеславянской. Напротивъ, старочешскія консонантическія r, l нельзя понять какъ результатъ измѣненія сонантовъ r̥, l̥, ибо эти сонанты остались безъ измѣненія тамъ, гдѣ они восходятъ къ общеславянскимъ ъr̥, ъl̥ и т. д.; вѣроятнѣе поэтому возводить эти консонантическія r, l къ общеславянской эпохѣ.

Южнославянскіе языки отразили въ себѣ такіе общеславян-

скіе діалекты, которые знали только одно произношеніе изслѣдуемыхъ нами сочетаній, а именно съ слоговыми плавными: r̥̂, r̥̂, l̥̂, l̥̂. Это ясно слѣдуетъ изъ совокупныхъ указаній всѣхъ южнославянскихъ нарѣчій.

Уже въ старославянскихъ памятникахъ можно отмѣтить написанія какъ **оутрнн** (Мар. ев.), **крста** (Клоц.), гдѣ р должно читать, конечно, какъ r̥. Ср. въ позднѣйшихъ болгарскихъ памятникахъ **крвє** (Карп. ев.), а также **сълза** (Лѣт. Манассіи), **облъсти**, **блъстаціє** (Лѣт. Манассіи), **слъза** (Шестодн. Іоанна Болг.), **лъстацієн** (Парем. Хлуд.), **слъзєнъ** (Сб. 1348), **ръвєннѣ** (Парейм. Григоровича). Лавровъ, Обзоръ, 43, 35. Имѣя въ виду, что **врьхъ**, **скврьна**, **влькъ**, **грѣдынн**, **крьма** и т. д. надо читать съ r̥, l̥ (и послѣдующими неслоговыми ъ, ь), можно съ увѣренностью читать такъ же **слъзами** (Савв. и Мар. ев.), **крькн** (Савв. и Мар.), **кръвє** (Клоц.), **кръстнтъ** (Мар. ев.), **клънжштым** (Зогр.), **плътн** (Савв.), **дрьколмн** (Зогр.), **кръштєньє** (Клоц.). Впрочемъ, мы имѣемъ и прямыя доказательства такого произношенія съ слоговыми плавными: возможность появленія написаній какъ **крстъ** при **кръстъ** (Клоц.), **ркъ** при **крькъ** (Мар. ев.), **плть** (Ев. Григоровича) ясно свидѣтельствуетъ о произношеніи kr̥sta, kr̥vi, pl̥ti, такъ какъ мы ожидали бы здѣсь крестъ, кровь, плоть (ср. выше).

Въ современныхъ македонскихъ говорахъ извѣстно произношеніе съ r̥, l̥: напр. въ словахъ яблка, блхи, слзи, проклна (ср. Oblak, Archiv, XVI, 198). Но вообще въ болгарскихъ говорахъ r̥, l̥ перешли въ ъr, ъl или гъ, лъ, откуда діалектически ra, la, er, ol, al: слъза, дръво, кръстиш, кълна, ябълчицъ, бърздъ, кърви; ябалка; длабоко, сребрани; го́лтат, ко́лни, яболка, дерво (примѣры у Лаврова, Обзоръ, 44 — 46); ср. въ памятникахъ болгарскихъ **гратань**. Указаніе на слоговое произношеніе плавныхъ въ концѣ словъ передъ согласными находимъ въ соврем. діалектическихъ мисъл, вятър, пекъл, текъл, несъл, при чемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ слышится и: рекал, опекал, рекол, топол, ветер (Лавровъ, тамъ же, 41 — 42). Въ началѣ словъ видимъ ръ, лъ, восходящія къ r̥, l̥: лъжа́ (ложь), лъжец, лъжи́ца

(ложка), лъжли́въ, лъщѫ (блещу), лъстѫ (льщу), ръжа́ный, ръжда́ (ржавчина), ръвѫ (кусаю); діалектически является ър: ърже, ърждиви, ържен, ържав, ърждив, ържам, ържнам, а также ла: лажи́ца (Слов. Дювернуа).

Въ сербохорватскомъ общеславянскимъ гъ, гь не въ концѣ слова и не послѣ гласной всегда соотвѣтствуетъ слоговое r: кр̀ви, кр̀стити, кр̀тица, др̀во, др̀ва, др̀вен, тр̀бух, о̀брва (бровь), др̀пити, др̀пати (рвать, терзать, ср. чешск. drápati, польск. drapać съ другимъ видомъ основы), стр̀мен (ср. чешск. třmen) стр̀менит (крутой, обрывистый, чешск. strmý). Въ началѣ слова: р̀зати (ржать), р̀скати (разгрызать съ шумомъ), р̀жан и р̀жи (Черногорск.), р̀вати, р̀ђа, р̀вем и т. д. Слоговое l̥ изъ lъ, lь сохранилось на островахъ Далматинскаго побережья: dl̥bokŏ, pl̥t (semen humanum), pl̥tĭ, bl̥hȁ, pogl̥knȕt, jȁbl̥ko, sl̥zȁ [1]). Вообще же оно перешло послѣ согласныхъ въ u въ краткихъ слогахъ: сȕза, бȕха, гȕтати, дȕбок, јȁбука. Въ началѣ слова l̥ переходитъ въ o: о̀жица (ложка), о̀жујак (названіе мѣсяца марта въ Дубровникѣ, ср. лѐжко — апрѣль въ Шумнинскомъ округѣ, Слов. Дювернуа), прио̀нути (прильнуть). Впрочемъ, діалектически извѣстно вѣроятно и *u* вм. *o*: заключаю это изъ произношенія lubanja (лобная кость, у Берлича: lubânja, у Ямбрешича: lubánja), которое явилось вмѣсто *убања подъ вліяніемъ *лаб (лобъ); ср. ло̀жица вм. о̀жица подъ вліяніемъ *лажка (ложка), откуда и ла̀жица. Произношеніе жли̇́ца въ Герцеговинѣ (Караджичъ) и у Берлича едва ли не свидѣтельствуетъ о возможности консонантическаго произношенія l въ предполагаемомъ *lžica. Въ концѣ словъ послѣ согласной гъ, гъ, lъ, lъ, откуда r̥, l̥, измѣнились въ древнюю эпоху жизни сербскаго языка въ ър, ъл, откуда далѣе ар (ер), а подъ вліяніемъ перехода l̥ въ o послѣ гласныхъ (ср. ниже въ VII главѣ) — al замѣнено черезъ ао: вје̏тар, о̏штар, ми́сао, ре̏као, мо̏гао (ср. въ памятникахъ: понесаль, порекаль, могаль, добарь, земаль, петарь, дмитарь, паваль. Майковъ, Ист. сербск. яз. 385 — 386).

1) Облакъ, Zum silbenbildenden l im Slavischen въ Archiv, XVI, 200 — 201.

Въ словенскомъ языкѣ находимъ отношенія, сходныя съ сербскими. На мѣстѣ общеславянскихъ rъ, rь не въ концѣ слова и не послѣ гласной является ṛ съ діалектическимъ измѣненіемъ его въ ar: kr̀t, kŕta (кротъ), kŕstiti, krvâv, kr̂v, krvî, trstû (р. п.), trstę̂n, strmę̂n (круча), strmẹ́ti; obarvi, karvé и karví (Miklosich, Vergl. Gr. I, 304), jútrnji, zajutršnji. Въ началѣ слова: rzáti, ŕžem, r̂ž, ržî, rjà, ŕjast, ŕta (р. ед.), rtèč; любопытно, что въ восточноштирійскихъ говорахъ ṛ сохраняется въ серединѣ слова, но переходитъ въ ar въ началѣ: ardeči вм. ṛdeči, arja, zaarjaveti, arjavi, arženi (Ilešić, Archiv f. sl. Ph. XXI, 205). Слоговое l перешло въ краткихъ слогахъ въ u, въ долгихъ въ ou̯, при чемъ однако различіе между u и ou̯ утрачено въ большинствѣ говоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые обобщили u, а другіе ou̯ (ср. Облакъ, Archiv, XVI, 204 и сл.): ср. въ литературномъ нарѣчіи sóu̯za, pou̯t, pou̯tî, póu̯ten, bóu̯ha, gou̯táti, bou̯ščati (блыщати); въ рыбницкомъ говорѣ: suza, buha, jabuka; въ бегунскомъ говорѣ Средней Крайны: kou̯nem, но jábuka; въ горицкомъ среднекарстскомъ говорѣ: sóu̯za, súza, kúnəm, но bȍha и bαha, и т. д. Въ началѣ словъ l совсѣмъ не извѣстно передъ согласными, такъ какъ u, въ которое оно перешло, подверглось редукціи: ləgáti, ləbánja новообразованія вмѣсто *əgáti, *əbánja (подъ вліяніемъ lážem, ləb). Въ концѣ словъ находимъ əl, ər, а подъ удар. al: р. мн. rę́bər, vę́səł (и vesâł), čîsəł, sę́stər (sestâr), konǫ́pəl̥ (konopâl̥), zemâl̥, igâr.

Въ виду единодушныхъ показаній южнославянскихъ языковъ приходится допустить переходъ rъ, rь, lъ, lь въ ṛ, ḷ въ эпоху общей жизни этихъ языковъ. Но, какъ мы видѣли, всѣ западнославянскіе языки свидѣтельствуютъ о такомъ же, хотя и діалектическомъ, переходѣ въ отдаленныя эпохи ихъ жизни. Мы дѣлаемъ отсюда выводъ, что r и l въ соединеніи съ ъ, ь звучали діалектически какъ слоговые звуки уже въ общеславянскомъ языкѣ. Правда, возможно предположить, что r, l ста-

новились слоговыми послѣ выпаденія слѣдовавшихъ за ними ъ, ь въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ; правда, мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, указывающія на возникновеніе r̥, l̥ изъ r, l передъ согласными или въ группѣ согласныхъ на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ[1]) — все же я признаю болѣе вѣроятнымъ возводить современныя славянскія r̥, l̥ къ общеславянскимъ r̥ь, l̥ъ и т. д., при томъ по слѣдующимъ основаніямъ. Во-первыхъ, r̥, l̥ можно доказать въ словахъ какъ kr̥stъ вм. kr̥stъ подъ вліяніемъ kr̥sta для такихъ эпохъ, когда ъ и ь еще не исчезли изъ произношенія (Мар. ев. крстъ); во-вторыхъ, разсмотрѣнныя выше свидѣтельства западнославянскихъ и южнославянскихъ языковъ доказываютъ способность r и l къ вокализаціи въ этихъ языкахъ: эту способность, въ виду совпаденія указаній отдѣльныхъ слав. языковъ, слѣдуетъ возводить къ общеславянской эпохѣ, при чемъ въ ней же могли быть даны и условія, приведшія плавныя въ сочетаніяхъ съ ъ, ь къ вокализаціи, къ переходу въ слоговые звуки, въ-третьихъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ сочетаніяхъ tĭrt, tŭrt и т. д. r, l (долгія) вокализовались вслѣдствіе редукціи краткихъ i, u и перехода ихъ въ ъ, ь; редукція i, u за r, l въ сочетаніяхъ rĭt, trĭt, а можетъ быть и въ сочетаніяхъ типа—trĭ (т. е. въ концѣ слова), могла точно также имѣть слѣдствіемъ вокализацію r, l и переходъ указанныхъ и имъ подобныхъ сочетаній въ r̥ьt, tr̥ьt, tr̥ь, хотя, какъ мы видѣли выше и разовьемъ это ниже, въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеславянскаго языка r и l не были склонны къ вокализаціи, почему въ нихъ послѣ редукціи ĭ и ŭ являлись сочетанія rьt, trьt, trь съ неслоговыми плавными и слоговыми ъ, ь; въ-четвертыхъ, мы отмѣтили колебаніе въ произношеніи съ слоговой или неслоговой плавной въ чешскомъ, польскомъ, лужицкихъ языкахъ въ ихъ исторіи, а также, быть можетъ, и въ сербскомъ (ср. жлица вм. lžica съ консонантическимъ l): если бы слоговая плавная въ сочетаніяхъ, восходя-

1) Сошлюсь на словенское r̥júti (діалектическое arjuti) изъ общеслав. r′uti послѣ перехода r′u въ rju.

щихъ къ tr̆t, tr̆ŭt, развивалась или напротивъ не могла развиться изъ неслоговой на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, вслѣдствіе выпаденія ъ, ь послѣ плавной и встрѣчи послѣдней съ согласными, мы ожидали бы бо̀льшаго единства въ каждомъ изъ названныхъ языковъ, т. е. или послѣдовательнаго развитія въ нихъ слоговыхъ плавныхъ или послѣдовательнаго же отсутствія въ нихъ такого развитія; различіе между старочешскимъ slza и новочешскимъ sl̥za, sluza, возводящееся къ исконному діалектическому различію, легко можетъ быть возведено къ колебанію въ общеславянскомъ языкѣ произношенія slьza и sl̥̆za; допустить же, что slza было старымъ произношеніемъ, вытѣсненнымъ впослѣдствіи произношеніемъ sl̥za, нельзя уже потому, что и въ нижнелужицкомъ мы находимъ ł̇za (восходитъ къ slьza) при sł̇yza (восходитъ къ sl̥̆za), ср. верхнелуж. syłza; въ виду указаннаго колебанія въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, вѣроятно то же колебаніе возводить къ эпохѣ общеславянской и допускать въ ней діалектическій переходъ tr̆t и т. д. въ trьt при болѣе обычномъ tr̥̆t.

Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію относящихся сюда явленій въ русскомъ языкѣ, остановлюсь еще на вопросѣ о причинахъ колебанія въ произношеніи trьt и tr̥̆t въ общеславянскую эпоху. Во-первыхъ, такое колебаніе могло быть діалектическимъ, обусловленнымъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ говорахъ общеславянскихъ (краткія) согласныя r, l (а также какъ увидимъ ниже и другія согласныя — v, j) утратили способность становиться сонантами: заключаемъ это между прочимъ изъ того, что область консонантическихъ r, l (изъ rĭ, lĭ и т. д.) ограничивается почти одними западнославянскими языками, гдѣ, какъ извѣстно, r обнаружилъ склонность къ измѣненію въ фрикативныя согласныя (спиранты) и, быть можетъ, уже въ очень древнюю эпоху въ положеніи за согласными и передъ ними утрачивалъ свойственную сонорнымъ согласнымъ звонкость: ср. переходъ ŕ въ чешскомъ въ ř, въ польскомъ въ ž и š (изъ ř), и такой же переходъ r несмягченнаго въ š въ нижнелужицкомъ; къ переходу же въ

сонанты склонны скорѣе сонорныя плавныя, чѣмъ фрикативныя r, l. Во-вторыхъ, произношеніе trъt вмѣсто tr̥̂t могло являться въ отдѣльныхъ словахъ и формахъ словъ подъ вліяніемъ аналогіи; такъ мы видѣли, что въ положеніи прѣдъ слогомъ съ ъ, ь, звуки ъ, ь послѣ r, l оставались въ общеславянскомъ не только слоговыми, но и сильными (krъvъ, plъtь); отсюда въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ замѣстители сильныхъ ъ, ь проникали и въ слоги, за которыми слѣдовали слоги съ гласными полнаго образованія (ср. выше); можно думать, что подобное явленіе замѣчалось уже въ общеславянскомъ языкѣ и что въ немъ krъvъ, grъžь могли вызвать krъvi, krъvavъ, grъži, grъžanъ съ слоговыми, но слабыми ъ, ь и въ такихъ діалектахъ, гдѣ вообще вм. rй, rї, lй, lї стали произносить r̥̂ъ, l̥̂ъ и т. д.; въ положеніи въ концѣ слова послѣ согласной r̥̂ь, l̥̂ь и т. д. могли въ этихъ діалектахъ еще въ общеславянскую эпоху замѣняться сочетаніями rь, lъ подъ вліяніемъ rї, ra, li, lo и т. п. родственныхъ формъ: vętr̥̂ъ переходило въ vętrь подъ вліяніемъ vętra (но рядомъ сохранялось vętr̥̂ъ), rekl̥̂ъ — въ reklъ подъ вліяніемъ rekla, reklo (но рядомъ сохранялось и rekl̥̂ъ).

Общерусскій языкъ получилъ изъ общеславянскаго сочетанія r̥̂ъ, r̥̂ь, l̥̂ъ, l̥̂ь въ началѣ слова и послѣ согласныхъ. Оставляю нока въ сторонѣ вопросъ, унаслѣдовалъ ли онъ и діалектическое общеславянское произношеніе rъ, rь, lъ, lь. Въ общерусскомъ языкѣ r̥̂ъ, l̥̂ъ и т. д. сохранялись безъ измѣненія: это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ общерусскую эпоху ъ и ь вообще не подвергались ни утратѣ (при слабомъ ихъ произношеніи), ни переходу въ гласныя o, e (при сильномъ произношеніи). Послѣ распаденія на отдѣльныя нарѣчія (сѣверное, среднее и южное), r̥̂ъ, l̥̂ъ и т. д. подверглись различнымъ измѣненіямъ въ зависимости прежде всего отъ положенія въ словѣ. Надо различать при этомъ положеніе этихъ сочетаній послѣ согласныхъ въ началѣ

слова, положеніе ихъ послѣ согласныхъ въ серединѣ и въ концѣ слова, положеніе ихъ въ самомъ началѣ слова.

Сочетанія r̥ъ, l̥ъ *и т. д. послѣ согласныхъ въ началѣ слова* (tr̥ъt, tl̥ъt *и т. д.*). Въ сѣверноруссномъ нарѣчіи въ подобныхъ сочетаніяхъ, еще до перехода сильныхъ ъ, ь въ о, е, неслоговыя ъ, ь становились слоговыми и притомъ сильными звуками, а слоговыя r̥, l̥, r̥̄, l̥̄ измѣнялись въ согласныя r, ŕ, ŕ, ĺ: tr̥ъt измѣнилось въ trъt, откуда далѣе trot, tl̥ъt — въ tlъt, откуда далѣе tlet, и т. д. Указанное измѣненіе аналогично, какъ кажется, общерусскому измѣненію ъr̥, ьr̥ и т. д. въ ър, ьр: и въ этомъ общерусскомъ измѣненіи и въ позднѣйшемъ, сѣверноруссномъ, гласная становилась слоговой, а плавная неслоговой.

Примѣры: дрова́, дрожа́ть, содрогну́ться, броня́ и бро́ня (Новгор. 1-я лѣтопись: бръне, брънахъ, Ляпуновъ, Изслѣд. о яз. Синод. сп., стр. 38), глота́ть, проглону́ть, кроши́ть, кроха́, слеза́, древи́ть (арханг., досаждать, польск. drwić), крова́вый, гремѣ́ть, кресте́ть, тросте́ть, тростяно́й, крота́ (род. ед.), кро́товый, бровей (р. мн.), бро́ви (им. мн.), блоха́, бло́ху, хребе́тъ, скре́жет, скрежета́ть, пло́ти (р. ед.), клену́ (отсюда кляну́), плева́ть, блева́ть, трево́га, трезво́нъ, блестѣ́ть, оброта́ть, бразды́ (удила), требу́хъ, стрека́ть, стрекоза́, стреми́ться, стрёмый (проворный), гречи́ха, гре́ча.

Предложеному фонетическому объясненію сѣверноруссскихъ ро, ре, ло, ле изъ гъ, гь, лъ, ль (которыя выходятъ непосредственно къ r̥ъ, r̥ь, l̥ъ, l̥ь) можно было бы противопоставить другое, по которому ро, ре и т. д. замѣнили р, л (послѣ выпаденія глухихъ въ сочетаніяхъ гъ, ль и т. д.) подъ вліяніемъ сочетаній ро, ре, ло, ле изъ гъ, гь, лъ, ль съ слоговыми и сильными ъ, ь родственныхъ словъ и образованій, въ положеніи передъ слогомъ съ слабымъ ъ или ь, т. е. что напр. дрожать замѣнило *држать подъ вліяніемъ дрожь, глотать замѣнило *глтать подъ вліяніемъ глотъ, глот(ъ)ка и т. п. Въ пользу подобнаго объясненія можно было бы привести кстить, кстины изъ крьстити, крьстины, замѣненныя черезъ крестить, крестины подъ вліяніемъ крестъ. Но противъ

этого говорятъ, во-первыхъ, совершенная единичность кстить, кстины, являющихся въ такой же формѣ и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, подвергшихъ общерусское ṛь̯ фонетическому измѣненію въ ри, ры (поэтому о словѣ кстить, а также о Псковъ при Плесковъ скажемъ ниже); во-вторыхъ, невозможность подыскать причины вставки е, напр. въ древить, тревога, трезвонъ, гремѣть; въ-третьихъ, сопоставленіе съ южнорусскими и среднерусскими нарѣчіями, гдѣ аналогія не стерла слѣдовъ фонетическаго измѣненія разсматриваемыхъ сочетаній: сопоставленіе сѣвернорусскаго кроши́ть съ бѣлорусскимъ и малорусскимъ крыши́ць, крыши́ти, или сѣвернорусскаго трево́га съ малор. триво́жний доказываетъ фонетическое происхожденіе е и о въ сѣвернорусскихъ словахъ.

Въ среднерусскомъ и южнорусскомъ нарѣчіяхъ діалектически имѣлъ мѣсто такой же переходъ ṛь̯, ł̥ъ̯ и т. д. въ rь, łъ, откуда ре, ло. Заключаю объ этомъ изъ малор. трева́ти при трива́ти, трево́жний при триво́жний, требу́х при трибу́х, дро́ва и дрова́, дрожа́ти при дрижа́ти, дрогота́ при дригота́, кровяни́й при крівяни́й, греміти, гремотіти при гриміти, гримотіти, стреміти (чешск. strměti, словенск. strmẹ́ti), стремну́ти, стремено́ и стре́ме (круча ср. словенск. strmę̑n); стрена́дка (подорожникъ, Emberiza), ср. чешск. strnad, strnádek (то же), польск. trznadl, верхнелуж. stnadź; также изъ бѣлор. трасци́нка при трысци́цка (напр. Быховск., Сборникъ Романова III, 135), праглацила при праглыціўши (Ельн. Добров. Этн. сб. I, 624, 625), дражи́ць при дрыжи́ць (тамъ же, 510, 591 и 476), стремя-голову́ (стремглавъ), блева́ць, слези́нка, и нѣк. др. Правда, дрова́, праглаци́ць можно объяснить вліяніемъ род. мн. дров или отглагольнаго междометія глоць, стремено́ вліяніемъ параллельной формы стре́мно, но не такъ легко подыскать аналогію, вызвавшую е въ требух, тревати или греміти, стреміти. Вотъ почему причину колебанія между е и и, о и ы въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ словахъ должно искать въ томъ обстоятельствѣ, что ṛь̯, ṛъ̯ и т. д. и въ не сѣвернорусскихъ говорахъ

переходили діалектически въ rь, rъ, откуда впослѣдствіи re, ro. Слѣдуетъ, кажется, допустить, что въ восточной половинѣ среднерусскихъ говоровъ, легшихъ въ основаніе современныхъ южновеликорусскихъ, подобный переходъ былъ общимъ явленіемъ: вскорѣ послѣ распаденія общерусскаго языка восточные говоры среднерусскаго нарѣчія стали, какъ извѣстно, тянуть къ сѣвернорусскому нарѣчію, ср. общій для тѣхъ и другихъ переходъ ый, ій подъ удареніемъ въ ой, ей. Вотъ почему ни въ рязанской, ни въ тульской, ни въ тамбовской губерніяхъ мы не найдемъ теперь характерныхъ ры, лы вмѣсто ро, ло, ра, ла: краши́ть, кро́шить Тульск. у. (прогр. № 173), краши́ть, дражать Епифан. (прогр. № 140), краши́ть, дражать Касим. (прогр. № 47) и мн. др. Въ Касимовскомъ уѣздѣ отмѣчено въ программѣ № 111а дрыжа́ть, но здѣсь ы, такъ же какъ въ крыи́ть вм. краить, такъ же какъ у въ тупоръ (тамъ же), замѣнило по той или другой причинѣ редуцированную гласную въ слогѣ передъ удареніемъ.

Въ большей части среднерусскихъ и южнорусскихъ говоровъ r̥ъ̯, r̥ь̯, ł̥ъ̯, l̥ь̯ продолжали сохраняться и въ то время, когда въ сѣвернорусскихъ, а діалектически и въ другихъ русскихъ говорахъ эти сочетанія перешли въ rъ, rь, łъ, lь. Въ эпоху выпаденія глухихъ отсюда явились r̥, ŕ̥, ł̥, ĺ̥, которыя затѣмъ въ среднерусскихъ и большей части южнорусскихъ говоровъ перешли въ ры, ри, лы, ли, между тѣмъ какъ на крайнемъ западѣ, въ угорской Руси, оторванной отъ главной массы южнорусскаго племени, а частью и въ Галиціи, изъ слоговыхъ r, l развивались не только ры, ри, лы, ли, но и ыр, ыл, ир, ил, а также ер, ел. Объяснить бѣлор. и малор. дрыва, крышить изъ drъva, krъšitъ невозможно потому что, во-первыхъ, мы не знаемъ перехода ъ въ ы въ этихъ нарѣчіяхъ, во-вторыхъ, потому что малор. крівяний, дріжа́ти, трісьтя́ предполагаютъ непосредственное соприкосновеніе р и послѣдующей мягкой согласной, смягчившей это р, въ-третьихъ, потому что угрорусскія керви́, гырмі́ти прямо указываютъ на слоговое р. Равнымъ образомъ нельзя, думаю, объ-

яснить ы и какъ вставку въ группы согласныхъ, образовавшихся послѣ выпаденія ъ, ь: подобныя вставки вообще неизвѣстны ни въ бѣлорусскомъ, ни въ малорусскомъ нарѣчіяхъ, и если дѣло шло только объ облегченіи произношенія, непонятно, почему большинство говоровъ этихъ нарѣчій вставляло ы, и послѣ р, л, а не передъ ними. Что касается приведенныхъ въ Очеркахъ Соболевскаго написаній дърка, дъркы изъ Златоструя XII в. Публ. библ. (стр. 73), то не обозначаетъ ли здѣсь ър слоговое произношеніе r?

Приведу примѣры сочетаній р, л съ ы, и — изъ слоговыхъ r̥, l̥.

Среднерусскіе говоры. Западные, т. е. бѣлорусскіе. Здѣсь находимъ: дрыжáць, дрыжáка (дрыжáка бярэ́ць Новоалекс., программа Карскаго № 14), дры́жыки (напр. Минск., прогр. № 7), здрыгану́цца (здрыгану́лися Орш. и Сѣнн., прогр. № 4), крыха (вин. krychu Волковыйск. Federowski, 6), крыши́ць (Слов. Носовича, ср. кры́шуць Витеб., прогр. № 15, кры́шиць Мозыр., прогр. № 10), кры́шечка (крошечка, напр. ра krỳszaczcy Волков., Federowski, 51), крышекъ род. мн. (напр. Пинск. сѣверномал. прогр. Карск. № 1), крышеный (Слов. Носовича), чернобрывый (напр. Витеб., прогр. № 15, Мозырск., прогр. № 10), на брывáхъ (напр. Ельн., Добров. Этн. сб. I, 189), крыви́ (р. ед., напр. Ельн., Добров. I, 437, 174, крывей р. мн., тамъ же I, 185, 218, у кррыви Быхов. Сборн. Романова, III, 416, у крыви Рогачев., тамъ же I, 159), трысци́нка (двѣ трысцинки, Быхов. Сборн. Романова III, 215), дрыу́ми́ (дровами, Минск. прогр. № 7), тры́сциць (ломать что слоистое, Слов. Носовича), трысци́ць (тростить, соединять нити для сученія, Слов. Носовича), аббрытаў, ни набрытывай (Ельн., Добров. I, 513, 502).—блыха́ (напр. Орш. и Сѣнн. прогр. № 4, Новоалександр. прогр. № 11), праглыци́ць (напр. праглытить Ельн., Добров. I, 646), глыка́ць (Орш. и Сѣнн. прогр. № 4), клычи́ць (напр. клычить Ельн., Добров. I, 132), глыбина, глыбокій (напр. Могил., прогр. № 3).—трывóга (напр. Ельн., Добров. I, 221, 504, 679: тривога), трывóжиць

(тамъ же, Добров. I, 613: тривожить), трыбу́х (trybùch, Волковыйск., Federowski, 60), трызво́н (Ельн., Добров. I, 516: тризвонъ), брысци́, брыду́ (brьdǫ, параллельная форма при bredǫ, Карскій, Обзоръ, 147), грымѣць (напр. гримѣ́ў, загримѣ́ла, гримить, Ельн., Добров. I, 510, 234, 91), трыва́ць, хрысциць (напр. христить Рогач., Сб. Романова III, 148, achryścić Волковыйск., Federowski, 55, nie chrỳszczany ib. 55); хрост — хрысту́ (крещеніе), а хрост — храста (крестъ), ср. Обзоръ Карскаго, стр. 30; хрыбе́т (напр хрибетная Ельн. Добров. I, 123), васкрысення (напр. скрысення Ельн., Добров. I, 694), стрыка́ць и стры́каць (стрекать, жечь крапивой, дѣлать рѣзкіе упреки, Слов. Носовича, ср. чешск. strkati: толкать, совать), стры́жень (стержень), скрыгота́ць (при скреготаць, скрежетать)[1]).

Восточные, т. е. южновеликорусскіе говоры: дрыжи́ть Жиздр. (Шахм.), накрыши́, крыши́ть, откры́шить (3 ед.) Мосал. (Шахм.), крыши́ть и кры́шить, покрыши́ть и покры́шить, но дража́ть Дмитріевск.-Курск. (прогр. № 236 и № 125), крыши́ть, кры́шить, открышить Тимск.-Курск. (прогр. № 246), крыши́ть, но дража́ть Льгов. (прогр. № 76), крыши́ть и краши́ть (3 ед. кро́шить) Мценск. (прогр. № 188), крыши́ть, кры́шить, откры́шить, дрыжа́ть Мещов. (прогр. № 150), крыши́ть, крышу́, накрышить Мещов. (В. Черныш.); крыши́ть, но крота, дражать Доп. (Калмыковъ).—кры́чуть (пѣтуха кры́чуть, т. е. бьютъ), скры́ки сколько было Мещов. (В. Черныш.), склыка Моск. у. (В. Черныш.).

Южнорусскіе, т. е. малорусскіе говоры: дража́ти, дрижі́ (лихорадочная дрожь, дри́жавка, дража́к или дри́жик, крыви́ (р. ед. у Квитки), кри́ха, кри́хота, кри́шити и криши́ти, криши́нка; карпаторусск. гов. «Долівский»: бры́ви, дрыва́, грымі́т, также друва́ (Верхр. Зап. Тов. Шевч. XXXV, 30); лемк. обрыві, дрыва

1) Примѣры изъ Ельнинскихъ говоровъ особенно цѣнны потому, что въ нихъ не находимъ ни ы, ни и изъ а, о, е, я въ слогѣ передъ ударе́ніемъ, когда ударяемая гласная не а (выда, но всегда ваду, вады, вадѣ и т. д.). То же въ мосальскихъ, гдѣ ы, и изъ а, е, о, я неизвѣстны передъ ударяемыми ы, у, и.

(ы произносится особенно кратко, Ogonowski, Studien, 48—49); восточноугрорусск. брыво́, брыва́ (Верхратскій, Знадоби для пізн. I, 23), западноугрорусск. дрыва (Верхратскій, II, 31); въ близкомъ къ Лемковскому говорѣ Замішанцевъ: покрышеный (Верхр. Зап. Тов. Шевч. III, 164).—Вмѣсто ожидаемаго ри находимъ рі, вслѣдствіе вліянія мягкой согласной на предшествующее слоговое р: дріжа́ти (Слов. Желех.), кріва́вий, а также крів, крівний подъ вліяніемъ кріви́, трісьтя́ (болото), брівка, брівонька подъ вліяніемъ *бріви; неясно дріва́ (около Львова, Верхр. Зап. Тов. Шевч. III, 164).—глита́ти, глитну́ти, глита́ня, глибо́кий; западноугрорусск. блыха, бўыха (Вехратскій, II, 31), восточноугрорусск. блыха́ (Верхратскій, I, 23); въ говорѣ Замішанцевъ, близкомъ къ Лемковскому: бўыха (Верхр. Зап. Тов. Шевч. III, 164); въ Долівскомъ карпатор. говорѣ: блуха́, блу́хи (Верхр. Зап. Тов. Шевч. XXXV, 31).—стри́жень и стрижінь (стержень), трива́ти (при трева́ти), триво́жно, стри́коза (при стре́кавка), стрино́жити (при стрено́жити), стри́мині (при стре́мені: жилки на листьяхъ), скриготну́ти (при скрегота́ти), трибу́х (при требу́х), гримі́ти (при гремі́ти). — Вм. ри извѣстно и рі изъ палатальнаго ṛ: тріва́ти, стрі́кати, тріво́жити. — слизи́ти (заставлять плакать, Слов. Желех.).

Приведу примѣры для ры, ри, лы, ли изъ стараго языка: **крывавый, крывавъ** Литовск. статутъ 1588 г. (Лекціи Соболевскаго, 58); **брыви, дрыжали, дрыжати, дрыжанье, трываючаѧ, трывати, криви, крывавыми, скрышн̃** Западнорусск. пс. XVI в. (Карск., Западно-русск. переводы псалтыри, 188); **задрижали, тривати, скригита̂, стривожилисѧ, глыбоки** Западнорусск. пс. XVII в. (Карскій, тамъ же, 189); **криви, кривавыи, дрыжача, скрытаюче, крищеніа, на кристе, ѡкристи̂, христи̂, хрищонъ** Западнорусск. сборн. XV в.; **на брыви, длѧ крывій, содрыгнетсѧ** бѣлор. памятники XVI — XVII в. (Карскій, Русск. Фил. Вѣстникъ 1890 г. №№ 2 и 4); **ѡхристи̂сѧ, похристили̂** Литовск. лѣт. въ сп. Красинскихъ XV в.; **дрыжаху, крывава, содрыгахусѧ, грытань** Западнорусск. четья-минея 1489 г. (Русск. Фил. Вѣстн.

1890, № 1, с. 64). — **скрыжетъ** Луцк. ев. XIV в. (Соболевскій, Очерки изъ ист. р. яз., 44). — **слызы** Западнорусск. сб. XV в. Рум. Муз. № 406, списанный съ южнорусскаго оригинала (тамъ же, стр. 73); **проклинꙋ, заклинꙋ, клинисѧ** и др., **кривавыми, гримети, загримелъ** Библія Скорины (Владиміровъ, Д-ръ Фр. Скорина, 264); **дрыва** Галицк. разъѣзжая 1424 г. (А. Ю. З Р. I № 16); **тристѧньць** Грамота 1409 г. (тамъ же № 11); **трывога** актъ 1556—1568 (тамъ же, стр. 301); **побрыде, вбрыде, ꙋбрыдше, вбрыдъ** (вм. побрьде, убрьдъше, въбрьдъ)[1]) Хлѣбник. сп. южной лѣтописи XV в. (подъ 968, 1018, 1096 и 1093 гг.); **дрижѣ́нье дриго́та** Слов. Берынды (Ogonowski, Studien, 37); **кривавымь** Пересопницкая рукопись (изд. Житецкаго).

Особенно интересно названіе города Пронска: въ Лавр. находимъ **прыньскꙋ, прыньска** (подъ 1186) при **проньска** (подъ 1237, 1207), въ Ипат. **прыньскоꙋ, прыньскы** л. 263б, подъ 1237 г. (въ рукописи **ы** переправленъ въ **ъ**), въ Хлѣбн. **к пры̑скоꙋ** и **въ пры̑ньскоꙋ** (тамъ же), ср. въ Новгор. 4-й по Новоросс. сп. **нс прньска** л. 285 б; прынеск выходитъ ḳъ пръньскъ, а пронска къ пръньска (ср. рѣку Проню изъ Пръню). Но пръньскъ могло быть замѣнено черезъ прынеск только въ среднерусскихъ и южнорусскихъ говорахъ. Характерно по этому нахожденіе его въ Лаврентьевской (суздальской) лѣтописи. Не есть ли это указаніе на то, что въ Рязанской области, населенной среднеруссами, въ XII—XIV в. было извѣстно произношеніе ры (изъ ṛ), теперь окончательно вытѣсненное произношеніемъ ра, ро?

Какъ указано, въ галицкихъ и угорскихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія рядомъ съ ры, лы (примѣры приведены выше) являются сочетанія ы или е съ послѣдующими плавными, сочетанія замѣнившія слоговыя плавныя. Приведу примѣры. Лемк. кырвавый (съ краткимъ ы) при крывавый (тоже), род. ед. кырвы, кырниця (съ краткимъ ы, ср. мало́р. криниця, бѣлор. крыниця изъ kṛ̥ṇica, словенск. krníca), кыртови́на (съ краткимъ ы), гыр-

1) Ср. прибрьде въ Новгор. 1-й лѣт. (Ляпуновъ, Изслѣдованіе о яз., 60).

мíти, сылза, сывза и сыза (слеза), Ogonowski Studien, 48—49; западноугрорусск. гырмит и гырміт, дырва, кыртіца и кыртиця, шкырготати, обырва, окыршини (при окришини), хырбет, сыўза, gылтати, gыўтнути, обырві, сты́ржень Верхратскій, Знадоби, II, 31; восточноугрорусск. покы́ршити, накы́ршити, Верхратскій, Знадоби, I, 23; галицк. сти́рвати (при стрива́ти, ждать, терпѣть, ср. чешск. strvati и setrvati), дирва́, гирбе́т (хребетъ), кирни́ця, Слов. Желех.; въ говорѣ Замішанцевъ, близкомъ къ Лемковскому, обырви, хырбет, дырва, сокырвиця (сукровица), гырмит (Верхр. Зап. Тов. Шевч. III, 164).—лемк. Терстяна (назв. селенія), хе́рбет (Ogonowski, 49), западноугрорусск. окерстити, до керсту, керст, кертица и кертіца, оберві (Верхратскій, Знадоби, II, 31), восточноугрорусск. стернадка (Верхратскій, Знадоби, I, 23), угрорусск. села Убли: керві́, кер'воў (Брохъ), бойк. кервянка (Жив. Стар. X, 218), галицк. сте́ркавка (стрекоза), керни́ця, керти́ця, керти́на, керва́, керва́вий, керви́стий, терво́га (Слов. Желеховскаго); карпаторусск. говоръ «Долівский»: д̓е́р̓ва, д̓ер̓во (Верхр., Зап. Тов. Шевч. XXXV, 30).

Правильному соотвѣтствію въ великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ говорахъ общеславянскихъ ṛь̯, ṛъ̯ и т. д., указанному выше, надо противопоставить нѣсколько случаевъ, гдѣ, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ аналогичныхъ образованій, вмѣсто ṛъ̯, ṛь̯ явились ъ̯ṛ, ь̯ṛ. Сюда относится слово: gъ̯ṛtanъ вм. gṛь̯tanъ (ср. польск. krtań, ksztań и ksztoń, чешск. chřtán, křtán, **гротань** въ Поуч. Григ. Богосл. XIV в. Опис. греч. рук. Амфилохія, стр. 51), ср. **гъртань** въ новгородской тріоди XIII в. (Матеріалы для Слов. Срезневскаго), великор. и малор. горта́нь, горта́нка; вѣроятно, измѣненіе слова gṛь̯tanъ произошло подъ вліяніемъ словъ gъ̯ṛło, gъ̯ṛtь (нижнелуж. gjarś: гортань)[1]); угрорусск. гыртань, гыртанка (Верхратский, Знадоби I, 23, II, 31), гыртан въ говорѣ Замішанцевъ, близкихъ къ Лемкамъ (Верхр. Зап. Тов. Шевч.,

1) Слова гортань и горло были тожественны по значенію: ср. подъ 1022 г. въ Ип.: оудари и въ гортань, а въ Хлѣбн. в горло.

III 164), быть можетъ, восходитъ и къ gr̥bťanъ; любопытно западноугрорусск. гартань (тамъ же, II, 32), вѣроятно, подъ вліяніемъ слышащагося тамъ же гарло (послѣднее полонизмъ).

Рядомъ съ str̥žьnъ, str̥žъ, откуда великор. стре́жень (мѣсто болѣе глубокое въ рѣкѣ, Арханг.), стрежъ (то же, Арханг., Перм.), стрежь (то же, Сибир.), стрежневóй (рѣчной, Астрах.), стреженъ (и заводи, и пески, и съ падучими рѣками, и бобровые гоны, и стреженъ по рѣку Волгу, Нижегор. Акты Арх. Эксп. I, № 12), малор. стри́жень (потокъ, рѣка, середка) — ср. чешск. stred, u и stred (strdi): пчелиные соты, střen и střeň (сердцевина), ostržeň (вм. ostrzeň, зерно, ядро; стержень чирья), старочешск. střeny (чит. strženi, medullas, Gebauer I, 349), польск. stredz, словенск. strd (медъ)—, было извѣстно, быть можетъ, уже въ общерусскую эпоху-ostr̥žьnъ, ср. бѣлор. астры́жень (сердцевина дерева); отсюда, согласно указанному ниже закону, *остержень: ср. великор. и малор. стержень (великор. стержня, малор. сте́рженя), а также малор. сті́ржень (Ogonowski, Studien, 37).

Вмѣсто общерусск. skl̥zъziti (новг. склёзить, склеза́ть, склёзанка, Даль, малор. склизи́ти, бѣлор. склизну́ць, склиза́ца; ср. Осташ. склёзкій: скользкій, малор. склезь: крутая скала, бѣлор. склезень: малое дитя), ср. параллельное skliz- въ великор. склизкій, бѣлор. склизкій, въ великорусскихъ говорахъ явилось сколзить, сколза́ть и ско́льзать, скользну́ть (отсюда и скользкій): повидимому еще skl̥zъziti перешло въ skъlʼziti подъ вліяніемъ параллельныхъ формъ какъ skъlʼzati, skъlʼziti, ср. ско́лзать и сколза́ть, ско́лзанка у Даля, малор. сковза́ти, ско́взалка, сковзки́й, польск. kiełzać się и skiełzać się (спотыкаться, оступаться).

Вмѣсто общерусск. tr̥bъuxъ (примѣры см. выше) явилось малор. діалектическое те́льбух и тельбу́х.

Особый случай представляетъ измѣненіе имени *Дрьгутъ, *Дрьгутьскъ[1]): g (γ), ассимилируясь предшествующему слоговому

1) Ср. дръгьютескь Хлѣбн. подъ 1116 годомъ и имя Дрьговичей.

ṛ палатальному, перешло въ j; dṛ̑ьjutьskъ (ср. Лавр. дрьютьска подъ 1093, дрьютьскъ въ Поуч. Мономаха, Ип. дрьютьску подъ 1159) въ сѣвернорусскихъ говорахъ измѣнилось въ дреютескъ, ср. Лавр. дреютескъ (подъ 1115), дреютьска (подъ 1186), а въ среднерусскихъ въ dṛ́jutesk, откуда dṛ́utesk и dŕutesk, ср. въ Радзив. дрютска (подъ 1093 и 1186), дрютескъ (подъ 1115), Ипат. дрютьску (подъ 1128), въ Комм. сп. Новгор. 1-й дрютескъ (списокъ городовъ), а далѣе, съ бѣлорусскимъ отвердѣніемъ, Друцкъ. Не знаю, можно ли придавать значеніе написанію дерьючьку въ Румянц. сп. Новгородской 1-й лѣтописи.

Въ нѣсколькихъ русскихъ словахъ видимъ консонантическое произношеніе плавныхъ, за которыми выпали глухіе. Приведу примѣры изъ живого языка и изъ памятниковъ. Великор.: кстить, кстины вм. крстить, крстины; Псковъ вмѣсто пл̓сковъ изъ пльсковъ, ср. параллельную форму плесковъ, очень распространенную въ памятникахъ; антихьста, антихъста Коммис. сп. XV в. Новгор. 1-й лѣт. подъ 1071 г. — Бѣлор. ксциць, ксцины, ксту, хрсциць (Слов. Носовича), крвавый (тамъ же), трваць (при трываць, тамъ же), дрвиць (тамъ же). — Малор. крстити, хрстити, рстити, водоршчи, кршченый, кстити (въ говорѣ Лемковъ Ogonowski, Studien, 49), трсти́на (тамъ же)[1]), кстити, ститися, переститися (восточноугорск., Верхратский, I, 44), накстити въ говорѣ Замішанцевъ, близкомъ къ Лемковскому (Верхр. Зап. Тов. Шевч. III, 199), кравими (вм. кровавими, буковин. Сборн. Драгоманова, 320). — Памятники: стрвожено, затрвожи^х, трвожишъ, трваѐ Западнорусск. пс. XVII в. (Карскій, 189); хръщены Западнорусск. сб. XV в. (Карскій, Извѣстія, II, 1002); крщенъ актъ 1404 г. (Акты Югозап. Россіи, I, № 9); хрщю, хр̓щеньѧ, хр̓щѧѥши и др. Галицк. ев. 1144 г., лл. 6 а, 83 в, 181 а; крви, крві Поликарп. ев. 1307 г. (63 с, 108 в, 1 d, 48 b, 63 d, 64 d и др.), кви (тамъ же, 8 с), воскьснеть

1) По указанію Огоновскаго въ этихъ словахъ Лемки произносятъ согласную + р + согласную какъ одинъ слогъ, т. е. р является слоговымъ (вліяніе словаковъ?).

(тамъ же, 62 b), кнешисѧ (тамъ же, 21 b; при этомъ ль написано сверху надъ строкой); кьлнетсѧ Луцк. ев. 1409 (Очерки Соболевскаго, 72); крвавое Уст. Сигизм. Авг. 1557 (въ сп. XVI в., изд. въ Памятникахъ, II, 21).

Въ какомъ же отношеніи находятся всѣ эти написанія, а также и живыя формы къ другимъ, ведущимъ насъ къ слоговымъ р, л? Правда, нѣкоторыя изъ приведенныхъ бѣлорусскихъ, угрорусскихъ, а также галицкорусскихъ словъ можно разсматривать какъ полонизмы: ср. бѣлор. трваць, дрвиць, трвожишъ (въ старомъ языкѣ), лемковск. трстина. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно думать о вытѣсненіи слоговыхъ р, л консонантическими р, л подъ вліяніемъ ро, ло, ре, ле родственныхъ формъ; такъ имен. ед. кровь могъ вызвать крви съ консонантическимъ р, подобно тому, какъ обратно крви съ р слоговымъ вызывало въ им. ед. крв съ р слоговымъ. Но отмѣтимъ, во-первыхъ, что Псковъ вм. Пльсковъ нельзя объяснить ни польскимъ вліяніемъ, ни вытѣсненіемъ слогового l неслоговымъ, обязаннымъ какой нибудь аналогіи; во-вторыхъ, что область консонантическихъ р, л ограничивается извѣстными діалектическими районами — это область малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, такъ какъ великорусск. кстить и Псковъ совершенно единичны, при чемъ есть полное вѣроятіе допустить, что произношеніе кстити или крьстити съ неслоговымъ р перешло на сѣверъ изъ южной Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ, а Псковъ замѣнило новгородскую форму Плесковъ вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ бѣлоруссовъ къ сѣверу, въ область исконно сѣвернорусскую. Эти соображенія дѣлаютъ вѣроятнымъ, что въ составъ южнорусскихъ и среднерусскихъ (впослѣдствіи западнорусскихъ) говоровъ вошли не только тѣ говоры общеславянскаго языка, гдѣ trĭt, trŭt, tlĭt звучали какъ tr̥ь̯t, tr̥ъ̯t, tl̥ь̯t, но и тѣ, гдѣ произносилось trъt, trъt, tlъt.

Сочетанія r̥ъ̯, l̥ъ̯ *и т. д. послѣ согласныхъ въ серединѣ слова.* Представляется необходимымъ различать положеніе такихъ сочетаній передъ слогомъ съ гласной полнаго образованія и положе-

ніе ихъ передъ слогомъ съ ъ или ь (при чемъ ṛъ̯, ḷъ̯, ṛь̯, ḷь̯ замѣнили въ этомъ послѣднемъ случаѣ rъ, łъ, rь, lь съ сильными ъ, ь подъ вліяніемъ аналогіи). Подобное же различіе наблюдается, повидимому, и въ исторіи сербскаго языка, гдѣ напримѣръ, zemḷь̯nъ (подъ вліяніемъ zemḷь̯na вмѣсто zemlьnъ)[1]) перешло въ зе̏мӯн (названіе города, нѣмецк. Semlin), а zemḷь̯skyi перешло въ земàљскӣ (ср. въ памятникахъ: оставальшꙋю, сподобальшꙋ, ꙁемалнога, Майковъ, Ист. сербск. яз. 385). Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что tṛь̯t и т. п. не въ началѣ слова измѣнялись въ русскомъ языкѣ такъ же, какъ въ началѣ слова, тамъ, гдѣ за ними слѣдовалъ нѣкогда слогъ съ ъ, ь, т. е. въ сѣвернорусскомъ эти сочетанія переходили въ trьt откуда tret и т. д., въ среднерусскомъ и южнорусскомъ въ tṛt, откуда trit и т. д.; между тѣмъ tṛь̯t не въ началѣ слова передъ слогомъ съ гласной полнаго образованія переходили во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ tṛt, откуда tert.

Примѣры измѣненія tṛь̯t, tṛъ̯t не въ началѣ слова въ сѣвернорусск. tret, trot, средне- и южнорусск. trit, tryt. Въ великор. нѣтъ достовѣрныхъ примѣровъ, такъ какъ результаты измѣненія tṛь̯t, tṛъ̯t, при указанномъ положеніи, и trьt, trъt совпали въ одномъ звукѣ (tret, trot). — Бѣлор. Петрык (ср. **Петрыкꙋ** Акад. сп. Литовск. лѣт. XV в., л. 167 об.), опатрын (ср. **ѡпатриности** въ Западнорусск. сб. XV в., Карскій, Извѣстія, II, 1002), яблычка, яблышный (Рогач., Романовъ, Бѣлор. сб. 184). — Малор. яблыко подъ вліяніемъ яблык (восточноугрорусск. Верхратскій, I, 23, ср. уже въ Житіи Саввы XIII в. **ꙗблыко** изд. Помяловскаго, л. 5 об. и 6), за́втрички (Слов. Желех.).

Примѣры измѣненія tṛь̯t trъ̯t и т. д. не въ началѣ слова въ tert, tort, tołt и т. д. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ. Великор. земельный, земелька, корабельный, корабельникъ (стар. назв. монеты), весельный, ведёрный, ведёрко, подребёрный; масельца Тороп. (Зап. Геогр. общ. 1864, II, 137); **гоусельныѧ** въ Толст.

---

1) Ср. словенск. рыбницк. kózuc, съ *u* изъ *l* слогового, вмѣсто kózlec.

Патер. XVI в. (изд. Яковлева, с. LXII); остержо́нокъ (отщепокъ, ощепанное березовое полѣно, Тихв. Оп.), ср. острежо́нокъ (то же, Шенк. Подв.) и острёжекъ (то же, Арханг. Оп.), ср. строга́ть; *остержень, отсюда великор. и малор. стержень вм. стрежень, стрижень. — Бѣлор. ма́селцо (Слов. Носовича), ведзе́рко, ведзёрный. — Малор. весе́льний (отъ весло), муде́рний и муде́рський (Слов. Желех.), масельце́, масельни́чка, осте́рва и ости́рва (колъ заостренный; рядомъ остро́ва, острови́на съ суфф. -ов-), земе́лька, земе́льне, гусе́лки (уменьш. отъ гусли), ремесе́лник (восточноугрорусск., Верхратский, I).

Объяснять вставку е въ земе́льный аналогіей родительн. мн. земель врядъ ли возможно, въ виду такихъ формъ какъ масельце или гусельный, гдѣ о подобной аналогіи не можетъ быть рѣчи. Въ виду этого я считаю правильнымъ выводить земе́льный фонетически изъ zemḷ̥ьnyi, а это и заставляетъ искать причины измѣненія jabł̥ъ̯čьko (вм. jabłъčьko, подъ вліяніемъ jabł̥ъ̯ko) не въ яболчко, а въ яблочко, яблычко въ томъ обстоятельствѣ, что за ł̥ъ̯ слѣдовалъ слогъ съ ь. Можетъ быть, проще допустить, что ṛ, ł̥ послѣ выпаденія ъ̯, ь̯ измѣнялись передъ конечной согласной или передъ группой согласныхъ въ р, л + гласная полнаго образованія, а передъ согласной + гласная въ ер, ор, ел, ол: бѣлор. яблычко, но маселцо. Весьма поучительна для изслѣдуемаго вопроса судьба слова судръжь, род. судръжи (послѣднее съ слоговымъ р): судръжь измѣнилось въ судрожь (малор. су́дрожь), а судръжи въ судоржи; судръга, судръги въ судорга, судорги (ср. су́дорга Арханг. Подв.). Отсюда объясняются контаминированныя формы: су́дороги, су́дорожь Псков. и Осташ. (Доп.), малор. су́дорога при судро́га.

Слоговыя r, ł въ разсматриваемомъ положеніи становились нерѣдко неслоговыми подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ родственныхъ формъ или образованій. Консонантическія ł, напр. въ masło, r въ utro вліяли на измѣненіе слоговыхъ r, ł въ utṛь̯nii, masḷь̯nyi въ согласныя r, l. Подобное вліяніе имѣло слѣдствіемъ появленіе вмѣсто ṛь̯, ł̥ъ̯, ḷь̯, ṛъ̯ или сочетаній rь, łъ, lь, rъ съ сильными ъ, ь̥,

откуда затѣмъ въ русскомъ языкѣ ре, ло, ле, ро: ср. великор. утреній, малор. у́треня, великор. ведрено (о погодѣ), масленый, мысленый, вѣтреный, въ Ипат. **ꙁаднѣпрєскыи кнѧꙁи** 290 а, **прєстоуплєшє** 293 в и др.—или же сочетаній гъ, гь, ѓъ, ѓь съ слабыми ъ, ь, подлежавшими затѣмъ выпаденію: ср. малор: срібний, великор. діалект. серебрный (съ открытымъ е передъ б), малор. реме́сник, реме́сний, масни́ця и ма́сниця (съ послѣднимъ удареніемъ у Квитки I, 121, масляница), ябко (напр. въ Долівскомъ карпаторусскомъ говорѣ, Верхр. Зап. Тов. Шевч. XXXV, 31), **Пєтрка** въ Ипат. лѣт. 128а (при чемъ є надписано позже), **лѣпшии моужи** Ипат. 303 г.

Сочетанія ṛь̯, ḷъ̯ *и т. д. послѣ согласныхъ въ концѣ слова.* Отпаденіе неслоговыхъ ъ, ь въ этихъ сочетаніяхъ имѣло слѣдствіемъ переходъ слоговыхъ ṛ и ḷ въ ъг, ъѓ, ьг и ьѓ, ьѓ, ъѓ съ сильными ъ, ь, измѣнявшимися затѣмъ въ о, е[1]). Это явленіе принадлежитъ уже не общерусской эпохѣ, а отдѣльнымъ русскимъ нарѣчіямъ, такъ какъ отпаденіе и выпаденіе глухихъ, какъ мы видѣли, случилось уже послѣ распаденія русскаго языка на три главныя его нарѣчія.

Приведу примѣры сочетаній ер, ер', ор, ол, ел' указаннаго происхожденія. Великор. сестёр, вѣтер, земель (уже въ XV в., напр. въ двинскихъ грамотахъ), вёсел, остёр, уголь, угорь (?), вёдер (но древнерусское вѣдоръ, напр. въ Акад. сп. Русск. Правды XV в., указываетъ, быть можетъ, на вѣдъро), обл. рубель, и́стопель (Шенк., Оп.), у́добель (Шенк., Оп.), ве́перь (Усол., Оп.; въ такой формѣ уже въ Книгахъ законныхъ, изданныхъ Павловымъ по сп. XV в.), журавéль (Нижегор., Доп.), мысель (свою мысель потѣшаюци, Петроз., Прич. сѣв. края, I, 76), мы́сель (Шенк. Оп.), осетёръ (Урал., Доп.). Только въ старинномъ языкѣ находимъ -олъ вм. -лъ въ причастіяхъ: **нє моголъ** (Еванг. Типогр. б. № 8, л. 20 в), **потополъ** (Гр. 1229 г., въ сп. XIV в., Русско-Лив. акты, 440).—Бѣлор. рубе́ль, вепе́р, му́-

1) Вообще, ъг, ъѓ (откуда ор, ол̇) являлось только послѣ гортанныхъ, и лишь діалектически послѣ другихъ согласныхъ.

дзер, сясцёр.—Малор. сестéр, вýголь, земéль, корабéль (им. ед.), діалект. вепéрь, мы́сель и даже вітор (восточноугрорусск., Верхратскій, I, 25), мысель, вітор (западноугрорусск., тамъ же, II, 33), **Тєрєбокелъ** въ Ипат. лѣт., л. 168 б. Вмѣсто ожидаемаго о находимъ е напр. въ западноугрорусск. угел (уголъ).

Но уже издавна слоговыя ŗ, ļ въ концѣ слова могли замѣняться неслоговыми подъ вліяніемъ родственныхъ формъ. Такъ mogļъ замѣнялось черезъ mogļь подъ вліяніемъ mogļa, mogli, verŗъ переходило въ verгь подъ вліяніемъ verгi. Послѣ отпаденія ъ, ь плавныя въ положеніи за согласной по общему правилу утрачивались: ср. великор. мог, пёк, лёг, утоп, малор. пік, міг, віз, ніс, бѣлор. прынёс, прыбёх, мох, грыс; великор. доб (Псков., Оп.; Новгор., Обзор Колосова, 199).

Сочетанія ŗъ, ļъ *и т. д. въ началѣ слова.* Южнослав., а отчасти и западнослав. языки доказываютъ, что и начальныя r, l передъ редуцированными ъ, ь (если послѣднія произносились несильно) становились въ общесл. эпоху слоговыми, въ связи съ чѣмъ слѣдовавшія за ними ъ, ь теряли свой слоговой характеръ. Русск. языкъ подтверждаетъ этотъ выводъ и представляетъ доказательства тому, что въ древнѣйшую эпоху его жизни сочетанія гъ, лъ и т. д. въ началѣ словъ произносились какъ ŗъ, ļъ. А именно во всѣхъ русск. нарѣчіяхъ находимъ на мѣстѣ начальныхъ гъ, лъ сочетанія ир, ил, ор, ол, ар, ал, которыя, конечно, естественнѣе всего объяснять изъ ŗ, ļ, ср. указанныя выше словенск. ardeči, arženi вм. ŗdeči и т. д. Переходъ ŗ, ļ въ сочетанія гласная + r, l произошелъ на почвѣ отдѣльныхъ русск. нарѣчій, причемъ, вѣроятно, качество гласной передъ r, l зависѣло отъ качества гласной слѣдующаго слога; передъ слогомъ съ а вм. ŗ являлось ар, передъ слогомъ съ і—ир, передъ слогомъ съ о — ор: аржаный, иржи, ольгота, откуда вольгота; впрочемъ ор являлось и передъ слогомъ съ а, ир также передъ слогомъ съ у, ы; впослѣдствіи ар, ир, ил', ол' и т. д. смѣшались и чередуются въ однихъ и тѣхъ же словахъ въ различныхъ говорахъ безъ видимой къ тому причины. Замѣчательно, что ир, ил особенно распространено на югѣ и западѣ.

Приведу примѣры. Сѣверновеликор.: *аржано́й* (Том.: Обзор Колосова, 127; Роман.-Яросл. и Молож.; прогр. Е. И. Якушкина; Акмол.: прогр. II Отд. № 75; Шенк.: прогр. № 80; Тобол.: прогр. № 43; Холмог.: прогр. № 50; Кологрив.: прогр. №№ 58 и 61; Малмыж.: прогр. № 38; Грязов.: прогр. № 36; Алатыр.: прогр. № 32; Устюжск.: прогр. № 28; Чухлом.: прогр. № 62; Бѣлоз.: прогр. № 169; Слободск.: прогр. № 141; Шадр.: прогр. № 128; Кунгур.: прогр. № 134; Чердын.: прогр. № 258; Меленк.: прогр. № 247; Сольвыч.: прогр. № 193; Тотем.: прогр. № 192; Покров.-Владим.: прогр. № 244, Змѣиногор.-Том.: прогр. № 99, и мн. др.); арженикъ (Сибир.: Доп.).—*оржано́й* (Молож., Пошех. и Рыбинск.: прогр. Е. И. Якушкина; Шадр.: прогр. № 86; Котельн.: прогр. № 46; Холмог.: прогр. № 50; Слободск.: прогр. № 53 и 141; Буинск.: прогр. № 57, тамъ же оржанькай хлѣбицъ; Грязов.: прогр. № 36; Алатыр.: прогр. № 32; Петроз.: прогр. № 30; Устюжск.: прогр. № 28; Тюмен.: прогр. № 27; Нолин.: прогр. № 68; Кинеш.: прогр. № 66; Кологрив.: прогр. № 61; Яранск.: прогр. № 101, орженой; Муром.: прогр. № 93; Кашин.: прогр. № 177; Кирилл.: прогр. № 167; Екатеринб.: прогр. № 113; Красноуф.: прогр. №№ 139 и 209, оржаная мука; Соликам.: прогр. № 136; Тотем.: прогр. № 203; Покров.-Владим.: прогр. № 244; и мн. др.).—*альяно́й* (Новгор.: Обзор Колосова, 127, альяной).—*ольяно́й* (грам. 1603 года олляныхъ: Акты, изд. Калачовымъ, II, 264; Владим.: В. Черныш., орляное масло).—*ольго́та* (Петроз.: прогр. № 30), *волгго́та* (Онеж : прогр. № 41, Кирилл.: прогр. № 186, Бѣлоз.: прогр. № 169; Тотем.: прогр. №№ 192 и 203).—*илгго́та* (Тотем.: прогр. № 203; Красноуф.: прогр. № 139; Холмог.: прогр. № 50; Змѣиногор.-Том.: прогр. № 99).—*артуть* (Холмог.: прогр. № 50, Соликам.: прогр. № 181).—*илстецъ* (Холмог.: прогр. № 50, Тотем.: прогр. № 203).—*ортина* (Олон., Рыбниковъ, Пѣсни).

Южновеликор. *аржано́й* (Обоян. Машкинъ, Ряз.: Будде, Ворон.: Филатовъ, Жиздр.: Никольскій, Р. Ф. В. 1901, Бронницк.: прогр. № 81; Касим.: прогр. №№ 47 и 109; Холмск.:

прогр. № 54; Новорж.: прогр. № 39; Островск.: прогр. № 33; Карсун.: прогр. №№ 67 и 153; Зубцов.: прогр. № 108; Холмск.: прогр. № 159; Каинск.-Том.: прогр. № 117; Курмыш.: прогр. № 110; Старицк.: прогр. № 218; Красноуф.: прогр. № 209; Тамб.: Оп.), *аржани́ще* (Псков. и Осташ.: Доп., Бобров.: Оп., арженѝще), *аржани́на* (Псков. и Осташ.: Доп.), *аржани́къ* (Сибир.: Доп., арженѝкъ), *аржани́ца* (Псков. и Осташ., Тамб.: Доп.).— *альянóй* (Курск.: Э. С. V, 48, альяной; Скоп. и Данк.: Будде, аллянóй; Ворон.: Филатовъ, аллянóй; Мещов.: Чернышевъ, аллянóй; Жиздр.: Никольскій, альянóй; Касим.: прогр. № 47, алянóй; Опоч.: Доп., альянóй; Тороп.: прогр. № 233, альяны́й), *альну* (Мосал.: Шахм.), *ильны* (Болхов.: Сахаровъ), *ильни* (Мосал.: Шахм.), *ильна* (Дмитріевск.: прогр. № 236, Мещов.: Шахм., Льгов.: прогр. № 76, Осташ.: прогр. № 84, Ржев.: прогр. № 157, Тимск.: прогр. № 246), *ильну* (Жиздр.: Никольскій), *и́льна* (Мценск.: прогр. № 188), *ильни́ще* (Псков. и Осташ.: Доп.), *ильнéцъ* (ленокъ, Псков.: Доп.), *ильня́ть* (лёнъ на корню, Осташ.: Доп.).— *иржи* им. мн. (Тимск.: прогр. № 246, Льгов.: прогр. № 76, Осташ.: прогр. № 84, Островск.: прогр. № 33, Холмск.: прогр. № 159 и 54, Ржев.: прогр. № 157), *и́ржи* им. мн. (Мосал.: Шахм.; Мценск.: прогр. № 188; Жиздр.: Никольскій, и́ржы), *иржа́* (рожь, Псков.: Доп.; Болхов.: Сахаровъ), *иржи́ца* (Скоп.: Будде, Новорж.: прогр. № 39, Жиздр.: Никольскій, иржы́ца), *иржани́ще* (Псков.: Доп.). — *иржа́вить* (Болхов.: Сахаровъ), *иржа́вецъ* (Псков.: Копаневичъ).—*ирва́ть* (Жиздр.: Никольскій; Псков.: Копаневичъ; Тороп.: прогр. № 233), *ирвётъ* (Холмск.: прогр. № 159, Мещов.: Черныш., ирвёть), *ерванýть* (ударить кнутомъ, Бронницк., прогр. № 81), *ирвóта* (Мещов.: Черныш.).— *ильгóта* (Обоян.: Машкинъ; Жиздр.: Никольскій; Псков. и Осташ.: Доп.; Новоржев.: прогр. № 39; Островск.: прогр. № 33; Зубцов.: прогр. № 108; Холмск.: прогр. № 159; Каинск.-Том.: прогр. № 117).—*ильстéцъ* (Псков. и Осташ.: Оп.; Холмск.: прогр. № 54, Зубцов.: прогр. № 108, Каинск.-Том.: прогр. № 117).—*илга́ть* (Жиздр.: Никольскій; Мещов.: Черныш.), *илгýнъ* (Островск.:

прогр. № 33, Жиздр.: Никольскій), *илеть* (Мосал.: Шахм.), *илжéть* (Осташ.: прогр. № 84, Тимск.: прогр. № 246).— *ильнýть* (льнуть, Псков. и Осташ.: Доп.).— *ильзя́* (Псков.: Доп.).— *Ильвóвъ* (Осташ.: прогр. № 84, Ильвоў; Ржев.: прогр. № 157, Ильвовъ; Мещов.: Шахм., Ильвоў; Новорж.: прогр. № 39, Ильвовичъ). — *илбóмъ* (Болхов.: Сахаровъ), *илбá* (Холмск.: прогр. № 159).— *иртá* (Холмск.: прогр. № 159).— *иртýть* (Болхов.: Сахаровъ).— *Ирты* (охотничьи лыжи, Трубч.: Доп.), ср. древнерусское рты въ томъ же значеніи (пріидоша мордва па ртахъ съ сулицами и рогатинами), ср. также словенск. ŕt (rtíče употребл. въ значеніи dvojne kratke sani pri enem vozilu, Плетершникъ).— *иржáть* (Тороп.: прогр. № 233), *иржéть* (Жиздр.: Никольскій, Дмитріевск.: прогр. № 236), иржетъ (Ржев.: прогр. № 157, Холмск.: прогр. № 159). — *Орша* (древнее Ръша) въ Смол. обл.— *Аржáть* (при Ржать, притокъ Межи, впадающей въ Западную Двину).— *Аржáтскъ* (весьма обычная форма вмѣсто Гжатскъ, очевидно, изъ Ръжатьскъ)[1]. — *Аржава* (названіе рѣки?, вм. Ржава, Тимск.: прогр. № 246) —*Иржóвъ* (Осташ.: прогр. № 84, Иржевъ).

Быть можетъ, сюда же относится сѣверно- и южно-великорусскія *артáчиться* (артáчливый: Олон., Пенз., Тамб., Оп., артáчина: Псков. и Осташ., Доп., заартáчиться: Енис., Углич., Яросл., Щигр. и др., Слов. Академіи, заартáчка: Волог., тамъ же), ср. ртáчиться, ртáчливый, ртáчка у Даля, а также словенск. rtáč въ значеніи багоръ, ср. ŕt (изъ ръть) въ значеніи остріе, а также интересное въ семасіологическомъ отношеніи заартáчить— задѣть, зацѣпить (Енис.: Слов. Академіи). Что касается словъ ир-

1) Если названія Гжатскъ, Гжать одного происхожденія съ Ржать, Аржатскъ, то г надо объяснять какъ придыханіе, явившееся передъ слоговымъ р: hržati измѣнилось далѣе въ žati. Ср. подобное придыханіе въ діалектахъ словенскаго: hrtalec (хоботъ), hrzati (ржать), Nešić, Archiv, XXI, 205; въ старочешск. hrzati, hrdesen, hrdousiti, діалект. hrvat (рвать), словацк. hrdza (ржа), ср. Gebauer, Hist. mluvn. I, 464. Ср. еще въ Долѣвскомъ галицкорусскомъ говорѣ: гризати (ржать, Верхр. Зап. Тов. Шевч. XXXV, 54), восходящее къ hrьzati (съ неслоговымъ ь).

ни́ть (ревновать, Тороп.: Оп.), ирни́вый, ернива (Псков.: Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, 222, 372), ирнивы (Тороп.: Зап. Геогр. общ. 1864, II, 143), то они предполагаютъ форму ŗ̭ъvъniti, ŗ̭ъvъnivъ, гдѣ ŗ̭ъ вм. гь (съ сильнымъ ь) подъ вліяніемъ гъvьnъje (рвенье) [1].

Бѣлорусск. *аржаны́й* (Дисн. прогр. проф. Карскаго № 6, Орш. и Сѣнн. прогр. № 4, Слуцк. прогр. № 5, Минск. прогр. № 7, Игум. прогр. № 8, Быхов. прогр. № 9, Мозыр. прогр. № 10, Новоалекс. прогр. № 14, Рѣчицк. прогр. № 17), аржа́нный (Новоалекс. прогр. № 11), аржа́ный (Слов. Носовича, Свенц. прогр. 13); аржа́нище (Слов. Носовича).—*иржи́ще* (Слов. Носовича; Ельн. Добров. Э. С. I, 639).—*аржа́* (ржавчина, Слов. Носовича), аржа́венне (покрытое ржавчиной болото, Слов. Носовича), аржа́вка (покрытое ржавчиною рыба, Слов. Носовича), оржа́вый, оржа́виць, оржа́вецъ (Слов. Носовича).—*иржа́* (ржа, ржавчина, Слов. Носовича; Орш. и Сѣнн. прогр. № 4, Минск. прогр. № 7, Быхов. прогр. № 9, Мозыр. прогр. № 10, Новоалекс. прогр. №№ 10 и 14, Рѣчицк. прогр. № 17, Игумен. прогр. № 15), иржа́винне (Слов. Носовича). — *иржа́ць*, иржо́ць, иржу́ць (Слов. Носовича, Орш. и Сѣнн. прогр. № 4, Слуцк. прогр. № 5, Минск. прогр. № 7, Быхов. прогр. № 9, Витеб. прогр. № 18, иржець, и др.), ирза́ць (Игум. прогр. № 15) иржа́нне (Слов. Носовича).—*ирва́ць*, ирво́ць, ирву́ць (Слов. Носовича, Ельн. ирваў, ирвець: Добров. Э. С. I, 234, 639, Орш. и Сѣнн. прогр. № 4, Слуцк. прогр. № 5, Минск. прогр. № 7, Витеб. прогр. № 18, ирви, и др.); ирво́та, ирва́ки (Слов. Носовича).—*ирдзе́ль* и *ирдзе́нь* (краснорожій, краснощокій, отъ ръдѣти, Слов. Носовича).—*альня́ный*, альняни́на, альняни́ще (Слов. Носовича; Свенц. прогр. № 13, альняны́й; Игум. прогр. № 15, альняны́; Быхов. прогр. № 9, альняный). — *ильня́нный* (Новоалекс., прогр. № 11), ильняны́й (Новоалекс., прогр. № 14), ильнища (Витебск., прогр. № 18), ильну (Игумен. прогр. № 8, Слуцк. прогр. № 5). — **алга́ць*

1) Ср. еще: И мы сироты твои, Государевы, на того Посника ...били челомъ... и тотъ, Государь, Посникъ, рнясь (т. е. сердясь) тому, учалъ на насъ похвалятись .. Шуйская челоб. 1614 г. (Борисовъ, Оп. города Шуи, 243).

(аўгéшъ: Ельн., Добров. Э. С. I, 470).— *илга́ць* (Слов. Носовича; илгешъ: Ельн., Добров. Э. С. I, 468, Витебск. прогр. № 18, илжéшъ: Новоалекс. прогр. № 14), илгу́нъ, илга́нне (Слов. Носовича).— *ильну́ць* (льнуть, Слов. Носовича).— *ильва́*, ильвы (ильва: Минск. прогр. № 7, Быхов. прогр. № 9, Новоалекс. прогр. № 14, ильвы: Ельн. Добров. Э. С. I, 495), ильви́ца (Ельн. Добров. Э. С. I, 493), ильвянёнка (тамъ же, 497). — *илкну́ць* (глонуть, Слов. Носовича). — *арцы́* и *ирцы́* (названіе буквы р, Орш. и Сѣнн., прогр. № 4). Отмѣтимъ еще слѣдующія написанія изъ Библіи Скорины: **нлъжꙋ, нлжеть, нлжнкоє, нлжнтє, нлсти, нльстнкомъ, нльстнт', нльстнкость, нльстєц', нръцн, нржлкает'** (Владиміровъ, Дръ Фр. Скорина, стр. 265).

Малорусск. *орты́ть* (при ртуть Слов. Желех.).—*иржа́* (Ogonowski, Studien, 54) иржа́вiти (Слов. Желех.), иржа́вый (восточноугрорусск. Верхр. Знадоби I, 24), иржа́вець (болото, Ogonowski, 54). — *арджа* (ржа, западноугрорусск. Верхр. II, 33)[1]). — *иржа́ти*, *ирза́ти* (ржать, Ogonowski, 54; иржа́ти, иржи́ть и и́рже: восточноугрорусск. Верхр. I, 24, ирзати, ирже: западноугрорусск. Верхр. II, 32), ирзону́ти (ржать, восточноугрорусск. Верхр. I, 24). — *ирва́ти* (Ogonowski, Studien, 54, восточноугрорусск. ирва́ти, ирву́ть, Верхр. I, 24); ирвону́ти (Ogonowski, 54). — *иржи́й* (при ржий, ржій, Leindotter, Слов. Желех.). — *ильня́ний* (Ogonowski, 54), ильну (восточноугрорусск. Верхр. I, 25).— *и́льще* (блудящій огонекъ, Слов. Желех. при льще, ср. льстити). — *и́льва* (львица, Слов. Желех.), Ильвöв (Львовъ, восточноугрорусск. Верхр. I, 24, ср. Илвовъ въ актѣ 1407 г. Акты Зап. Росс. I, 30).— *И́рша* (притокъ Тетерева, ср. названіе рѣки Ръша).—*Иржи́щовъ* (при Ржищовъ, названіе части селенія Полствины Каневскаго уѣзда). — *Ольто*, *Альто*, *Альта* (притокъ Трубежа, напр. на Алтѣ: Ипат. 1015 г., на Алъто: тамъ же, 1019 г., на Олто: Радзив. подъ 1068, на Олту:

1) При этомъ въ западноугрорусскомъ является и гарджа, указывающее на hръža (съ неслог. ъ); ср. сказанное выше о г въ словѣ Гжатскъ; ср. діалект. гіржа́, гіржа́ти вм. иржа́, иржа́ти (Слов. Желех.).

Акад.-Сузд. подъ 1151, ср. на Льто: Лавр. подъ 1068, на Льтѣ: Ипат. подъ 1117). — *Оржица* (притокъ Сулы). — *Ирпень* (притокъ Днѣпра, ср. Рпень въ спискѣ градомъ Рускымъ по Новоросс. сп. Новгор. 4-й: Бѣлъгородъ на Рпенѣ). — Сюда же, вѣроятно, относится названіе растенія ирни́к (Acorus calamus; Asellus), и́рень (Calla palustris), при чемъ великор. ерни́къ, ёрникъ, е́рникъ (между прочимъ въ значеніи Spiraea, Calluna vulgaris, Salix herbacea) восходило бы, такъ же какъ малор. слово, къ r̥̂ьnikъ, r̥̂ьnъ.

Противъ предложеннаго объясненія происхожденія ар, ир, ил и т. д. въ началѣ словъ изъ r, l слоговыхъ можно было бы привести тотъ фактъ, что подобныя же приставки извѣстны и передъ другими группами согласныхъ, почему причина ихъ появленія — это стремленіе облегчить произношеніе сложной согласной группы въ началѣ слова. Но оказывается, что подобныя приставки встрѣчаются въ русскомъ языкѣ еще передъ m и v + согласныя: ниже мы увидимъ что m и v могли въ древнемъ языкѣ становиться сонантами при тѣхъ же условіяхъ, какъ r, l, почему напр. малор. имча́ти можно возвести къ mь̂čati. Что же касается приставокъ передъ другими группами, то по большей части приставныя гласныя имѣютъ здѣсь не фонетическое происхожденіе, а явились подъ вліяніемъ разныхъ аналогій (бѣлор. игруша вм. груша подъ вліяніемъ чередованія играць, игрушка и граць, грушка; великор. игдѣ подъ вліяніемъ древняго иде, ср. икъдеже уже въ Ев. 1092, 87 a, 81 в), при чемъ только относительно *и* передъ *c* + согласная можетъ быть сомнѣніе въ фонетическомъ происхожденіи приставки (ср. подобную приставку передъ группой s + согласная въ романскихъ языкахъ, а также въ среднеболгарскомъ)[1]).

1) Приставка о въ оклѣфъ Малмыж. (прогр. № 38), охлѣвъ Кирилл. (прогр. № 186) и др. аналогична съ неясною впрочемъ приставкой въ ополовня вм. половня Кашин. (прогр. № 177), агарохъ Касим. (прогр. № 109), Инсар. (прогр. № 231), Елатом. (прогр. № 29), Корсун. (прогр. № 153), Старицк. (прогр. № 230), асарай Кузнецк. — Том. (прогр. № 115) и во всякомъ случаѣ не вызвана группами кл, хл.

Отмѣтимъ, что начальныя г̯ъ, г̯ъ, ӏ̯ъ, ӏ̯ь еще въ древнюю эпоху жизни русскаго языка переходили, подъ вліяніемъ консонантическихъ г, ӏ въ родственныхъ формахъ и образованіяхъ (гъ, гь, ӏъ, ӏь съ сильными ъ, ь), въ гъ, гь, ӏъ, ӏь. При этомъ за г, ӏ являлись или слабыя ъ, ь, которыя съ теченіемъ времени выпадали, или сильныя, измѣнявшіяся затѣмъ въ о, е (сильныя ъ, ь изъ родственныхъ формъ). Такъ объясняются, съ одной стороны, совр. великорусск. ржи, ржаной, льняной (лляно́й), ржавчина, лгать, малор. рза́ти, ржа́ти, ржа, ржі́я (ржавое болото), лжа, Львів, льго́та, лга́ти. Съ другой же стороны: древнерусск. **лєстити, лєстить** Ипат. л. 120 а, 196 в, **в рокѣ** Хлѣбн. подъ 1016 г. (а въ Ипат. **къ рвѣ**); великор. лего́та (Шенк. прогр. № 77, Кунгур. прогр. № 134, Красноуф. прогр. № 137, Соликам. прогр. № 207; лягóта Болхов. Сахаровъ), волего́та (Соликам. прогр. № 207), на лабу́ (Коротоякск.: Филатовъ), ло́ба (Каинск. прогр. № 117, Котельн. прогр. № 46, Зубцов. прогр. № 108, Кадник. прогр. № 26), въ роту (Бѣлоз. прогр. № 191, Соликам. прогр. № 181, Коротоякск. Филатовъ, в рату́), рота (Каинск. прогр. № 117, Акмол. прогр. № 75, Шенк. прогр. № 83, Зубцов. прогр. № 108, Кадник. прогр. № 26, Петроз. прогр. № 30, Соликам. прогр. № 181, и др.), рожано́й (Судог.: Обзоръ Колоса, стр. 1, Самар. прогр. № 40, ръжано́j), рова (вм. рва, Кунгур. Обзоръ Колосова, стр. 1), левы звѣри, лева звѣря (Онеж. былины Гильфердинга, Обзоръ, стр. 1), лявѝный (львиный, Болхов. Сахаровъ), лястил, ляслиф (льстилъ, льстивъ, Ворон. и Павл.: Филатовъ), малор. лести́ти, ле́ну (род. при льну), лоба́н, рота́тий (при рта́тий) и др.

Менѣе ясны случаи, гдѣ вмѣсто ожидаемаго ле находимъ въ малор. ли: ср. въ актѣ 1456 года Ливовъ, Ливовчане (ссылка у Огоновскаго, стр. 55). Неясно также Лутаву Ипат. л. 211 б при оу Лтавы 202 б (совр. Полтава). Что до лы въ малор. ли́жка (Слов. Желех., также восточноугрорусск. Верхр. I, 23) при ложка,—вълыжица (ср. въ Хлѣбн. сп. XVI в. лыжицами, лыжици подъ 996 годомъ) при великор. лжица (Ипат. подъ тѣмъ же го-

домъ), то оно восходитъ къ общеслав. ł̇у: ł̇уž- при ł̇ъž-, какъ параллельные корни, существовали въ общеслав. эпоху, ср. польск. ł̇yżka при нижнелуж. ł̇eżka.

VII.

Еще о сочетаніяхъ гъ, гь, lъ, lь.

Быть можетъ, не лишнее вернуться еще разъ къ вопросу о физіологической сторонѣ предположенныхъ въ предыдущемъ изслѣдованіи сочетаній r̥̂ъ, l̥̂ъ, r̥̂ь, l̥̂ь. Недоумѣніе можетъ вызывать, во-первыхъ, допущеніе слогового произношеніе r, l передъ гласной: но достаточно ссылки на сербскій языкъ, гдѣ находимъ umr̥o (умръо), на совр. верхне-нѣмецкій, гдѣ находимъ напр.: br̥itn̥, bl̥adn̥ рядомъ съ bəritn̥, bəladn̥ (пишется beritten, beladen)[1]), для того чтобы устранить такое недоумѣніе. Во-вторыхъ, можетъ казаться страннымъ, что r, l получили перевѣсъ въ слоговомъ отношеніи передъ гласными ъ, ь въ составѣ одного слога: мнѣ кажется достаточно ссылки на сочетанія r̥i̯, l̥i̯, допускаемыя для германскихъ нарѣчій Сиверсомъ [2]), напр. въ переходныхъ формахъ *ĥōftl̥jōs (откуда готск. ĥōftuljōs) вмѣсто ĥōftliōs, для теоретическаго обоснованія предположенныхъ нами сочетаній r̥̂ъ, l̥̂ь [3]). Очевидно, потеря гласною ея первоначальной полноты звука можетъ имѣть слѣдствіемъ вокализацію r, l, находящихся въ одномъ съ нею слогѣ, такъ какъ носителемъ слога, слоговымъ звукомъ является вообще тотъ звукъ, который произ-

---

1) Sievers, Phonetik въ I т. Grundriss der germanischen Philologie, стр. 292.

2) Тамъ же.

3) При образованіи слогового l, звукъ l составлялъ, очевидно, одинъ слогъ съ i, хотя впослѣдствіи i могло и отойти къ слѣдующему слогу.

носится съ наибольшей звуковой полнотой (mit grösster Schallfülle).

Въ дополненіе къ предыдущему изслѣдованію о судьбахъ сочетаній гь, гъ, ль, лъ въ русскомъ языкѣ, я долженъ остановиться еще на вопросѣ, почему въ великорусскомъ нарѣчіи явилось за́втря (ср. такое произношеніе въ Рост. и Никольск.-Волог. уѣздахъ), завтре (Буйск., Кологрив., Петергоф., Бѣжецк.)[1]) изъ общерусскаго zautrьja, zautrьje, ср. древнерусск. на заоутриѭ, на заоутрье, малор. въ карпаторусск. долівскомъ говорѣ за́втрє, ср. украинск. до за́втрёго. Малорусское завтрє понятно: въ малорусскомъ, какъ и въ бѣлорусскомъ, слабое ъ (закрытое, отличное отъ обыкновеннаго ъ) передъ j и j̨ исчезало, какъ исчезло во всемъ русскомъ языкѣ слабое ъ во всякомъ вообще положеніи; ср. žitʹje изъ žitʹьje, откуда žitʹʹe, žitʹʹa. Но въ великорусскомъ нарѣчіи слабое закрытое ъ переходило въ неслоговое і, послѣ котораго исчезало j (žitį̇e): это неслоговое і не подлежитъ никогда выпаденію. Почему же мы находимъ zavtr'a? Думаю, что и это является указаніемъ на существованіе слогового г въ сочетаніи гь, гъ послѣ согласныхъ (и въ началѣ слова) въ русскомъ языкѣ: zautrьje звучало собственно zautr̥je, такъ какъ г вокализировалось передъ слабымъ ъ (закрытымъ), такъ же какъ оно вокализировалось передъ обыкновеннымъ слабымъ ъ (открытымъ). Отсюда въ малор. и бѣлорусскомъ zautrje и далѣе отсюда zautŕe, ср. еще малор. вістрє, вістря (острее). Въ великорусскомъ же zautr̥je не могло измѣниться въ zautrį̇e (ср. žitį̇e изъ žitьje) потому именно, что ъ было неслоговымъ (въ связи со слоговымъ характеромъ предшествующаго г): неслоговое ь, неспособное вокализироваться, перейти въ і, откуда j̨, выпало; zautrje измѣнилось далѣе въ zavtre, zavtr'a въ силу того, что r̥ не было терпимо передъ j.

1) Отсюда за́втрекати, напр. въ Рост. лѣт. по сп. XVIII в. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., л. 79.

Что касается слова остреё, то здѣсь ь закрытое послѣ р было сильно въ силу своего положенія передъ i̯, а не j (ударяемой гласной предшествовало i̯). Въ повѣтріе видимъ новообразованіе вмѣсто повѣтре подъ вліяніемъ словъ на ье (какъ засилье, обилье). Что же касается словъ какъ по́вѣтерье (Псков. и Осташ., теченіе попутнаго вѣтра), завите́рье (Вытег., Филимоновъ), за́вѣтерье и завѣте́рье, то это новообразованія подъ вліяніемъ по́вѣтерь, за́вѣтерь, завѣте́рный.

И такъ въ общеславянскомъ языкѣ r, l, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ его діалектовъ, становились слоговыми передъ слабыми ъ, ь, обращавшимися въ свою очередь въ неслоговые звуки. Мы доказали это на примѣрахъ, гдѣ сочетанія rъ, rь, lъ, lь находились въ самомъ началѣ слова или же послѣ согласныхъ во всякомъ положеніи въ словѣ. Но не слѣдуетъ ли обобщить сдѣланный выводъ и на положеніе сочетаній rъ, rь и т. д. послѣ гласныхъ? Не слѣдуетъ ли принять общій переходъ, во всякомъ положеніи ихъ въ словѣ, сочетаній rĭ, rŭ, lĭ, lŭ въ r̯ь̯, r̯ъ̯, l̯ь̯, l̯ъ̯?

Эти сочетанія удерживались въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ только до тѣхъ поръ, пока сохранялись въ языкѣ неслоговыя ь, ъ: ихъ отпаденіе или выпаденіе имѣли слѣдствіемъ переходъ слоговыхъ плавныхъ въ неслоговыя. Вотъ почему ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ не находимъ теперь слоговыхъ r, l въ положеніи послѣ гласныхъ. Но слѣды слогового произношенія сохранились въ нѣкоторыхъ явленіяхъ сербскаго, а также древнерусскаго языка.

Въ сербскомъ на мѣстѣ общеславянскихъ lь, lъ находимъ о и при томъ не только въ началѣ словъ (ожица, ожујак, прионути), но и въ серединѣ и въ концѣ словъ послѣ гласной: жи̏ока (при жи̏ла), се̏оскӣ, се̏ба, се̏це, ве̏ома, ра̏они̏к, сви̏они̏, ка̏он (ка̏љав), за̏ова (зъљъва), ми̏о, бе̏о (діалект.), и̏мао, и̏грао, но̏сио, ви̏дио, жи́вио и т. д. Можно ли возвести это о къ консонантическому l? Думаю, что нѣтъ, и это въ виду слѣдующихъ соображеній:

1) консонантическое l извѣстно въ сербскомъ въ положеніи послѣ гласной въ концѣ слова въ цѣломъ рядѣ новообразованій, какъ напр. би̏јел (подъ вліяніемъ би̏јелӣ, бијѐла), би̏јељ, ди̏јел, хме̏љ, кра̑љ и т. д.—слѣдовательно, по крайней мѣрѣ въ современномъ языкѣ нельзя допустить перехода консонантическаго l въ о; 2) въ о и u вокализуется именно то l, которое, по свидѣтельству другихъ славянскихъ нарѣчій, было слоговымъ и которому соотвѣтствуетъ оставшееся безъ измѣненія слоговое r—вѣроятнѣе дать переходу milъ въ mio и ḷъ̯žica въ ožica одинаковое объясненіе, чѣмъ предполагать одновременно переходъ сонантическаго и консонантическаго l въ о; 3) о въ мио, сеоски, умръо, гр̏ъоце и т. д. является слоговымъ звукомъ: если бы и было возможно предположить вокализацію консонантическаго l (ср. переходъ l въ неслоговое u во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ), то во всякомъ случаѣ не нашлось бы объясненія для дальнѣйшаго измѣненія его въ слоговой звукъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я думаю, что сербскія ми̏о, да̏о, ве̏о, сео̀це восходятъ къ прасербскимъ miḷъ̯, daḷъ̯, veḷъ̯, seḷь̯се, и предполагаю, что переходъ ḷ въ о имѣлъ мѣсто вслѣдъ за выпаденіемъ и отпаденіемъ слѣдовавшихъ за нимъ неслоговыхъ звуковъ.

Въ русскомъ языкѣ слоговыя r, l послѣ гласныхъ переходили, вслѣдъ за утратой слѣдовавшихъ за ними неслоговыхъ ъ и ь, въ консонантическія r, l: ср. совр. пол, пир, мил, вёл, ходил, дал и т. д. Но въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ сохранились слѣды слогового произношенія r, l въ подобныхъ сочетаніяхъ. Слоговыя r, ł были вообще неизвѣстны въ языкѣ подъ удареніемъ, такъ какъ возникали только на мѣстѣ сочетаній r, ł съ слабыми ъ, ь; слабыя же ъ, ь не имѣли на себѣ ударенія, которое они переносили на предшествующій слогъ (bobъ̯ вм. bobŏ[1]); но они возникали діалектически или на мѣстѣ сочетаній r, ł + слоговыя ъ, ь подъ вліяніемъ аналогіи (ṛъ̯žь вм. rъ́žь подъ вліяніемъ ṛъ̯ži), или на мѣстѣ ṛъ̯, łъ̯ и т. д. неударяемыхъ вслѣдствіе переноса ударенія, вызваннаго опять таки вліяніемъ аналогіи.

Извѣстно, что въ славянскихъ языкахъ, сохранившихъ подвижность ударенія, причастія на ѣ̀ъ, а также формы именного склоненія прилагательныхъ переносили ударѐніе съ основы на окончаніе подъ вліяніемъ главнымъ образомъ формъ женскаго рода, въ которыхъ а было подъ ударѐніемъ: такъ явились по сербски (штокавск.) пи́ло, пи́ли, да́ло, да́ли, би́ло (было), би́ли (были) подъ вліяніемъ пи́ла, да́ла, би́ла (была́); по малорусски було́, були́, пили́, дали́, кляли́, дуло́, почало́, передали́. Ср. болѣе древнія отношенія въ великорусскомъ, гдѣ находимъ да́ли, бы́ли, бы́ло, пи́ли, бра́ло, взя́ло при дала́, пила́, была́, діалектически и въ сербскомъ (напр. въ грамматикѣ Берлича) и наконецъ въ словенскомъ, гдѣ при женск. dála, bíla, líla, brála и т. д. въ среднемъ родѣ и во множ. числѣ являются dâlo, brâlo, dâli, pîli (съ діалектическимъ переносомъ ударенія на слѣдующій слогъ: ср. обычно bilô, bilî, а также dalô, pilî). Словенскій языкъ указываетъ на подвижность ударенія и въ многосложныхъ основахъ на a и i: ср. rodíla при rodîl, rodîlo (непоср. изъ *rȏdil, *rȏdilo), lovíla, nalovíla при lovîli, nalȏvilo (непоср. изъ *lȏvili, *nȁlovilo), jemála, orála, kovála, snovála при jemâl, okȏval, izȏrali (непоср. изъ *jȅmal, *ȍkoval, *ȉzorali); ср. остатки подобныхъ же отношеній въ сербскомъ, гдѣ переносъ ударенія на первый слогъ свидѣтельствуетъ о первоначальной его подвижности: о̏рао, о̏рāли, о̏рāла (женскій родъ подчинился мужескому), у̏зорāла, ко̏вāла, на̏смијāла се и т. д.; русск. родила́, тожественное со словенскимъ rodíla, свидѣтельствуетъ о подобныхъ же отношеніяхъ въ русскомъ языкѣ, ср. еще у́пустил, пу́стил, про́стил и др. Мужской родъ родился́, средн. уродило́сь, случило́сь доказываютъ, что и въ этихъ основахъ было замѣтно вліяніе ударенія женск. р. на формы другихъ родовъ; ср. то же вообще въ сложныхъ съ ся: дался́, взялся́, удало́сь, набрало́сь, перепили́сь. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя формы какъ напили́сь, отдали́сь, полило́сь свидѣтельствуютъ объ ударѐніи напили́, отдали́, полило́, ударѐніи теперь неизвѣстномъ въ великорусскомъ, но сохранившемся въ малорусскомъ. Но о какомъ же ударѐніи формъ муж. рода сви-

дѣтельствуютъ ударенія далсѧ, взялсѧ, бралсѧ, напилсѧ? Думаю, что во всякомъ случаѣ далсѧ и т. д. возводятся къ daɫ̀s'a съ ударенiемъ на ъ, ударенiемъ, какъ видно изъ предыдущаго, перенесеннымъ: daɫ̀s'a вм. dàɫ̀s'a подъ вліяніемъ daɫàs'a, rodiɫ̀s'a вм. rodìɫ̀s'a (или вѣроятнѣе, болѣе древняго ròdiɫ̀s'a) подъ вліяніемъ rodiɫàs'a. Можно ли однако допустить существованіе произношенія daɫ̀s'a? Не перешло ли бы оно въ далóся? Откуда ударение далсѧ? Чѣмъ объяснить исчезновеніе ударенія отдалó, набралѝ, налилѝ при сохраненіи отдалóсь, набралѝсь, напилѝсь?

Эти вопросы и недоумѣнія заставляютъ меня остановиться на слѣдующемъ предположеніи. Когда въ русскомъ языкѣ явилось стремленіе уподобразить мѣсто ударенія въ формахъ причастій на -лъ женскаго рода съ одной стороны, мужескаго, средняго съ другой, это стремленіе выразилось въ двухъ направленіяхъ: 1) женск. далá, спалá, бралá и т. п. переходили въ дáла, спáла, брáла, 2) формы средн. рода и мн. ч. дáло, спáли, брáли, пѝли перешли въ далó, спалѝ, бралѝ, пилѝ. Слѣдствіемъ второго стремленія, т. е. того стремленія, которое давало перевѣсъ ударенію формъ женскаго рода, явился переносъ ударенія и въ формахъ муж. рода; но онѣ оканчивались во время описываемыхъ здѣсь явленій не на ɫъ, а на ɫ̯ъ̯; ударение получало слоговое ɫ: daɫ̯ъ̯, piɫ̯ъ̯, braɫ̯ъ̯ съ ударенiемъ на второмъ, конечномъ слогѣ; также daɫ̯ъ̯s'a, braɫ̯ъ̯s'a съ ударенiемъ на среднемъ слогѣ. Послѣдовавшее затѣмъ исчезновеніе ъ̯ повело и къ утратѣ слогового ɫ̯: при этомъ оно передало свое ударение тому слогу, къ которому примкнуло въ качествѣ консонанта: отсюда съ одной стороны — piɫ, daɫ, braɫ, ubràɫ, sodràɫ (что до pòdaɫ, zàpiɫ, то эти формы сохранили древнее мѣсто ударенія), съ другой — daɫs'á, braɫs'á, napiɫs'a. Переходъ piɫ̯ъ̯, daɫ̯ъ̯ съ ударенiемъ на второмъ слогѣ въ piɫ, daɫ повлекъ за собой переходъ pilì, dalì, braɫò въ pìli, dàli, bràli и исчезновеніе подобныхъ ударений; между тѣмъ появленіе daɫs'à, napiɫs'à сохранило ударенія daɫòs'a, dalìs'a, napilìs'a. Равнымъ образомъ rodiɫ̯ъ̯ съ

удареніемъ на ḷ перешло въ rodìľ (отсюда rodìlo, rodìli вм. новообразованій rodiľò, rodilì), между тѣмъ какъ rodiḷъ̯s'a съ удареніемъ на ḷ перешло въ rodiľs'á (поддержавшее новообразованія rodilòs'a, rodilìs'a и старую форму rodiľàs'a). И такъ, современныя великорусскія ударенія взялся́, дался́, напился́ и т. п. свидѣтельствуютъ о томъ, что древнерусскій языкъ имѣлъ въ формахъ взялъ, далъ, пилъ слоговыя и притомъ ударяемыя l.

Конечно, слоговыя r, l могли получать на себя удареніе и въ другихъ однородныхъ съ только что разсмотрѣнными случаяхъ, а именно напр. въ имен. ед. словъ какъ колъ, дворъ, топоръ, столъ, или въ муж. родѣ прилагательныхъ старъ, голъ, смѣлъ (подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей кола́, двору́, стола́мъ или формъ женск. рода стара́, гола́, смѣла́). И вотъ діалектически въ сѣвернорусскомъ нарѣчіи слоговое ударяемое ľ въ подобныхъ новообразованіяхъ переходило въ сочетанія re, ľe, быть можетъ, съ e (несмягчавшимъ предшествующей согласной) особаго качества, быть можетъ, даже съ ö. Думаю, что e надо выводить непосредственно изъ неслогового звука слѣдовавшаго за ḷ, ṛ, при чемъ этимъ неслоговымъ звукомъ былъ уже не ъ̯, а еще болѣе редуцированное — α̯ (готовое исчезнуть). Переходъ ḷα̯, ṛα̯ въ ľe, re былъ слѣдствіемъ замѣны слоговыхъ ľ, r неслоговыми подъ вліяніемъ консонантическихъ r, ľ въ родственныхъ формахъ: koḷα̯, dvoṛα̯ измѣнялось подъ вліяніемъ koľa, dvora въ koľe, dvore, при чемъ замѣна ḷ, ṛ консонантическими ľ, r имѣла слѣдствіемъ переходъ неслогового звука α въ гласную слоговую e.

Приведу примѣры для ле, ре указаннаго здѣсь происхожденія. Причастія на лъ: Вкладная Варлаама 1192 — 1207 **въдале** (ср. вдала́, вдался́); Кормчая 1282 г. **ꙗко не дошле** (ср. дошла́, дошло́) **к҃ртъ ч҃ныи ц҃рꙗграда**; Двинск. рядная XV в. **и взале оу насъ** (ср. взяла́, взялся́), **смене ноүчие имале** (ср. словенск. jemála въ женск. родѣ), Гр. 1392 **кто ү ихъ товаръ поимале, что иванъ.. повѣстовалъ** (Русск. Лив. Акты). Изъ такихъ образованій окончаніе ле распространялось и на другія основы съ

неподвижнымъ искони удареніемъ: Новгор. 1-я **осѣле стосла̑** л. 166, Гр. 1392 **дворъ ихъ погорѣле, по(ве)лѣле новъгородъ**, Гр. 1372 **весь новъгоро̑ велѣлѣ**, Двинская рядная XV в. **доспеле**.

Существительныя на ръ, лъ: Вкладная Варлаама 1192—1207 **коле** (колъ, ср. кола́), Новгор. 1-я лѣтопись по Синод. сп. **дворе** (л. 53б). Сюда же относятся такія имена какъ **петре** (Двинск. гр. XV в.), **павле** (тамъ же, ср. малор. Павло́), **дмитре** (тамъ же, ср. малор. Дмитро́). Изъ такихъ именъ и названій предметовъ е переносилось и въ неударяемыя окончанія: **товаре** въ Гр. 1392 года[1]).

VIII.

Слоговыя n̥ и m въ русскомъ языкѣ.

Въ современномъ словенскомъ языкѣ редукція i, u и прочихъ закрытыхъ гласныхъ отразилась не только на замѣнѣ, частью довольно распространенной, частью же вполнѣ діалектической сочетаній ri, ru, li, lẹ (изъ lѣ) и т. д. черезъ ṛ, ḷ, но также на переходѣ ni, nu, nẹ, mi, mu, mẹ въ n̥, m̥: ср. ъnkolъ въ записяхъ Валявца изъ верхнекраинскаго преддворскаго говора, lẹšьnk, souražьnka, uzdígьntь, hъdóbьnga (изъ lẹšnik, hudobnega и т. д. въ бохинскопосавскомъ говорѣ)[2]), ьn dwẹ́, ьn dwá (изъ mi dwẹ́, mi dwá, тамъ же), liešnk, zadnγa, ádn, síedьn, sn, nkúl (вм. lẹšnik, nikuli и т. д. въ цирклянскомъ говорѣ)[3]), siedьm, imm (вм. sedəm, imam, тамъ же). Ср. уже въ памятникахъ XVI в.: sourashenka, slusabenza, greshenza[4]). Ср. также

---

1) О фонетическомъ не и ве вм. нъ и въ скажемъ ниже. Совокупность именъ на ре, ле, не, ве вызывала, впрочемъ, очень рѣдкія формы какъ смерде, морозе. Иное объясненіе окончанія е было предложено въ 1881 г. А. И. Соболевскимъ, въ Изслѣд. въ обл. русск. грамматики.

2) Бодуэнъ, Отчеты, вып. II, стр. 68 (Казань 1877).

3) Baudouin de Courtenay въ Archiv f. sl. Ph. VII, 584 — 585.

4) Oblak, Doneski k historični slov. dialektologiji, I, 20.

весьма распространенное уже въ старинномъ языкѣ na вмѣсто отрицательной частицы ne, перешедшей очевидно, какъ слово безъ самостоятельнаго ударенія, въ ṇ и смѣшавшейся поэтому съ предлогомъ na, который также перешелъ въ ṇ.

Слоговыя n и m извѣстны также въ чешскомъ языкѣ; они возникли здѣсь изъ nь, mь въ положеніи послѣ согласныхъ: sedm̥, osm̥ въ литературномъ нарѣчіи, откуда въ діалектахъ sedṇ, osṇ (Злинск. Bartoš, I, 6), sedem, osem, sedym, osym, sedum, vosum (Gebauer, Hist. mluvn., I, 301); въ говорахъ, редуцировавшихъ i, u, y, ě, находимъ ṇ' вм. ni, напр. въ oṇ', ṇ'gdy вм. oni, nihdy (Bartoš, I, 6).

Въ виду этихъ данныхъ и той аналогіи, которая существуетъ между редукціей краткихъ закрытыхъ гласныхъ въ общеславянскомъ и словенскомъ языкахъ, можно предположить, что и общеславянскія nĭ, mĭ, nŭ, mŭ переходили, по крайней мѣрѣ діалектически, послѣ редукціи ĭ, ŭ въ ṇь̯, ṇъ̯, m̥ь̯, m̥ъ̯. Ср. указанія на такія сочетанія въ сербскомъ, гдѣ находимъ ȍсам, сȅдам, jѐсам; въ памятникахъ: приꙗзань (Майковъ, Ист. сербск. яз. 385). Въ болг. ȍсъм и ȍсем, седем, діалект. огън и огон, въ среднеболг. памятникахъ: осьмъ, близьнцу, седьмъ, жизънь, есъмъ (Лавровъ, Обзоръ, 41—42).

Русскій языкъ представляетъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ немъ слоговыхъ n и m указаннаго происхожденія. Разсмотрю эти данныя.

1) Сочетаніямъ mъ, mь въ началѣ слова соотвѣтствуютъ во многихъ говорахъ сочетанія ом, ам, им: ср. ор, ар, ир, ол, ал, ил вмѣсто слоговыхъ ṛ, ḷ въ началѣ слова. Приведу примѣры. Сѣверновеликор. *омшани́къ* (изъ мъшаникъ: Тихв. Оп. обл. сл., Холмогор. прогр. № 50, Буинск. прогр. № 57, Кинеш. прогр. № 66, Малмыж. прогр. № 38, Нолин. прогр. № 68, Красноуф. прогр. № 139, Устюженск. прогр. № 28, Муром. прогр. № 93, Тотем. прогр. №№ 203 и 192, Кирилл. прогр. № 167, Роман., Рыбинск., Молож. прогр. Е. Якушкина), омша́никъ (Кашин. прогр. № 177, Яросл. Оп. обл. сл., Владим. В. Черныш.), омше́н-

никъ (Покров. прогр. № 244), омша́нникъ (Пошех. прогр. Е. Якушкина), амша́нникъ (Слобод. прогр. № 141); — *омши́ть* (конопатить мохомъ, Грязов. прогр. № 36).

Южновеликор. *амшани́къ* (Самар. прогр. № 40, Холмск. прогр. № 54, Островск. прогр. № 33, Рыл. и Судж. Оп., Бѣльск. Оп.), амшени́къ (Тул. прогр. № 174), амшапникъ (Зубц. прогр. № 108), амша́никъ Моск. (В. Черныш.), *имшени́къ* (Опоч. Оп. обл. сл.). — *амшы́ть* (Обоян. Машкинъ), *имши́ть* (Псков. Доп., Мценск. прогр. № 188). — *амша́ра* (болото, Новотор. Оп., омша́ра; Псков. Доп., омша́ра), амша́рина (Псков. и Осташ., Доп. омша́рина), *имша́ра*, имшари́на (болото, Псков., Доп.), имша́рить (мшить, перекладывать бревна мхомъ, Псков. и Осташ., Доп.). — *амхаво́й* (Бронницк. прогр. № 81, Тул. прогр. № 174, Старицк. прогр. № 218), амхави́къ (моховикъ, назв. гриба, Бѣльск. Оп. омховикъ), *имхаво́й* (Осташ. прогр. № 84). — *имча́ть* (скоро нести, мчать, Великолуцк. Оп.). — *Амче́нскъ* (городъ Мценскъ).

Бѣлорусск. *амше́нникъ*, *амша́ра*, амша́рина, *амши́ць* (Слов. Носовича), *амше́дь* (лишай), *амла́* (напр. Ельн., Этн. сб. Добровольск. I, 95). — *Амци́славъ* (назв. города, Сл. Носовича).

Малор. *омшани́к* и омшанни́к, *омши́ти*, *омша́р*, омша́рина (Слов. Желех.), *имшени́к*, *имши́не*, *имше́дь* при мшедь (лишай), *имхо́вий*, *имча́ти*, имчи́ти, *имжа́ти*, имжи́ти, *имла́*, имла́, имли́стый, *имсти́тися* (Слов. Желех. и Studien Огоновскаго, стр. 54), *и́мста* (месть, восточноугрорусск. Верхр. Знадоби I, 24), Имстичево (назв. села, тамъ же); *Амли́н* (городъ Мглинъ)[1]).

2) Вмѣсто общеславянскаго ьгавъ (ср. въ XIII Сл. Гр. Б. **ѫравьи** - Lex. Mikl., **ѫрака** Стих. XII в. Слов. Срезн.), суще-

1) Произношеніе мше́дь, мши́ть, мсти́ть, мшани́к, Мценск, мчать, мгла (мга), мжить, мзгляк, и т. д. объясняется такъ же, какъ произношеніе ржано́й, лгать, льстить, рвать. Произношеніе же мыхавой, мухаво́й (при мхавой, Темник. прогр. № 131), мыхавой (Цывильск. прогр. № 143), машени́къ (Курмыш. прогр. № 110), мошени́къ (Уфим. Оп.), мгновение Лѣт. Авр. XV в. 313б, мегла Новоросс. сп., Новгор. 4-й лѣт., л. 498б и т. д. объясняется такъ же, какъ обл. рожано́й, лоба́ (см. выше).

ствовавшаго при norvъ (откуда старосл. нравъ, чешск. mrav, русск. нóровъ), находимъ въ болгарск. нъра́в, а въ среднеболг. наравомь (Лавровъ, Обзоръ, 43), въ сербск. и словенск. на́рав, nárav ж. р.: болгарск. nъ, na, сербск. и словенск. na восходятъ, думаю, къ общеславянскому ṇ слоговому (слѣдовательно, ṇь̯ravъ); польск. narow вмѣсто *naraw подъ вліяніемъ *nrow (ср. параллельную форму norow) представляетъ такое же измѣненіе начальнаго ṇ въ na. Точно также находимъ русск. на́ровъ (Шенк., Оп.), которое вм. наравъ, подъ вліяніемъ норовъ. Такимъ образомъ заключаемъ, что слоговое n и въ русскомъ, передъ слогомъ ra, перешло въ na, по крайней мѣрѣ подъ удареніемъ.—Въ слогѣ неударяемомъ ṇь̯r измѣнилось послѣ выпаденія ь̯ въ ṇr, откуда indr (какъ im вм. ṃ): ср. индра́въ, индравный, индравиться (Порх. Оп.), при болѣе обычномъ ndr: ндравъ.—Діалектически ṇr подверглось перестановкѣ: рнавъ (Казан. Оп., Лукоян. Обзор Колосова, 202). Сопоставляя мураве́й съ польск. mrowka, сербск. мра̑в, словацк. mravec, заключаемъ о параллельномъ существованіи въ общеслав. языкѣ образованій morv- и mъrav- и выводимъ русское му изъ начальнаго ṃъ̯.

3) Въ конечномъ слогѣ послѣ согласныхъ мы на мѣстѣ общеслав. nъ, nь, mь находимъ on, on', en', em', которыя естественнѣе всего возводить къ ṇъ̯, ṇь̯, ṃь̯. Ср. восемь, малор. вісім (со вставнымъ звукомъ, не восходящимъ къ ь), и діал. осем (Верхр. II, 33), великор. и малор. огонь, галицк. діал. оге́нь, великор. сосенъ, малор. сосонъ и сосенъ (Грам. Осадцы, 57), великор. пѣсенъ, діалект. казень (Олон. Обзор Колосова 127); плѣсень, малор. плісонь и плісінь. Сюда же относится псаломъ вм. psałṃъ̯.

4) Такія же сочетанія o, e съ слѣдующими n, m находимъ на мѣстѣ общеславянскихъ ṇь̯, ṇъ̯ и т. д. и въ серединѣ словъ послѣ согласныхъ: ср. пѣсенный, пѣсенка, сосенка, Подсосонники (назв. селенія Тверск. губ.), малор. сосо́нка. Что же касается образованій какъ жизненный, осменичее (актъ 1462—72, Акты Калач. I, 113, ср. осмничее, актъ 1445—46, тамъ

же), **подесненскъıи** (отъ Десна, Ипат. л. 174 а), то они обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію аналогіи (косв. падежи: жизни, осми). При осменичее (ср. восемнадцать, малор. вісімка: осьмерка) находимъ осминичее подъ прямымъ вліяніемъ осми (осминичее 1470, Акты Кал. I, 109, восминичее 1434—47, въ сп. XVI в., Акты Кал. I, 93).

5) Въ древнерусскихъ памятникахъ находимъ ne вм. nъ въ конечномъ слогѣ; ср. разсмотрѣнныя выше ре, ле, восходящія къ ṛ̑ъ, ḷ̑ъ: слѣдовательно, ne предполагаетъ ṇ̑ъ съ удареніемъ (перенесеннымъ съ предыдущаго слога) на слоговомъ n. Такое ne находимъ въ случаяхъ четырехъ категорій: 1) въ причастіяхъ страд. прош. времени, напр. **обрѣтене** Вопр. Кирик. 523а[1]), **написане** Пантел. ев. XII — XIII в. (Лекціи Соболевскаго), 2) въ краткой формѣ именъ прилагательныхъ: **верне** Вопр. Кир. 521с[2]); 3) въ patronymica на ин: Дв. гр. XV в. **кузмине**, Дв. гр. XV в. (въ сп. XVII в.) **фомине**, Дв. рядная XV в. **ноутине**, Новгор. рядная XIV в., Новгор. рядная XV в. (въ сп. XVII в.): **кузмине** (А. Ю. № 257, II), Палеостр. гр. 1539 г.: **ѳомине** (Барсовъ, Палеостровъ, 129); ср. еще въ Ипат. **ѵюдине бр̑а** 63 об. (подъ 1068 г.), въ Новгор. 1-й лѣт. **савъкине дворе** 53б; 4) въ именахъ собственныхъ: **сьмьюне**, **късnятине** (Новг. 1-я лѣтопись), **смене**, **костянтине**, **ѡнтане**, **грихне**, **иване** (въ двинскихъ грамотахъ XV в.).—Причастія большею частью имѣли удареніе на окончаніи; ср. для причастій формы женскаго и средняго рода, какъ обрѣтена́, обрѣтено́, ведена́, ведено́, учена́, прощена́, сотворено́; сербск. печѐна, печѐно, гребѐна, гребѐно, словенск. tepèn, tepéna, pečèn, pečéna, kropljèn, kropljéna и т. д., сербск. чакавск. pokropjenȁ, zbujenȁ: поэтому обрѣтене можетъ быть возведено къ obrětеṇ̑ъ съ удареніемъ на ṇ, перенесеннымъ подъ вліяніемъ формъ женскаго и средняго рода. Такое же удареніе могли имѣть причастія на -anъ: ср. дана́, дано́, услана́ (но

---

1) Прашахъ юго где юсть кр̑тъ ч̑нъıи. тако повѣдають р̑е. намъ ıако не дошле (варіанты не дошедъ, не дошелъ) ц̑рм гр̑а. югда обрѣтене. възнеслъсм на н̑ба.

2) Аще кто верне юсть.

у́слано), позвана́ (но по́звано), ср. словенск. brán, brána, bráno, držán, držána, ravnán, ravnáno; въ виду этого возможно, что písaṇъ̯ подъ вліяніемъ pisaná измѣнилось въ pisaṇ́ъ̯ (откуда писане). Patronymica какъ ѳоми́нъ, кузми́нъ, ильи́нъ имѣли, конечно, удареніе на окончаніи: kuzmiṇъ̯ съ удареніемъ на ṇ могло быть вызвано формами kuzminà, kuzminò. Въ муж. родѣ вмѣсто vѣ̀rьṇъ̯ могло явиться vѣrьṇъ̯ или даже vѣrṇъ̯ съ удареніемъ на ṇ подъ вліяніемъ vѣrьnà. Имена какъ Иванъ до сихъ поръ извѣстны съ удареніемъ на окончаніи: Ивана́, Иваны́ (ср. Ивано́въ); такое же удареніе могло имѣть онта́нъ вм. онтонъ подъ вліяніемъ словъ на -анъ; **семѧнъ** (Дв. гр. XV в.) вмѣсто семёнъ подъ такимъ же вліяніемъ. Изъ формъ съ удареніемъ на окончаніи -ne могло проникать вмѣсто -nъ и въ другія слова. Ср. сказанное выше о появленіи напр. **товарє** подъ вліяніемъ **дворє**.

6) Быть можетъ, характернымъ слѣдуетъ признать, что въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ **мь** въ началѣ словъ пишется послѣдовательно, рядомъ съ обычнымъ выпущеніемъ **ъ** и **ь** послѣ другихъ согласныхъ. Ср. послѣдовательное **Мьстиславъ** въ Ипатьевской лѣтописи. Важно отмѣтить и довольно частую въ древнихъ памятникахъ форму мистиславъ (напр. **оу мистислава** Ипат. 109г, 151в). Любопытно **мыꙁда** (Собол. Очерки, 73).

7) Извѣстно образованіе 1-го лица ед. числа есми въ древнерусскомъ: ср. **єсми** въ Ипат. 143в, 138в, 132в и др. Возможно, конечно, объяснять эту форму вліяніемъ 2-го лица ед. еси. Но если мы допустимъ удареніе jesm̥̀ь̯, т. е. на слоговомъ m, то явится возможность выводить есми изъ jesm̥ь̯ фонетически. Подобно тому какъ несмягченныя слоговыя r, ł, n переходили въ re, łe, ne (съ e несмягчающимъ), смягченное m̥ могло перейти въ mi.

8) Быть можетъ, для интересующаго насъ вопроса не безинтересны написанія **гласмь**, **слухмь** въ Галицк. ев. 1144 г. ихъ можно читать glosъ̯m̥ь̯, sluxъ̯m̥ь̯ съ слоговымъ m.

Въ виду всѣхъ указанныхъ основаній я признаю, что въ древнерусскомъ языкѣ, какъ и въ общеславянскомъ, сочетанія

ть, тъ, пь, пъ, если ь, ъ въ этихъ сочетаніяхъ произносились не сильно, звучали какъ т̯ь, т̯ъ, п̯ь, п̯ъ.

Кромѣ указаннаго здѣсь происхожденія, слоговое n возникало въ русск. яз. и при другихъ условіяхъ, а именно въ словахъ заимствованныхъ, въ положеніи передъ согласной + ъ или ь, или закрытое ь′ (ü), подлежавшія выпаденію. Повидимому, n̯ при этомъ удлинялось и переходило затѣмъ въ по, па, при чемъ переходъ оn̯, аn̯ въ опо, апа тожественъ съ переходомъ оr̯, оl̯ въ ого, оло. Ср. **понотъ** Лавр., **манатна**, **монаты** Тур. ев., **манатью** Чуд. сп. Пандект. XIV в., **манатку** Кормч. XIII в.

IX.

Сочетанія vъ, vь въ русскомъ языкѣ.

Нѣкоторыя явленія южнославянскихъ языковъ даютъ указаніе на слоговое произношеніе въ нихъ звука v, явившагося на мѣстѣ общеславянскихъ сочетаній vъ, vь. Такъ въ совр. сербскомъ извѣстны діалектическія формы цȁвтјети, цȁвтим при цвȁтити (восходятъ къ cvьt-), также осȁвнути при освȁнути (восходитъ къ svьt-), въ древнесербскомъ прѣбжьствьною и бжаставномь (Майковъ, Исторія сербск. яз. 386); въ совр. сербск. діалект. извѣстны еще даври, савнути (Щепкинъ, Разсужденія о яз. Савв. кн. 150). Въ совр. болгарскомъ, находимъ цъвтѫ, цъ́внѫ, съвне сѫ, съвнува сѫ; въ среднеболгарскихъ памятникахъ: при дъврехъ, дъври, дьври; съвнѣвы, посъвнѣ; процьвте, цъвтѫщеи; сьвтить, просьвтѣ; бѫ́стъвныи, ѣзъвни, клатъвнои, медъвни, мрьтъвцꙋ́, мрътъвное, жрътъвнаѩ; діалектически даже мъртовцы, откуда и въ им. ед. мъртовецъ (Обзоръ Лаврова, 42 — 43).

Думаю, что съvt-, sъvn-, dъvr- и т. д. восходятъ къ cv̯t, sv̯n, dv̯r, при чемъ v слоговое образовалось еще въ общеславян-

скомъ языкѣ подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за нимъ и редуцировавшихся неслоговыхъ ъ и ь. Ср. общеслав. tȓ̥t, tȓ̥t вмѣсто trŭt, trĭt. Выше было предположено, что tȓ̥t, tȓ̥t являлись не во всей области общеславянскаго языка, не во всѣхъ его говорахъ: говоры, лежащіе въ основаніи западнославянскихъ языковъ, имѣли trъt, trьt съ неслоговыми r (l). Замѣчательно, что то же наблюдается и по отношенію къ праславянскимъ tvŭt, tvĭt: мы видѣли, что южнославянскіе языки указываютъ на общесл. tv̥̑t, tv̥̑t, между тѣмъ западнославянскіе ведутъ къ tvъt, tvьt съ неслоговымъ v. Это доказывается тѣми перестановками и упрощеніями, которымъ подверглись въ западнослав. языкахъ сочетанія tvъt, tvьt послѣ выпаденія ъ и ь, перестановками и упрощеніями, сходными съ разсмотрѣнными выше по отношенію къ сочетаніямъ trъt, trьt (вспомнимъ pchła, łza, knąbrny въ польск. яз.).

Такъ въ чешскомъ kvьt- измѣнилось въ ktv- (древнечешск. ktwe, ktwi, ktwyechu, Gebauer, Hist. mluvn. I, 546); svьt- въ stv- (древнечешск. stwyss, stwiesse), откуда со вставкой k, stkv- (древнечешск. stkwyety, stkwiesse, совр. stkvoucí и skvoucí) и kstv- (древнечешск. kstwieti, kstvúcí); zvьn- измѣнилось въ vzn- (древнечешск. wznyesse) и далѣе въ zn- (совр. znělka, znění); dvьr- измѣнилось въ dřv- (древнечешск. drzwy, drzwech). Въ польскомъ находимъ drzwi, діалект. drwi, drji, въ древнемъ языкѣ kcieć, въ діалектахъ kścieć, kcieć, kwnąc, tknąć. Въ нижнелужицкомъ znĕś.

Различіе между судьбою праславянскихъ trŭt, trĭt въ діалектахъ общеславянскаго языка мы объясняли выше тѣмъ, что r, l въ однихъ изъ нихъ были способны къ вокализаціи, къ переходу въ сонанты, а въ другихъ нѣтъ. Думаю, что то же основаніе обусловило различіе между судьбой сочетаній tvŭt, tvĭt: въ однихъ діалектахъ v было способно вокализироваться, переходить въ сонантъ, въ другихъ нѣтъ.

Мы находимъ еще одно указаніе въ исторіи славянскихъ языковъ на то, что діалекты, лежащіе въ основаніи западнослa-

вянскихъ нарѣчій, произносили v въ эпоху общеславянскую иначе, чѣмъ діалекты, легшіе въ основаніе южнославянскихъ нарѣчій. Въ послѣднихъ, такъ же какъ и въ тѣхъ, изъ которыхъ образовалась русская группа, сочетанія kv, gv, xv передъ ŏ (откуда ie и далѣе, при извѣстныхъ условіяхъ, въ концѣ слова i) изъ дифтонга oi̯ измѣнились въ cv, sv (zv), śv, между тѣмъ какъ въ діалектахъ, образовавшихъ западнославянскую группу, kv, gv, xv остались безъ измѣненія: сербск. цвӣjет, звијѐзда, старосл. цвѣтъ, звѣзда при чешск. květ, hvězda, польск. kwiat, gwiazda. Ср. при этомъ общеславянскій, общій для всѣхъ діалектовъ, переходъ kŏ, gŏ, xŏ (изъ koi̯, goi̯, xoi̯) въ cŏ, sŏ, śŏ (цѣна, польск. cena, сѣрый, чешск. šerý). Подобное различіе судьбы kv, gv, xv въ діалектахъ общеславянскихъ можно бы объяснить тѣмъ, что въ однихъ изъ нихъ v не смягчилось передъ ŏ, а въ другихъ смягчилось и повліяло на смягченіе предшествующихъ гортанныхъ, но такое объясненіе представляется мнѣ ошибочнымъ, между прочимъ потому что врядъ ли вообще возможно допустить смягченіе гортанныхъ передъ мягкой или полумягкой согласной: ср. сочетанія kr, kl, gl, gr, kn, gn передъ ь, i, e, ѣ, даже сочетанія gnj (напр. въ gnjatъ: берцовая кость; gnjusъ). Въ виду этого я думаю, что одни діалекты общеславянскаго языка, въ эпоху измѣненія oi̯ въ ŏ, произносили v какъ билабіальный звукъ (w), близкій къ u̯ и отличавшійся отъ него лишь бо̀льшимъ суженіемъ голосовой щели, между тѣмъ какъ другіе произносили v какъ лабіодентальный звукъ, отстоявшій отъ u̯ дальше, чѣмъ w; это w чередовалось съ u̯, быть можетъ, въ зависимости отъ положенія передъ ударяемой или неударяемой гласной (передъ ударяемой — u̯, передъ неударяемой w); между тѣмъ v не находилось въ подобномъ чередованіи. И такъ въ однихъ говорахъ приведенныя выше сочетанія произносились какъ kwŏ, gwŏ, xwŏ при ku̯ŏ, gu̯ŏ, xu̯ŏ, въ другихъ какъ kvŏ, gvŏ, xvŏ. Несложговое u̯ переходило въ первыхъ изъ этихъ говоровъ въ ŭ передъ ŏ, что̀ и повліяло на переходъ вышеназванныхъ сочетаній въ cŭŏ, sŭŏ, śŭŏ, откуда напр. южнослав. и

русск. цвѣ, звѣ, старосл. ѕвѣ, сви и т. д. Діалекты, лежащіе въ основаніи западнославянскихъ языковъ, сохранили kvö, svö, śvö безъ измѣненія, и это доказываетъ, что v произносилось въ нихъ какъ губнозубное v. И такъ, съ одной стороны, имѣемъ данныя утверждать, что западнославянское v издавна губнозубное, а также, что сочетанія vъ, vь не измѣнялись въ западнославянскихъ языкахъ въ v̩, съ другой стороны, можемъ предполагать исконное губногубное произношеніе v въ южнославянскихъ языкахъ и переходъ въ нихъ vъ, vь въ слоговое v. Не стоитъ ли въ связи губногубное произношеніе v съ способностью его вокализироваться, не объясняется ли отсутствіе сонантическаго v произношеніемъ его какъ звука губнозубного?

Въ тѣсной связи со всѣмъ вышеизложеннымъ стоитъ и то обстоятельство, что въ западнославянскихъ языкахъ неизвѣстенъ переходъ v въ u: въ польскомъ u или u̯ вм. v, кажется, совсѣмъ не встрѣчается; такой замѣны нѣтъ, судя по изслѣдованію Муки, и въ лужицкихъ языкахъ; въ чешскомъ v переходило въ u только передъ губными и это, въ связи съ предположеніемъ, что передъ губными v дольше, чѣмъ въ другомъ положеніи, сохраняло свой губногубной характеръ, подтверждаетъ мысль о зависимости перехода v въ u отъ губногубного свойства этой согласной: ср. обстоятельныя замѣчанія Гебауера въ §§ 190 и 350 (u vodě, u poli, u boji, u moři, úpěti)[1]).

Между тѣмъ въ южнославянскихъ языкахъ переходъ v въ u весьма обыченъ. Онъ извѣстенъ (хотя и въ ограниченномъ числѣ случаевъ) въ среднеболгарскихъ памятникахъ: оѵздаванни, ѵзели, ѵ чемь; въ современномъ болгарскомъ мы находимъ его не только въ западноболгарскихъ, но и въ восточноболгарскихъ говорахъ: у старо време, улезла, унук (Лавровъ, Обзоръ, 90). Въ сербскомъ языкѣ древнія vъ, vь правильно перешли въ u: у цркви, ȕдов, удо̀вица, ȕнук, уну́тра. Въ словенскихъ говорахъ (западныхъ) v произносится какъ w и переходитъ въ концѣ словъ въ u̯

---

1) Но передъ е изъ ъ является v: vebrati, старочешск. we mnohych, we wssem, we wnutrz, wep (им. ед.) при им. мн. upy.

(brau̯, nou̯, molitu вм. molitev, žetu вм. žetev); v замѣнило въ восточныхъ говорахъ u (w) сравнительно недавно, какъ, быть можетъ, слѣдуетъ заключить изъ ударенія vdo̯va, которое можетъ восходить только къ u̯dova (сербск. у̯дова).

Что же такое представляетъ изъ себя переходъ v въ u въ южнославянскихъ языкахъ и въ какой связи онъ находится съ слоговымъ v изъ vъ, vь, указаннымъ выше? Мнѣ кажется, мы не имѣемъ основанія говорить о переходѣ согласной v въ гласную u: такъ въ сербскомъ языкѣ находимъ v напр. въ положеніи передъ r и l: вла̑с, вла́кно, вла̀га, вру̑ћӣ, вра̑ч, вра̑т, вр́тјети, дȉвљӣ и т. п. Мы видимъ въ этомъ языкѣ переходъ не v въ u, а сочетаній vъ, vь въ u. То же справедливо для болгарскаго и словенскаго, при чемъ самое появленіе слоговой гласной доказываетъ, что ей предшествовало или сочетаніе vъ, vь или сонантическое w, за которымъ слѣдовали неслоговыя ъ, ь. Останавливаемся на объясненіи u изъ w̥ъ̯, w̥ь̯, такъ какъ иначе пришлось бы всетаки допустить переходъ консонантическаго v въ u. Замѣна u черезъ v въ болгарскомъ и словенскомъ объясняется частью тѣмъ чередованіемъ, въ которомъ издавна находились v и u въ цѣломъ рядѣ словъ и образованій: дѣло въ томъ, что сочетанія v + сильныя ъ или ь переходили въ v + гласная полнаго образованія (ср. древнесербск. ва, ваз, совр. ва̀скрс, васкр̀сеније, діалект. ва̏здȳх), между тѣмъ какъ черезъ u замѣнялись только сочетанія v + слабыя ъ или ь; чередованіе у и ва, уз и ваз неминуемо вызывало в, вз вм. у, уз.

И такъ южнославянскій переходъ vъ, vь въ u доказываетъ уже для общеславянской эпохи сонантическое произношеніе v, а именно билабіальнаго w, произношеніе стоявшее въ связи съ редукціей слѣдовавшихъ за нимъ ъ и ь. Но такое произношеніе было діалектическимъ; рядомъ съ нимъ было извѣстно произношеніе vз, vь съ лабіодентальнымъ v.

Русскій языкъ составился изъ тѣхъ говоровъ общеславянскихъ, которые произносили v билабіально: это слѣдуетъ изъ современнаго произношенія v какъ w во многихъ южновеликорус-

скихъ, бѣлорусскихъ, малорусскихъ и нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ[1]); это же слѣдуетъ изъ замѣны сочетаній vъ, vь черезъ u, весьма распространенной и въ древнерусскихъ памятникахъ и въ современныхъ говорахъ всѣхъ четырехъ главныхъ русскихъ нарѣчій. Наиболѣе обычна замѣна въ, вь черезъ у въ современныхъ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ: сыноў, уз пло́та, узбудзи́ли, унуки (ельнинск.: удыва́, усё, кроў, дѣ́ўка, дамоў, гнѣ́ўный); малор. уме́р у біді, удова́, удове́ць, узво́з, у́зворот, у́зберіж (ср. въ Хлѣбн. възберегъ подъ 1019 г.), уну́к, усе́, учо́ра. Но она весьма распространена и въ южновеликорусскихъ говорахъ, при чемъ доходитъ на востокъ до Рязанской губерніи (Касимовскій уѣздъ): Болховск. уздуть, улюбиться (Сахаровъ), Мещовск. усё, узял (Черныш.), Спасск.-Ряз. ухожъ, у доми, у пячѣ (Будде), Сапожк. у лѣсъ (Будде) и т. д. Замѣна въ, вь черезъ у извѣстна и въ нѣкоторыхъ сѣверорусскихъ говорахъ, а именно вологодскихъ, новгородскихъ и олонецкихъ: упукъ, удова, удовецъ (Бѣлоз. прогр. № 151), удо́вка (Петроз. Шахм.), но въ древнемъ языкѣ сѣвера, она была гораздо распространеннѣе: ср. напр. двинскія грамоты XV в., половина которыхъ представляетъ мѣну предлоговъ оу и въ.

Начало, развитіе и діалектическое исчезновеніе у вм. въ, вь представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: русскій языкъ получилъ изъ общеславянскаго во всѣхъ своихъ діалектахъ w̯ъ̯, w̯ь̯, чередовавшіяся съ wъ, wь (съ сильными ъ, ь). Еще до исчезновенія глухихъ, w во многихъ русскихъ говорахъ перешло въ v; быть можетъ, это имѣло слѣдствіемъ вытѣсненіе w̯ъ̯, w̯ь̯ черезъ vъ̆, vь̆. Въ говорахъ, гдѣ w сохранилось, w̯ послѣ исчезновенія ъ̯, ь̯ перешло въ u. Чередованіе u, напр. въ предлогахъ wъ, wъz, съ wo (изъ wъ съ сильнымъ ъ) имѣло слѣдствіемъ, съ одной стороны, вытѣсненіе wo черезъ u, а съ другой вытѣсненіе u и wo черезъ w (ꙋмꙋатн вм. вомчати, ср. Ипат. вмуа 129 б, вдоꙋмавъ вм. удумавъ 132 в, всѣкиꙋ 104 г). Впослѣдствіи многіе изъ го-

1) Тотемскаго, бѣлозерскаго, кирилловскаго, петрозаводскаго, вельскаго и др. уѣздовъ.

воровъ, сохранявшихъ и въ историческое время w, утрачивали его, а въ связи съ этимъ утрачивали и чередованіе предлоговъ у и въ. Какъ бы то ни было, важно отмѣтить, что дѣло идетъ собственно о фонетическомъ переходѣ въ, вь въ у, переходѣ, естественнѣе всего объясняющемся при посредствѣ произношенія w̯ъ̯, w̯ь̯. Кромѣ разсмотрѣнныхъ явленій мы находимъ еще и другія указанія на слоговое произношеніе w въ общерусскомъ языкѣ. Сюда относятся:

1) Весьма распространенная замѣна предполагаемыхъ w̯ъ̯, w̯ь̯ черезъ ов, ав въ началѣ слова передъ согласной (ср. выше ор, ар, ир, ол, ил, ом, ам, им вмѣсто r̯ъ̯, l̯ъ̯, mь̯ въ началѣ словъ). Приведу примѣры.

Сѣверновеликор. *овторникъ* (Роман., Пошех., Молож., прогр. Е. Якушкина, Акмол. прогр. № 75, Шенк. прогр. № 80, Волог. прогр. № 82, Шадр. прогр. № 86, Холмог. прогр. № 50, Котельн. прогр. № 46, Малмыж. прогр. № 38, Алатыр. прогр. № 32, Тюмен. прогр. № 27, Кадник. прогр. № 25, Нолин. прогр. № 68, Кинеш. прогр. № 66, Буинск. прогр. № 57, Яранск. прогр. № 101, Муром. прогр. № 93, Кирилл. прогр. № 186, Соликам. прогр. № 181, Кашин. прогр. № 177, Бѣлоз. прогр. №№ 169 и 191, Никольск. прогр. № 215, Слободск. прогр. № 141, Красноуф. прогр. № 139, Чердын. прогр. № 258, Меленк. прогр. № 247, Сольвыч. прогр. № 193, Тотем. прогр. № 192, Покров. прогр. № 244 и др.), *авторникъ* (Тотем. и Кадник. Обзор Колосова, 127, Грязов. прогр. № 36, Кологрив. прогр. № 58, Алатыр. прогр. № 32)[1]).

Южновеликор. *авторникъ* (Курск. Доп., Самар. прогр. № 40, Холмск. прогр. № 54, Островск. прогр. № 33, Карсун. прогр. № 67, Зубцов. прогр. № 108, Курмыш. прогр. № 110, Инсар. прогр. № 231), *авчера* (Ряз. Будде: авчярá, Ворон. Филат.:

1) Произношеніе вовторникъ вм. вторникъ, овторникъ явилось подъ вліяніемъ соединенія съ предлогомъ: Шенк. прогр. № 80, Кунгур. прогр. № 134, Соликам. прогр. № 181, Петроз. прогр. № 30, Кадник. прогр. № 26, вохторникъ Кирилл. прогр. № 163.

афчяра, Бронниц. прогр. № 81: авчира, Касим. прогр. № 247, Каинск. прогр. № 117), *авдавáя* (Ряз. Будде), *авсеношная* (Мещов. Черныш.).

Бѣлор. *аўтóракъ* (Мозыр. прогр. Карск. № 10, Быхов. прогр. № 9, Дисн. прогр. № 6, Игумен. прогр. № 8, Минск. прогр. № 7, Слуцк. прогр. № 5, Новоалекс. прогр. № 11 и др.)[1]), *автóрникъ* (Слов. Носов.), *авчéра* (Studien Огоновскаго, 55).

Малор. *вівтóрок*, указывающее на івторок.

Я думаю, что ов, ав во всѣхъ указанныхъ словахъ можетъ восходить къ ув, при чемъ измѣненіе ув (т. е. uu̯) въ ов (ou̯) и далѣе въ ав (сѣверновелик.) было слѣдствіемъ диссимиляціи обоихъ элементовъ дифтонга uu̯. Ср. измѣненіе дифтонга ou̯ въ au̯ въ древнихъ сѣверноруссскихъ говорахъ въ словахъ новгородець, новгородскый (напр. Новоросс. сп. Новгор. 4-й лѣт. навгороᵓчкои р. ед. ж. 372 б, навгородчи 434 а и др.). Что же касается ув вмѣсто начальнаго в, то оно доказывается напр. такими формами какъ малор. и бѣлор. увесь, южновеликор. увошь (Обоян. Машкинъ), увздѣлъ, увзыйдёшь и др. (Мещов. Черныш.): здѣсь ув не перешло въ ов частью подъ вліяніемъ положенія не въ дифтонгѣ, а передъ гласною, частью же подъ вліяніемъ формы предлога у въ другомъ положеніи.

2) Въ древнерусскихъ памятникахъ весьма обычнымъ написаніемъ слова вьсь (πᾶς) является всь, напр. въ Новгор. 1-й лѣтописи, во всѣхъ трехъ почеркахъ (до сорока разъ, ср. Ляпуновъ, Изслѣдованіе о яз., 60, 61, 72), въ Ипат. лѣт. (л. 161 б, 213 в, 229 г, 225 г, 222 б и др.) и т. д. Б. М. Ляпуновъ въ упомянутомъ не разъ его изслѣдованіи, освѣтившемъ немало темныхъ вопросовъ фонетики русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, высказалъ (на стр. 93) предположеніе, что написаніе всь стоитъ въ связи съ тѣмъ, что в произносилось въ говорахъ, лежащихъ въ основаніи языка Новгородской 1-й лѣтописи, какъ неслоговое у. Вполнѣ присоединяюсь къ этому предположенію и

1) Рядомъ и ўаўторокъ Минск. прогр. № 7, ўаўторыкъ Игум. прогр. № 15.

дополняю его высказаннымъ выше о возможности слогового произношенія w: всь русскихъ памятниковъ я читаю w̥̆s', которое замѣнило wes' подъ вліяніемъ w̥̆sego, w̥̆s'a и т. п.

3) Б. М. Ляпунову принадлежитъ еще одно цѣнное замѣчаніе, имѣющее ближайшее отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Онъ указалъ на то, что буква ъ держится на письмѣ послѣ в въ серединѣ словъ устойчивѣе въ древнерусскихъ памятникахъ, чѣмъ въ другомъ положеніи, и сопоставилъ это съ устойчивымъ же употребленіемъ этой буквы послѣ р (стр. 48—49): такъ въ обоихъ первыхъ почеркахъ Новгородской 1-й лѣтописи пишется исключительно **дрѣва, крѣви, брѣне, кръвопролитиа**; въ 1-мъ почеркѣ, кромѣ того, постоянно **ржи**; и рядомъ находимъ въ 1-мъ почеркѣ **вѣноукъ** (четырнадцать разъ), **извѣноу**, а во 2-мъ почеркѣ **вѣноукъ** (при **вноукъ**), **вънѣ**, **вторнѝ** (при **второіе**); далѣе удерживается ъ послѣ в въ суффиксѣ **ък** въ 1-мъ почеркѣ, а въ причастныхъ формахъ на **ъш-** какъ въ 1-мъ, такъ и во 2-мъ почеркѣ. Мы знаемъ, чѣмъ обусловливалось устойчивое употребленіе ъ послѣ р напр. въ приведенныхъ примѣрахъ: ръ произносилось въ сѣверноруссномъ нарѣчіи съ сильнымъ ъ, при чемъ ръ съ сильнымъ ъ (не подлежавшимъ выпаденію) произошло изъ r̥̆. Не объясняется ли устойчивость ъ послѣ в сходною, хотя и не тожественною причиною, а именно тѣмъ, что *въ* въ **вѣноукъ, дѣвъка, давъше** произносилось какъ w̥̆ и составляло такимъ образомъ слогъ, не подлежавшій исчезновенію въ то время, какъ ъ исчезало въ другомъ положеніи (ср. **зла, зло, князь, сла, стехъ, кто, днѣпрь, кдѣ, двѣ, гна, спящю** и т. д.). Дальнѣйшія наблюденія надъ памятниками, быть можетъ, оправдаютъ замѣчаніе Ляпунова о большей устойчивости ъ послѣ в.

4) Весьма важными представляются мнѣ тѣ случаи, гдѣ мы находимъ въ древнихъ памятникахъ написанія **ьв** вм. **вь**: они прямо ведутъ насъ, такъ же какъ сходныя написанія сербскихъ и болгарскихъ памятниковъ, къ слоговому w; мнѣ извѣстно лишь немного случаевъ: **при дьвресхъ, къ дьвремъ, дьври** (Галицк. ев.

1266—1301, по нѣск. случаевъ, ср. Соболевскій, Очерки, 23 и Wolter въ Archiv f. slav. Ph. VI, 620 и слѣд.), **жертьвнику** (Хутынскій служебникъ, Соболевскій, Очерки, 74), **Листьвну** (Ипат. и Радзив. лѣт. подъ 1024 г., при чемъ въ Хлѣбн. и Лавр. сп. читаемъ **Листвену**).

5) Подобно тому какъ вм. ṛъ̯, ḷ̣ъ̯, ṇъ̯ при извѣстныхъ условіяхъ возникали, вслѣдствіе перенесенія ударенія на слоговыя ṛ, ḷ, сочетанія re, ḷe, ne, при чемъ e непосредственно изъ неслоговаго звука α̯ (образовавшагося съ теченіемъ времени изъ ъ),— сочетаніе we замѣняло при тѣхъ же условіяхъ ẉα̯ съ перенесеннымъ на ẉ удареніемъ. Случаи сюда относящіеся находимъ въ притяжательныхъ прилагательныхъ на -овъ. Весьма вѣроятно предполагать, что тѣ изъ нихъ, которыя въ мужескомъ и среднемъ родѣ имѣли удареніе на о, въ женскомъ переносили его на окончаніе а: ср. обыкновенное чередованіе ударенія напр. въ случаяхъ прост, про́сто—проста́, глуп, глу́по—глупа́; поэтому Петро́въ, женск. р. *Петрова́, Ивано́въ, женск. р. *Иванова́ и т. п. Удареніе женск. рода повліяло на переносъ его на окончаніе и въ мужескомъ и въ среднемъ родѣ (ср. бѣло́ подъ вліяніемъ бѣла́, ср. малор. бі́ло, ново́, голо́, сѣро́, старо́ и т. п.). Такъ явились и Петрова́ дни и Петрово́ (фамилія). Такъ же явились въ древности petroẉъ̯, iwanoẉъ̯, trufanoẉъ̯ и т. п. съ удареніемъ на слоговомъ ẉ вмѣсто petròẉъ̯ и т. д. Отсюда далѣе petrowè, iwanowè, trufanowè, ср. въ двинск. грамотахъ XV в. **иванове, труфанове**, подъ вліяніемъ которыхъ явились и **васильеве, сидорове** и т. д.

6) Мы видѣли, что въ сѣвернорусскомъ нарѣчіи ṛъ̯, ḷ̣ъ̯, ṛь̯ послѣ согласныхъ перешли въ rъ, ḷъ, rь и т. д. съ слоговыми и сильными ъ, ь, откуда далѣе ro, ḷo, re, между тѣмъ какъ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ ṛъ̯, ḷ̣ъ̯, ṛь̯ сохранялись и лишь впослѣдствіи измѣнились въ ry, ḷy, ri непосредственно изъ ṛ, ḷ̣, послѣ утраты слѣдовавшихъ за ними ъ̯ и ь̯. Повидимому, аналогичныя отношенія замѣчаются и въ судьбѣ сочетаній wъ, wь послѣ согласныхъ; это даетъ намъ еще больше основаній утвер-

ждать, что они произносились именно съ слоговыми w. Такъ въ сѣверновеликор. находимъ ве вмѣсто вь, напр. въ звено, звенѣть; въ малорусскомъ извѣстно, правда, дзвеніти, но рядомъ является и дзвині́ти, дзвині́нє (Слов. Желех.). Не есть ли дзвині́ти правильное отра́женіе древняго zvьnѣti (zwь̯nѣti), между тѣмъ какъ дзвені́ти, можетъ быть, обязано своимъ е формамъ *дзвенькати (откуда дзе́нькати), задзвенкочи́ти? Еще болѣе ясныя указанія на ви изъ вь послѣ согласныхъ извлекаемъ изъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говоровъ. Ср. бѣлор. цвисци, цвиту (Карскій, Обзор, 147). Та́къ напр. въ записяхъ смоленскихъ говоровъ въ Этногр. сб. Добровольскаго наблюдается слѣдующее общее явленіе: въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, на мѣстѣ е, я, ѣ является и, когда въ ударяемомъ слогѣ стоитъ а (я), напротивъ я, когда въ ударяемомъ слогѣ всякая другая гласная (систра, стриляй, чирвякъ, зывизалъ; но тяперь, привяли́, святымъ, па зямлѣ, вязуть, сястрица). Отъ этого общаго правила замѣчается лишь очень незначительное число отступленій. Къ числу ихъ принадлежатъ: а) случаи, гдѣ ри, ли замѣнили древнія рь, ль послѣ согласныхъ (загримѣла, блистить, ср. бли́щить I, 474, тривога, затризвонили и т. д., см. выше), б) случаи, гдѣ ви послѣ согласныхъ замѣнило древнее вь: звинѣли (I, 632), звинѣть (II, 202), твите́ть (I, 161), твитуть (I, 216), атвити́ть (I, 221), твитить (I, 611). И такъ смоленскія звинѣть, твитеть могутъ восходить къ древнимъ звинѣти, твитеть, восходящимъ къ звьнѣти, твьтеть и предполагающимъ произношеніе этихъ послѣднихъ какъ zwь̯nѣti, twь̯tetь. Подтвержденіемъ этого могутъ служить написанія **прозвинить, звинєлъ** въ Библіи Скорины (Владиміровъ, 264), Звинигородъ въ Хлѣбниковской лѣтописи (Звинигородоу подъ 1097, 1087 гг.), въ лѣтописи Аврамки (**ꙁвинигоро̑** въ литовск. лѣт.), въ лѣтописи Красинскаго, а также **звинѧ̑, звинѧчии** въ Западнорусск. сб. XV в. (Карскій, Извѣстія, II, 999), хотя тамъ же **нєстирьпливои, были принєсины** и др.

Совокупность всѣхъ приведенныхъ здѣсь данныхъ убѣж-

даетъ насъ въ томъ, что русскій языкъ, такъ же какъ южнославянскіе языки, получилъ изъ общеславянскаго языка сочетанія w̯ъ̯, w̯ь̯ на мѣстѣ древнихъ wŭ, wĭ.

Какъ при сочетаніяхъ tr̯ъ̯t, tr̯ь̯t вліяніе аналогіи вызывало trъt, trьt, такъ и вм. tw̯ъ̯t, tw̯ь̯t въ серединѣ словъ могли являться twъt, twьt, откуда twt: ср. малор. мерця́, мерці изъ мьртвьца. То же въ сербск. мр̀ца (при мртва̀ца). Ср. Ляпуновъ, Изслѣдованіе, стр. 93.

X.

Въ тѣсной связи съ предыдущимъ изслѣдованіемъ, установившимъ общеславянскій переходъ rĭ, nĭ, nŭ, wĭ, rŭ и т. д., послѣ редукціи ĭ и ŭ, въ r̯ъ̯, n̯ь̯, m̯ь̯, w̯ь̯, r̯ъ̯ и т. д., стоитъ вопросъ, во что обращались общеславянскія сочетанія jĭ и j̯ĭ вслѣдствіе той же редукціи.

Различіе между общеславянскими jĭ и j̯ĭ было обусловлено не различнымъ происхожденіемъ этихъ сочетаній, а различнымъ положеніемъ ихъ въ словѣ: jĭ было извѣстно только въ неударяемыхъ слогахъ, а j̯ĭ только въ ударяемыхъ. Доказательствомъ служатъ тѣ общія соображенія о чередованіи j и j̯ въ зависимости отъ ударяемости или неударяемости слѣдующей гласной, которыя извлекаются: а) изъ исторіи звука *е* въ русскомъ языкѣ, гдѣ напр. въ конечномъ открытомъ слогѣ je переходило въ jo, а j̯e оставалось безъ измѣненія (ср. малор. моé, между тѣмъ какъ великор. и бѣлор. моё подъ вліяніемъ дóброе, стáроё), б) изъ исторіи сочетанія ьj, ьj̯ передъ гласными въ русскомъ языкѣ, гдѣ ьj измѣнялось напр. въ великорусскомъ нарѣчіи въ j̯, а ьj̯ переходило въ ej̯ (гóстja изъ гóстья, но прядеj̯à изъ прядьj̯á). Кромѣ того на то, что ударяемому ĭ предшествовало именно j̯, а не j, указываютъ явленія начала слова, которыя мы разсмотримъ ниже, а именно общеславянскій, общій для всѣхъ его

діалектовъ, переходъ i̯ĭ подъ удареніемъ въ первомъ слогѣ слова въ i (или какъ увидимъ ниже въ iь̯).

Сочетанія i̯ĭ и jĭ имѣли въ общеславянскомъ языкѣ различное происхожденіе. Во-первыхъ,—изъ литовскославянскаго сочетанія jĭ: напр. имен. и вин. ед. мѣстоименія jĭ (старослав. и), ср. литовское jis. Во-вторыхъ, изъ болѣе древняго сочетанія jŭ различнаго происхожденія: i̯ĭgo (ср. лат. jugum); moi̯ĭ. Въ третьихъ, въ началѣ словъ изъ литовско-славянскаго ĭ различнаго происхожденія (изъ индоевроп. ĭ и изъ индоевроп. α̯): jĭgъła, jĭskra (которое сближаютъ съ литовскимъ iškus: ясный, очевидный), jĭnъ (которое Фортунатовъ сблизилъ со славянскимъ ĭn въ jedĭn-, откуда jedьnъ); jĭmǫ; jĭmę.

Разсмотрѣнныя выше сочетанія jĭ и i̯ĭ подверглись значительнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе общаго закона о редукціи ĭ, вслѣдствіе перехода его въ ь. Краткое ĭ, какъ извѣстно, переходило въ сильный ь въ положеніи передъ слогомъ, заключавшимъ ъ или ь (изъ ŭ и ĭ), въ слабый ь въ другомъ положеніи. Это различіе сказалось и на судьбѣ сочетаній jĭ, i̯ĭ: передъ слогомъ съ слабыми ъ или ь вмѣсто нихъ явились jь, i̯ь съ сильнымъ ь, не подлежавшимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ въ общеславянскую эпоху; въ другомъ положеніи сочетанія эти переходили въ jь съ слабымъ ь, причемъ въ jь совпали какъ jĭ, такъ и i̯ĭ, вслѣдствіе общаго переноса ударенія съ слабой редуцированной гласной (о дальнѣйшей судьбѣ jь въ общеславянскомъ скажемъ ниже).

1. Въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ i̯ĭ не переходило въ jь: по только что упомянутому закону ĭ и здѣсь теряло удареніе, переносило его къ началу слова. Слѣдствіемъ этого было появленіе ìь вм. i̯ĭ, при чемъ ь послѣ гласной становилось неслоговымъ. Прежде чѣмъ приводить указанія на общеславянскія сочетанія jь, i̯ь съ сильнымъ ь, прежде чѣмъ заниматься вопросомъ о дальнѣйшей судьбѣ сочетанія jь съ слабымъ ь въ общеславянскомъ, приведу примѣры общеславянскаго сочетанія iь̯ вм. болѣе древняго i̯ĭ въ начальномъ ударяемомъ слогѣ. Замѣчу, что

въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ общеславянское i̯ь, вслѣдствіе отпаденія ь̯, перешло въ i.

Общесл. ìskrǫ, вин. ед.: сербск. и̏скра, русск. ѝскра, чешск. jiskra, польск. iskra; ìła, р. ед. (отъ i̯ьłъ съ сильнымъ ь): словенск. íla, русск. и́ла, чешск. jílu и ílu (съ новой долготой!), польск. iłu; ìdetь: сербск. и̏дē, русск. и́дутъ, польск. idzie, чешск. діалект. idu, iděš (Gebauer, Hist. mluvn. I, 533); ìmene, р. ед. (при jьmę́, ср. сербск. вре̏мена, р. ед. при вриjѐме): сербск. имена, русск. имени, польск. imienia; ìlьmъ: русск. и́лем, чешск. jilem; ìkrǫ, вин. ед.: сербск. и̏кра, польск. ikra, чешск. jikra; ìgramь, 1-е л. ед.: сербск. и̏грāм, польск. igram; ìgъłъ, р. мн.: сербск. и̏глу вин., русск. и́глы, польск. igła; ìstъbъ, р. мн.: русск. и́збу, чешск. jizba, jistebka, польск. izba, izdebka; ìščetь, 3 л. ед.: сербск. и̏штē, русск. ищетъ (чешск. jiskati и jískati съ новой долготой); ìgo (при jьgò), ср. русск. ѝго, словенск. igô.

2. Что i̯ь, jь передъ слогомъ, заключавшимъ слабый ъ, ь, произносились въ общеслав. съ сильнымъ ь, доказывается всѣми славянскими языками: ь послѣ i̯, j перешло въ нихъ въ ту же гласную полнаго образованія, которая замѣнила сильное ь послѣ другихъ согласныхъ. Ср. сербск. ja въ нájам (р. нájма), jамца (р. отъ jа̏мац поручитель), jа̏мчити при jе̏мчити (отсюда и jа̏мати при jѐмати), бòjац, ло̏jан, чакавск. dvojàk (р. dvōjkà, близнецъ). Словенск.: ja, jε въ jámčiti, nájεm (nájma), bôjεc, bôjεn. Чешск. je въ jem (р. jmu, ощущеніе), zájem, bojec (р. bojce), vaječko, jehla (изъ jьgъłà, ср. Gebauer I, 171 и 532), jemný, jenž. Верхнелуж. je и jo: jehła и johła. Польск. je въ najem, najemny, jajecznica, jeł (при ił), діалект. jegła. Русск. je, jo въ наёмъ, заёмъ, ёмкій, военный, боéцъ, роёкъ, раёкъ, обл. яецъ, яешница; малор. єгла, єгли́ця.

Быть можетъ, еще въ общеславянскомъ i̯ь съ сильнымъ ь̯ замѣнялось въ единичныхъ случаяхъ черезъ i̯ь, заимствованное изъ случаевъ, гдѣ i̯ь замѣнило i̯ь въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ (ср. выше): общесл. *i̯ь̯gъłǫ вм. *i̯ьgъłǫ подъ вліяніемъ

*ìь̯gъłъ (ср. эту форму выше), *ìь̯stъ̯bǫ подъ вліяніемъ *ìь̯stъbъ, *ìь̯łъ вм. *ì̯ьłъ подъ вліяніемъ *ìь̯ła.

3. Сочетанія jь съ слабымъ ь восходятъ не въ начальномъ слогѣ къ болѣе древнимъ jĭ и i̯ĭ (krájь вм. krájĭ, mójь вм. moi̯ĭ); въ начальномъ же слогѣ только къ болѣе древнему jĭ (jьgrà вм. jĭgrà), такъ какъ i̯ĭ перешло, какъ мы видѣли, въ ìь̯. Но сочетаніе jь было извѣстно въ общеславянскомъ языкѣ лишь діалектически; измѣненіе jĭ и i̯ĭ (послѣдняго не въ началѣ слова) въ jь происходило только въ извѣстной области общеславянскаго языка, между тѣмъ какъ въ другой области его jĭ и i̯ĭ (послѣднее не въ началѣ слова) переходили въ ìь̯, т. е. j вокализовалось, а слѣдовавшее за нимъ ĭ редуцировалось и теряло слоговой характеръ. Мы видѣли выше, что общеславянскій языкъ представляетъ различія и по отношенію къ измѣненію сочетаній rŭ, rĭ, łŭ, lĭ, а также wŭ, wĭ: въ однихъ діалектахъ, послѣ редукціи ŭ и ĭ, на мѣстѣ этихъ сочетаній являлись rъ, rь, łъ, lь, wъ, wь; въ другихъ—r̥ъ̯, r̥ь̯, ł̥ъ̯, ł̥ь̯, w̥ъ̯, w̥ь̯, т. е. въ однихъ діалектахъ редукція ĭ, ŭ не вызывала вокализаціи r, l, w, а въ другихъ вызывала ее. Въ общемъ (см. ниже) тѣ самые общеславянскіе діалекты, которые вокализировали r, l, w передъ редуцированными (и слабыми) ъ, ь, вокализировали и j (i̯) въ такомъ же положеніи.

Къ такимъ діалектамъ принадлежали, во-первыхъ, говоры, лежащіе въ основаніи южнославянскихъ нарѣчій, во-вторыхъ, говоры, отразившіеся въ сѣвернорусскомъ нарѣчіи (современномъ великорусскомъ): ср. указанную выше вокализацію въ южнослав. нарѣчіяхъ r, l, восходящихъ къ сочетаніямъ rъ, łъ, а также переходъ wъ въ u въ этихъ нарѣчіяхъ; ср. далѣе почти полное отсутствіе сочетаній trt вмѣсто trъt, trьt въ великорусскомъ нарѣчіи и переходъ въ немъ rъ, rь и т. д. въ or, er въ началѣ словъ, а послѣ согласныхъ—и въ серединѣ и въ концѣ слова. Напротивъ, общеславянскіе говоры, лежащіе въ основаніи западнославянскихъ нарѣчій, не вокализировали j въ сочетаніи jь, и это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что тѣ же нарѣчія частью со-

всѣмъ не знаютъ вокализаціи r, l, w, частью же допускаютъ вокализацію r, l лишь діалектически. Но замѣчательно, что къ тѣмъ же общеславянскимъ говорамъ примыкали и говоры, легшіе въ основаніе современныхъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій: это стоитъ въ противорѣчіи съ замѣчаемой въ послѣднихъ вокализаціей w (переходомъ wъ въ u), а также съ обильными указаніями на первоначальную вокализацію r, l (изъ rъ, lь и т. д.), извлекаемыми изъ тѣхъ же нарѣчій: вспомнимъ однако, что въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ чаще, чѣмъ въ великорусскомъ, встрѣчаются trt вмѣсто trъt, trьt (крви, трваць, кравий), и такимъ образомъ и въ отношеніи вокализаціи r, l они представляютъ черты, общія съ западнославянскими нарѣчіями.

Общеславянскіе говоры, допустившіе вокализацію j въ сочетаніи jь, измѣнили это сочетаніе въ i̯ь. Такое i̯ь возстановляемъ между прочимъ по аналогіи r̯ъ, l̯ъ и т. д. Согласно предыдущему, общеславянское діалектическое i̯ь (откуда въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ i) указаннаго происхожденія (изъ jь) было извѣстно въ неударяемыхъ слогахъ, какъ въ началѣ слова, такъ и не въ началѣ слова послѣ гласной. Примѣры діалектическаго общеславянскаго i̯ь.

Начало слова. Общесл. діалект. i̯ьgráti, i̯ьgrà, i̯ьskrà, i̯ьgъlъska, i̯ьstъlъska, i̯ьdì и т. д. Ср. старослав. играти, иди, искра, предл. из, ис-, иде (гдѣ); сербск. ѝграти, ѝгра, ѝди, имѐна; словенск. iskríti, ídi, ígra и igrà, igràti, imenîti se, imèti, предл. iz- is; болг. искра́, игра́, иди́; великор. игра́ть, игра́, искри́ться, икра́, има́ть, имена́, иду́, иска́ть, предл. из-, древнее истóбка и т. д.

Положеніе послѣ гласной. Общеслав. діалект. moi̯ь, krai̯ь, dostoi̯ьno, voi̯ьna, jai̯ьce и т. д. Отсюда въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, послѣ выпаденія и отпаденія ъ̯, дифтонги ai̯, oi̯, непосредственно изъ ai, oi. Ср. сербск. мôj, крâj, вójска, jájце, ŷjна, бójца, зájмити, дòстójно; въ зайскати, пойграти видимъ вліяніе несложныхъ ѝскати, ѝграти; въ стрѝна опущено i̯, но быть можетъ strīna, восходящее къ stryi̯ьna, явилось въ результатѣ стяженія; такое стяженіе видимъ въ окончаніи им. ед. при-

лагательныхъ до̏брӣ, бла̑гӣ, би̏јелӣ, и̏стӣ и т. д. Словенск. ràj, ròj, rójca (р. ед.), vójna, vójska, zájti, zájdi, zájma (р. ед.), tâjba, tájnost, trôjka. Какъ и въ сербскомъ, iiь̯ стянулось въ ī: strína, rîsji, pásji. Болг. край, рой, мой, лой, стро́йникъ; стяженіе iiь̯, уiь̯ произошло въ очень старое время, ср. совр. стри́на и окончаніе ы вм. ыи въ им. ед. прилагательныхъ, извѣстное уже въ очень древнихъ памятникахъ болгарскихъ. Великор.: мой, край, сто́йка, досто́йно, бойца́, во́йско, стро́йный и т. д.

Быть можетъ, еще въ общеславянскую эпоху діалектическое iь̯, возникавшее въ неударяемыхъ слогахъ вмѣсто jъ, вытѣсняло jь съ сильнымъ ь (въ слогѣ передъ слогомъ съ ъ или ь): iь̯stъbá вм. jьstъbà подъ вліяніемъ iь̯stъbъka, iь̯gъła вм. jьgъła подъ вліяніемъ iь̯gъ̀łъka, iь̯nъ вм. jinъ подъ вліяніемъ iь̯nà, iь̯nògo. Ср. старослав. инъ, игълинѣ, русск. игла̀, сербск. и̏гла (при хорватск. jagla Mikl., которое непосредственно изъ jьgъla). То же могло имѣть мѣсто и въ положеніи послѣ гласной: dostoiь̯nъ вм. dostojьnъ, voiь̯nъ вм. vojьnъ и т. д.; ср. старослав. достоинъ, воинъ. Подобное iь̯, откуда позже i, могло получать и удареніе подъ вліяніемъ той или другой аналогіи: ср. великорусск. яи̏ц, яи̏чко, яи̏шница, при діалект. яѐц, яѐчко, яѐшница.

Произношеніе iь̯ не i̯ (вм. jь) въ окончаніяхъ, напр., имен. ед. или род. мн. объясняетъ намъ, почему діалектически еще въ общеславянскомъ языкѣ предшествующія ему i, у (которыя въ свою очередь изъ сильныхъ ь, ъ) могли замѣняться (подъ вліяніемъ различныхъ аналогій) слабыми ъ. Такъ старослав. **милосръды** р. мн. Зогр., **жрѣбы** им. ед., **веселъи** Син. пс., **люды**, **дьньи** род. мн. Син. пс., **искрьньи** им. ед. Савв., гдѣ ь, ъ вм. и, ы, подъ вліяніемъ **жрѣбыꙗ**, **милосръдыѥ**, **искрьнь**, **веселъ**, можно читать, быть можетъ, и со слабыми ь, ъ, хотя рядомъ могло быть извѣстно произношеніе и съ сильными ь, ъ. Въ древнерусскомъ было во всякомъ случаѣ извѣстно произношеніе Юрi̯и (или Юрjи), Василi̯и, Афонасi̯и въ им. ед., ср. между прочимъ написанія какъ Юрьги, Юрги; въ современномъ русскомъ ср. пла́тьице, изголо̀вьице.

Общеславянскіе говоры, не допускавшіе вокализаціи j, сохранили jь до эпохи выпаденія и отпаденія слабыхъ глухихъ. Уже въ отдѣльной жизни образовавшихся изъ этихъ говоровъ славянскихъ нарѣчій исчезновеніе ь имѣло слѣдствіемъ появленіе въ началѣ слова сочетаній j + согласная, въ положеніи же послѣ гласной сочетаній гласная + j. Въ положеніи передъ согласной j исчезалъ, хотя, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ было извѣстно и сочетаніе j + согласная или γ' + согласная. Въ положеніи же послѣ гласной j переходилъ въ i̯ и лишь въ единичныхъ случаяхъ отпадалъ въ концѣ слова. Къ славянскимъ нарѣчіямъ, унаслѣдовавшимъ общеславянское діалектическое jь, относятся, какъ указано, западно-славянскіе языки, а также малорусскій и бѣлорусскій, хотя въ этихъ послѣднихъ необходимо принимать исконное колебаніе между произношеніемъ jь и i̯ь. Примѣры дальнѣйшаго измѣненія jь въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Начало слова. Общеслав. діалектическія jьmę (имя), jьskáti, jьgrà, jьgráti, jьskra, jьlьmъ, jьmѣti, jьmáti, jьgъlъka, jьstъ̀bъka, jьdǫ, jьdì и т. п. Ср. чешск. du, di, da; hra, hráti, старочешск. mě, jméno; máti; ho (иго); mění; mu, meš. Быть можетъ, въ древне-чешск. j сохранялось въ началѣ словъ передъ согласной: ср. послѣдовательное сохраненіе j на письмѣ (при чемъ онъ изображается буквами g, gh, h). Польск. gra, grać, miano, skra, предл. z вм. iz, mieć, mam, діалект. kro (при ikro, ср. русск. обл. икрò), skra. Верхнелуж. škra, herc (игрецъ), hrać, měć, mam, du (иду), stwa (изба). Нижнелуж. škra и škrja, gerc, gła, mě (имя), graś, měś, mam, śpa (изба), lom (илемъ). Малор. грáти, гра, голка, де (изъ jьde), ськáти, му (изъ jьmu), мати, предл. з вм. из, діал. лём (при илем Слов. Желех.), галицк. мнє (укр. имя, имня́), угрорусск. мéно (Верхр. Знадоби I, 25), скра (тамъ же, II, 33). Бѣлор. мѣць, мáю, предл. з вм. из, граць, скра; сюда же, вѣроятно, проникшее въ псковскую область шкремётка (черепокъ, Псков. и Осташ., Доп.) вм. искромётка; южновелик. менины (вм. именины, Болхов. Сахаровъ). Важно отмѣтить й въ малор. и

бѣлор. въ положеніи послѣ предлоговъ: на ймя и т. п. Что до начальнаго і въ тѣхъ же и родственныхъ словахъ западнослав. языковъ, то о происхожденіи его сказано выше: igrać польск. подъ вліяніемъ общеслав. ìь̯gramь (1 л. ед.), jiskra чешск. подъ вліяніемъ общеслав. вин. ед. ìь̯skrǫ. Малорусское и бѣлор. и напр. въ иду́, искри́ти, иска́ти можетъ восходить и къ діалектическому іь̯ изъ неударяемаго jь (ср. сказанное выше).

Въ положеніи послѣ гласной вм. jь послѣ отпаденія ь явилось i̯: польск. kraj, чешск. můj, trojka, vojko, vojna. Причина отпаденія j, напр. въ окончаніи им. ед. прилаг. муж. рода, не вполнѣ ясна. Быть можетъ, j исчезалъ здѣсь, какъ не поддержанный аналогіей (ср. kraj подъ вліяніемъ kraja): но скорѣе должно думать о стяженіи ii̯, yi̯, въ ī, ȳ. Ср. чешскую долготу въ этомъ окончаніи (dobrý, starý), а также такой случай, какъ чешск. strýna при strýjna. Вопросъ усложняется тѣмъ, что само чешское ȳ перешло въ дифтонгъ ei̯, ai̯. То же объясненіе, что западно-славянское y, і въ им. ед. прилагательныхъ, должны получить бѣлорусскія и сѣверомалорусскія окончанія ы, и въ той же формѣ.

Подведемъ итоги предыдущему изслѣдованію и обобщимъ нѣкоторыя извлеченныя изъ него положенія (главы VI—X).

Редукція ĭ, ŭ и переходъ ихъ въ ь, ъ имѣла въ общеславянскомъ языкѣ слѣдствіемъ вокализацію сосѣднихъ плавныхъ, носовыхъ, а также звуковъ j и w.

Общимъ для всѣхъ говоровъ общеславянскаго языка явленіемъ слѣдуетъ признать вокализацію долгихъ плавныхъ, слѣдовавшихъ за ĭ и ŭ и предшествовавшихъ согласнымъ: tĭr̄t и т. д. переходили въ tь̯r̥̄t и т. д. При этомъ ь, ъ становились звуками неслоговыми.

Въ большей части говоровъ общеславянскаго языка вокализировались также краткія плавныя и носовыя въ положеніи передъ редуцировавшимися ĭ, ŭ, которыя переходили при этомъ въ

неслоговыя ь, ъ. Переходъ rĭ, łŭ, nŭ и т. д. въ ṛ̯ь̯, ł̣ъ̯, ṇъ̯ и т. д. имѣлъ мѣсто какъ въ началѣ слова, такъ и послѣ гласныхъ и согласныхъ, въ серединѣ и въ концѣ его. Удареніе, лежавшее на начальныхъ ĭ, ŭ, не препятствовало ни редукціи ихъ, ни переходу въ неслоговые звуки, такъ какъ оно переносилось при этомъ на предшествующую плавную или носовую (ср. совр. сербск. черногорск. р̏жи, р̏жан, а также русск. діалект. и́льна, и́ржи, и́льва, и́рты). Но переходу ĭ, ŭ въ неслоговыя ъ, ь, а также образованію передъ ними слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ препятствовало положеніе сочетаній rŭ, łŭ, rĭ и т. д. передъ слогомъ, гдѣ находились звуки ŭ, ĭ, подлежавшіе редукціи и переходу въ слабыя (подлежавшія въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ выпаденію) ъ, ь: въ такомъ положеніи указанныя сочетанія переходили въ rъ, łъ, rь и т. д. съ сильными (подлежавшими въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ переходу въ гласныя полнаго образованія) ъ, ь. Въ положеніи за слогомъ, содержавшимъ ĭ, ŭ, сочетанія rŭ, łŭ, rĭ и т. д. подлежали переходу въ ṛ̯ъ̯, ł̣ъ̯, ṛ̯ь̯: но предшествовавшія имъ ĭ, ŭ переходили тѣмъ не менѣе въ сильныя ь, ъ — такъ, какъ если бы въ слѣдующемъ слогѣ находились слабыя ь, ъ (заключаю это изъ случаевъ какъ шол= šьł̣ъ̯, сербск. за̏ова изъ zъł̣ъ̯va, малор. золви́ця и т. п.). Въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что удареніе съ неначальныхъ ĭ, ŭ, подлежавшихъ редукціи, переносилось не на предшествовавшія имъ плавныя и носовыя, а на предшествующіе слоги (поэтому dvorŭ̀ измѣнилось не въ dvoṛ́ъ̯, а въ dvòṛ̯ъ̯). Но въ силу аналогіи вмѣсто сильныхъ ъ, ь могли еще въ общеславянскомъ являться передъ слоговыми плавными и носовыми слабыя ъ, ь, которыя при этомъ выпадали: такъ род. мн. отъ sedъło съ слабымъ ь сталъ звучать sedł̣ъ̯ вм. sedьł̣ъ̯ съ сильнымъ ь; род. мн. отъ okъno—okṇъ̯ вмѣсто okъṇъ̯ съ сильнымъ ъ. То же имѣло мѣсто вслѣдствіе діалектическаго переноса ударенія (подъ вліяніемъ аналогіи) на слоговыя плавныя и носовыя: šł̣ъ̯ вм. šь̀ł̣ъ̯ муж. р. причастія.

Переносъ ударенія съ неначальныхъ ĭ, ŭ на предшество-

вавшіе имъ слоги, а не на предшествовавшія имъ плавныя и носовыя, появленіе сильныхъ, а не слабыхъ ъ, ь передъ r̥ъ, l̥ъ и т. д.—все это указываетъ на то, что вокализація плавныхъ и носовыхъ наступала въ общеславянскомъ языкѣ въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ не сразу послѣ редукціи ŭ, ŭ, а лишь постепенно и при томъ, какъ указано, только діалектически. Бо̀льшая часть діалектовъ, легшихъ въ основаніи западнославя̀нскихъ нарѣчій, а также нѣкоторые изъ діалектовъ, отразившихся въ среднерусскомъ и южнорусскомъ нарѣчіяхъ, совсѣмъ не знали вокализаціи плавныхъ (а можетъ быть и носовыхъ) передъ ъ, ь.

Въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ слоговыя плавныя (и носовыя) сохранились вообще только въ самомъ началѣ слова и въ положеніи между согласными. Исчезновеніе ъ̯, ь̯, слѣдовавшихъ за слоговыми плавными и носовыми, имѣло слѣдствіемъ переходъ r̥, l̥, n̥, m̥ въ положеніи послѣ согласныхъ въ сочетанія ъг, ъl̥, ъп, ъш съ сильными ъ (или ь) и консонантическими плавными и носовыми; въ положеніи же послѣ гласныхъ слоговыя r̥, l̥, n̥, m̥ переходили въ соотвѣтствующіе неслоговые звуки. Но l̥ въ сербскомъ языкѣ перешло послѣ гласной (какъ и въ началѣ слова) въ гласную *о*.

Въ русскомъ языкѣ слоговыя плавныя въ начальномъ слогѣ слова въ положеніи послѣ согласныхъ переходили въ однихъ діалектахъ въ сочетанія гъ, l̥ъ, гь, lь съ сильными ъ, ь (откуда го, lо и т. д.), сохранялись въ другихъ діалектахъ, при чемъ послѣ выпаденія ъ̯, ь̯ здѣсь являлись гу, l̥у, гі, lі непосредственно изъ r̥, l̥, ĺ̥, ŕ̥. Въ положеніи въ самомъ началѣ слова r̥, l̥, n̥, m̥, послѣ выпаденія ъ̯, ь̯, переходили въ сочетанія аг, ог, ег, іг, аl̥, ат и т. д. Въ положеній же послѣ согласныхъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ концѣ слова, r̥, l̥, ĺ̥ переходили въ ег, еl̥, еĺ̥, еп (ог, оl̥, оĺ̥, оп послѣ гортанныхъ), непосредственно же повидимому въ ьг, ьl̥, ьп и т. д. съ сильнымъ ь (ъ). Послѣ гласныхъ слоговыя плавныя и носовыя переходили въ русскомъ, какъ и въ южнославянскихъ языкахъ, въ неслоговые звуки, за исключе-

ніемъ діалектическаго перехода ударяемыхъ (съ новымъ ударе-ніемъ) r̥, l̥, n̥ въ re, le, ne.

Редукція ъ, ь отразилась и на вокализаціи предшествующаго w въ говорахъ общеславянскаго языка, а именно, повидимому, во всѣхъ его говорахъ, кромѣ тѣхъ, которые легли въ основаніе западнославянскихъ нарѣчій: слоговыя w̥̆, w̥̆ переходили затѣмъ послѣ выпаденія ъ, ь въ u, но діалектически они исчезали въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ довольно рано вслѣдствіе общаго перехода w въ v.

Предшествовавшее ударяемому начальному ъ неслоговое i переходило въ слоговое i, за которымъ вм. ъ являлось ь̥, во всѣхъ говорахъ общеславянскаго языка.

Вокализація же j передъ редуцированнымъ ъ (переходъ jъ въ ь̥), такъ же какъ вокализація плавныхъ, носовыхъ не распространилась ни на говоры, легшіе въ основаніе западнославянскихъ нарѣчій, ни на нѣкоторые говоры, отразившіеся частью въ среднерусскомъ и южнорусскомъ нарѣчіяхъ, несмотря на то, что въ этихъ послѣднихъ вокализація w была общимъ явленіемъ. Исчезновеніе ь̥ за i въ южнославянскихъ и сѣвернорусскихъ нарѣчіяхъ въ положеніи за гласной имѣло слѣдствіемъ переходъ i въ неслоговое i (kraj вм. kraiь̥ изъ krajь). Тотъ же результатъ имѣлъ мѣсто въ западнославянскихъ нарѣчіяхъ, а также діалектически въ среднерусскомъ и южнорусскомъ послѣ отпаденія и выпаденія въ нихъ ь (kraj вм. kraj изъ krajь). Въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ выпаденіе ь въ начальномъ слогѣ послѣ j повлекло за собой исчезновеніе самаго j передъ согласными (grać, грати), между тѣмъ какъ въ южнославянскихъ языкахъ и въ сѣвернорусскомъ здѣсь явилось i непосредственно изъ ь̥ (играти).

А. Шахматовъ.